

ГОРБИ GORBY

№ 4

ДЕКАБРЬ 2023

Петр САРУХАНОВ

МЕНЕДЖМЕНТ МИРА

КОНЕЦ «ДОКТРИНЫ БРЕЖНЕВА». Как горбачевская перестройка помогла странам бывшего «социалистического содружества» обрести полный суверенитет. Редакционная статья. **стр. 3**

«В старых рамках решать — ничего не выйдет». На Политбюро 3 июля 1986 года. О соцстранах. Обсуждение записки Горбачева. **стр. 6**

«Должны поставить проблему — куда идти». На Политбюро 23 октября 1986 года. **стр. 6**

«Будет меньше риска, если мы скажем правду». На Политбюро 5 мая 1988 года. О секретных советско-германских протоколах 1939 года. **стр. 7**

«Я исходил из неотъемлемого права каждого народа самостоятельно определять свое будущее». Из книги: Горбачев М.С. «В меняющемся мире». **стр. 9**

«Мы не собираемся вмешиваться во внутренние дела Польши». Из беседы с Ярузельским и Раковским. Берлин, 7 октября 1989 года. **стр. 11**

«Польша для нас фактор не конъюнктурного, а стратегического значения». Из беседы с президентом Польши Войцехом Ярузельским. Москва, 13 апреля 1990 года. **стр. 11**

Заявление советского правительства. (Об ошибочности введения войск в Чехословакию в 1968 году). **стр. 12**

Заявление руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза. (Осуждение введения войск в Чехословакию в 1968 году). **стр. 13**

«В политике нельзя отбрасывать реальности, иначе это будет не политика, а какая-то дымка и авантюра». Из беседы с президентом ЧССР Вацлавом Гавелом. Москва, 26 февраля 1990 года. **стр. 13**

«То, что были опрокинуты попытки обновления в Чехословакии в 1968 году, обернулось крупным стратегическим просчетом». Из беседы с Александром Дубчеким. Москва, 21 мая 1990 года. **стр. 14**

«Счастливых реформаторов не бывает». Письмо Зденека Млынаржа М.С. Горбачеву. **стр. 15**

Ярослав ШИМОВ. **От эйфории к реализму.** Как менялось общественное сознание в странах Центральной и Восточной Европы после 1989 года. **стр. 16**

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Иван ЖИЛИН. **Война с природой.** 2052 воронки на квадратный километр и радиационная угроза Азовскому морю — экологические последствия боевых действий в Украине. **стр. 22**

Алексей ЛЕВИНСОН. **Великая простота.** Это именно то, чего добивалась власть тогда и добивается теперь. **стр. 30**

Стивен ФЕЛЬДСТЕЙН, Фиона БРАУЭР. **Цифровой театр военных действий.** К каким методам контроля информации прибегают страны, участвующие в вооруженных конфликтах. **стр. 34**

Илья ШУМАНОВ (признан в РФ «иноагентом»). **Государству показалось мало.** Превратится ли волна национализации в цунами. **стр. 38**

О чем думают в России: социологическая рубрика. Дружья и враги. **стр. 42**

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Александр СОЛДАТОВ. **Религия смерти.** В чем состоит культ гибели, который становится официальной идеологией РФ. **стр. 46**

РИФМЫ: рубрика Александра АРХАНГЕЛЬСКОГО. Затишье перед бурей. **стр. 52**

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

С. МОНТЕЙН. **Национальный интерес: Гештальт силы и Новое начало.** Эссе. Часть вторая, окончание. **стр. 56**

Анаис КЛЕМЕНТЕ. **Новый мировой беспорядок.** Видна ли «рука Москвы» за ростом популярности на Западе нелиберальных идеологий и движений. **стр. 64**

ДЕМИСТИФИКАЦИЯ

Владимир МОЗГОВОЙ. **Одинокий олимпиец.** Горбачев к спорту относился спокойно. Тем не менее наивысшего олимпийского результата страна достигла именно в годы его правления. **стр. 68**

Виталий ЯРОШЕВСКИЙ. **«Требую смерти для моего отца».** Финальный аккорд беспощадных политических репрессий прозвучал в Праге уже после смерти Сталина. **стр. 72**

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Ольга ТИМОФЕЕВА. **Россией надо заниматься не историкам, а стиховедам.** Беседа с историком культуры профессором Евгением Добренко. **стр. 78**

Лариса МАЛЮКОВА. **Тени забытых потомков.** Как современное отечественное кино описывает мир вокруг. **стр. 86**

Марина ТОКАРЕВА. **Плюшевые чайки.** Юбилей МХТ как вектор театральных перемен. **стр. 92**

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Денис ДРАГУНСКИЙ. **«Положительные герои у меня есть, это — вы, мои умные и добрые читатели!».** Рассказы из нового сборника писателя «Двоюродная жизнь» (выйдет вскоре в издательстве АСТ, «Редакция Елены Шубиной»). **стр. 96**

Юрий ФЕКЛИСТОВ. **Остаются только фотографии.** И память об их героях. Фотокорреспондент рассказывает журналисту Павлу Гутионтову о своих любимых снимках и истории их возникновения. **стр. 102**

ГОРБИ
GORBY

МЕНЕДЖМЕНТ МИРА

КАК ГОРБАЧЕВСКАЯ
ПЕРЕСТРОЙКА ПОМОГЛА
СТРАНАМ БЫВШЕГО
«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО
СОДРУЖЕСТВА»
ОБРЕСТИ ПОЛНЫЙ
СУВЕРЕНИТЕТ

Конец «доктрины Брежневца»

От редакции

В позднегорбачевские времена, когда язык газеты «Правда» 1950-х годов уже перестал быть и еще не стал диалектом нашей дипломатии, блистательный представитель МИД СССР Геннадий Герасимов, отвечая в ходе американской телевизионной программы «Доброе утро, Америка» на вопрос о том, какой позиции после кончины «доктрины Брежнева» теперь придерживается Советский Союз, ответил: «Доктрины Синатры». Помните, сказал он, песню Фрэнка Синатры *Mu Way*, «Мой путь». Так вот, теперь в современном мире у каждой страны свой путь, и СССР это признает.

Смысл «доктрины Брежнева» был четко сформулирован тогда, когда нужно было найти слова для оправдания вторжения в Чехословакию в августе 1968 года. Вот один из характерных газетных заголовков, суммирующих логику доктрины: «Во имя безопасности братских народов. Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств». 26 сентября 1968 года за подписью члена редколлегии Сергея Ковалева в «Правде» увидела свет установочная статья «Суверенитет и интернациональные обязанности социалистических стран». С нее принято отсчитывать историю «доктрины ограниченного суверенитета»: «Суверенитет отдельных социалистических стран не может быть противопоставлен интересам мирового социализма и всемирного революционного движения».

В ноябре 1968 года на V съезде Польской объединенной рабочей партии, который Леонид Брежнев не поленился посетить в непростых текущих обстоятельствах, генеральный секретарь ЦК КПСС обосновал причины вторжения и дал литую формулу «доктрины ограниченного суверенитета»: «И когда внутренние и внешние силы, враждебные социализму, пытаются повернуть развитие какой-либо социалистической страны в направлении реставрации капиталистических порядков, когда возникает угроза делу социализма в этой стране, угроза безопасности социалистического содружества в целом — это уже становится не только проблемой народа данной страны, но и общей проблемой, заботой всех социалистических стран».

Конец «доктрины Брежнева»

Впрочем, «доктрина Брежнева», которая, разумеется, не имела официального наименования в СССР, с равным успехом могла быть названа «доктриной Сталина» или «доктриной Хрущева».

Сталин последовательно создавал зоны своего влияния, что, собственно, и ознаменовало начало холодной войны — «железный занавес» поделил Европу между Западом и СССР. Симптоматично, что план помощи Европе, объявленный Джорджем Маршаллом 5 июня 1947 года, был оценен как шаг к организации «западного блока против Советского Союза» и покушение на зону влияния Сталина — странам-сателлитам СССР было запрещено становиться реципиентами плана Маршалла. В 1948 году состоялась блокада Западного Берлина, а затем грубая насильственная коммунизация власти в Чехословакии. Эти события и сподвигли Запад на создание НАТО в 1949-м. А в 1955-м, после вступления в НАТО ФРГ, была создана Организация Варшавского договора — противостояние двух зон по обе стороны железного занавеса получило четкое «блоковое» оформление.

Внутри своей «зоны» Сталин в 1948 году столкнулся с неповиновением в Югославии Иосипа Броз Тито, который, основываясь на том факте, что югославы самостоятельно освободили свою страну, требовал равных отношений с СССР. В результате с этого времени и до конца правления Сталина Тито ориентировался в большей степени на Запад. Готовилось вторжение в Югославию сталинского СССР вместе с его сателлитами. Шла подготовка к покушению на жизнь Тито. Но в результате все ограничилось жесточайшей информационной войной (руководство Югославии именовалось не иначе как «фашистская клика Тито—Ранковича»). Югославский же лидер отвечал суровыми репрессиями в отношении тех югославских коммунистов, что были просоветски настроены.

Берлинский кризис июня 1953 года оказался модельным: советские войска

тогда подавили волнения в Восточном Берлине и в ряде других городов Германии. Подготавливая вмешательство СССР в связи с событиями в Венгрии в 1956-м, Никита Хрущев вполне в духе будущей «доктрины Брежнева» высказался по поводу того, почему нужно было навести «порядок» в подконтрольной стране: «Если мы уйдем из Венгрии, это подбодрит американцев, англичан и французов империалистов. Они поймут нашу слабость и будут наступать... *Выбора у нас другого нет (курсив наш. — Ред.)*». В то время советскому руководству было крайне важно заручиться одобрением и поддержкой других стран социалистического лагеря, включая Югославию, куда Никита Хрущев и Георгий Маленков срочно, в страшную непогоду, отправились в секретную поездку на двухмоторном самолете Ил-14 — настолько важно им было объяснить с Тито (тем не менее отношения с Югославией в результате подавления восстания в Венгрии были снова испорчены).

Советским вождям было важно удержать в повиновении свою империю. И конечно, это была, прежде всего, «доктрина Сталина». Как отмечал Генри Киссинджер в своем фундаментальном труде «Дипломатия», единственной «валютой», которую Сталин воспринимал всерьез, был контроль над территориями. Однако была и еще одна причина, по которой советские руководители крайне нервно и болезненно реагировали на вспышки недовольства в странах «народной демократии». И эта причина была внутренней. Чешский диссидент из пьесы Тома Стоппарда «Рок-н-ролл» объяснял мотивы вторжения 1968 года: «...просто наши соседи волнуются, как бы их собственные рабы не взбунтовались, если увидят, что нам все сошло с рук».

Ресурсы на поддержание «доктрины Брежнева» истощались, особенно после начала войны в Афганистане: во время очередного и самого масштабного политического кризиса в Польше в начале 1980-х (связанного с противостоянием «Солидарности»

picture-alliance / CTK

Президент Чехословакии Гавел подписывает документ о роспуске ОВД, 1 июля 1991 г.

с коммунистической властью) у Брежнева уже не было сил на еще один эпизод реализации своей доктрины. Во всяком случае, хотя политическое давление Кремля на руководство Польши было мощным (мол, пора обуздать «антисоциалистические силы»), советские войска в польские события не вмешались, военное положение было введено польским руководством во главе с генералом Войцехом Ярузельским.

Слова о «доктрине Синатры» Геннадий Герасимов произнес в конце октября 1989-го, когда «бархатные революции» шагали по Восточной Европе. Возможно, поначалу Михаил Горбачев и не предполагал, что страны «народной демократии», они же страны — «союзники» Советского Союза, глотнув воздуха свободы, потребуют большего — полного освобождения из-под опеки Большого Брата и «возвращения в Европу». С этим процессом в какой-то момент пришлось смириться, поскольку ни остановить его, ни возглавить, сделав вид, что все идет по плану, СССР уже не мог.

Горбачеву хватило реалистического мышления принять происходящее как естественное следствие его собственной политики. Кому он отдал наших союзников? Как кому? Польшу — полякам, Венгрию — венграм и так далее. Да и надо признать, что в одиночку он не мог управлять всеми этими процессами — народы Центральной и Восточной Европы, в сущности, сами вернули себе свои страны.

Но чтобы «процесс пошел», действительно нужно было отказаться от «доктрины Брежнева», вмешательства в дела сопредельных государств, где в послевоенный период насаждался социализм, причем поначалу в очень грубых сталинских формах. В более вегетарианские времена сразу несколько стран считали себя «самым веселым баракком социалистического лагеря», а венгерские или югославские реформы незадолго до прихода Горбачева на высший пост служили образцами для формирования планов реформ в СССР. Однако «доктрина Брежнева» умерла только при генсеке-реформаторе: не всякая страна, где ступал сапог советского солдата, стала считаться полностью подчиненной руководству советской империи. Социалистические страны, восприняв импульс от Горбачева, ставшего для мира Горби, постепенно стали ощущать себя самостоятельными единицами и начали движение к тогдашнему «концу истории» и новой — национальной и европейской — идентичности.

Сегодня трудно себе представить невероятные масштабы «горбимании» и абсолютную уникальность этого явления, когда лидер одной страны оказывается в разы популярнее за границей, чем у себя дома. Помощник Горбачева Анатолий Черняев очень хорошо объяснил происхождение этого феномена: «Мы не знали и не могли понять в прошлом, какой ужас мы наводили на Европу своей военной мощью, своим

1968 годом, своим Афганистаном, каким потрясением для европейцев была установка СС-20. Мы знать этого не хотели: мы демонстрировали мощь социализма. И вот Горби убрал этот ужас».

«Ужас» в виде символа зависимости стран Восточной Европы от СССР — Организации Варшавского договора — был упразднен на совещании политического консультативного комитета ОВД 1 июля 1991 года. Подпись под документом от имени СССР по иронии истории поставил вице-президент Советского Союза Геннадий Янаев — будущий член ГКЧП. Варшавский договор умер немногим раньше самого советского государства.

Уход из социализма оказался непростым и болезненным, с крушением иллюзий и даже попытками возвратного движения. Но западные организационные якоря, включая членство в ЕС, рыночная экономика, включенность в мировые экономические связи, работоспособные демократические институты с реальной возможностью с помощью свободных выборов регулярно менять власть удержали бывших советских вассалов на векторе нормального общечеловеческого развития.

«Бархатные революции» свершились. И они оказались в целом удачными.

«В старых рамках решать — ничего не выйдет»

На Политбюро 3 июля 1986 года
О соцстранах. Обсуждение записки
Горбачева

ГОРБАЧЕВ. Все мы осознали, что отношения с соцстранами вышли на другой этап. Как было — дальше нельзя. Те методы, которые применили по отношению к Чехословакии (в 1968 году) и Венгрии (в 1956 году), неприемлемы.

ДОБРЫНИН. Действовать надо, как в НАТО, — интеграция внешнеполитической деятельности, постоянное, ка-

ждодневное — через разные механизмы — обсуждение любых международных событий и акций.

ГОРБАЧЕВ. Возникает другое общество, которое будет развиваться на собственной базе. <...> Механизмы двусторонних отношений усложняются. То, что было, вызывает недовольство, поощряет центробежные силы. <...> В старых рамках решать — ничего не выйдет. Не можем мы использовать пережитки Коминтерна... «административные методы руководства» друзьями. Правильно сказал Фидель (Кастро): «Влиять КПСС может только своим примером! Все другое — иллюзии». Да и не нужно нам это — такое «руководство». Это значит брать их на свою шею.

Главное — экономика. Здесь большое отставание в координации и интеграции. И это бьет и будет бить по всем остальным аспектам отношений. От концепции перестройки до ее воплощения далеко. Не успеваем. Решающий вопрос: где дела? Именно так. Страна гудит, ждет. Серьезная напряженная работа. Тут-то и проявляются слабые звенья.

Сборник «Отвечая на вызовы времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М., 2010. С. 521–522

Архив

«Должны поставить проблему — куда идти»

На Политбюро 23 октября
1986 года

О ПЕРЕСТРОЙКЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СЭВ

ГОРБАЧЕВ. Конвертируемая валюта в рамках СЭВ... А что мы и другие можем купить на нее? Так зачем нам такая конвертируемая валюта?

Сейчас оборона содружества лежит на нас, энергетика — на нас.

Нет у нас концепции социалистического содружества. Говорим о новом типе отношений. Но в чем он, этот новый тип?

Мы не можем уклоняться от своей роли. Но должны поставить проблему — куда идти.

Вот основные пункты:

Кардинальный вопрос: оборона и развитие. Мы держим это всё вместе, однако некоторые друзья уже начали сокращать расходы на оборону.

Запад и СЭВ. Уроки и перспективы развития того и другого.

Слаборазвитые и развитые страны в соцсодружестве (Куба, Монголия — Чехословакия, ГДР).

РЫЖКОВ. Мы же с друзьями договорились помогать вместе, а фактически мы одни тянем и Вьетнам, и Кубу, и другие.

Или оборона. 5 миллионов нам стоит один самолет. А они его готовым задаром берут.

Или — все в долгах. Польша: все видят, что там произошло. Теперь Венгрия на грани. Болгария остановилась перед пропастью. Спасли мы.

Лезут на Запад — в ловушку. А мы ведь предлагаем выход — свою интеграцию. Не хотят. Все силы волокиты и бюрократизма пустили в ход, чтобы задержать этот процесс.

Концепция у них: на электронику нацелились, деликатесы им подавай, а мы их будем держать исподнизу своим углем, нефтью, металлом. <...>

«Общий рынок» вводит у себя специализацию по странам. Почему мы этого не делаем?

Концепции у нас нет — политико-экономической.

ШЕВАРДНАДЗЕ. А почему не сказать, чего нам стоит Сирия? 6 миллиардов!

ГОРБАЧЕВ. Предстоит совещание с руководителями стран СЭВ, какого еще не было. И здесь мы на переломном этапе.

ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОФИЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ СЭВ С ЕВРОПЕЙСКИМ СООБЩЕСТВОМ

ГРОМЫКО. Сколько еще мы можем стоять с протянутой рукой перед ЕЭС?

ШЕВАРДНАДЗЕ (*не согласен с Громыко*). Запрещать друзьям идти к ЕЭС бесполезно. Надо подстраиваться к объективному процессу. Вот ГАТТ. 20 лет мы говорили, что это плохая организация. А теперь должны идти туда в наблюдатели.

ОБ ИТОГАХ ВИЗИТА РЫЖКОВА В ПОЛЬШУ

РЫЖКОВ. В польском обществе произошла переоценка отношения к Советскому Союзу. Потому что не бросили их в кризисе. На 2,2 миллиарда рублей безвозвратная помощь была оказана, а всего — на 7 миллиардов рублей.

И потому также, что начали перестройку у себя.

ГОРБАЧЕВ. Надо пойти навстречу — ради укрепления отношений с Польшей, хотя и не все нам нравится в ее развитии. Но с руководством наладили необходимые отношения. Поляки идут на самые широкие связи с нами.

И в этом надежда. Учитывая, что это наш ближайший сосед — 40 миллионов населения, — нашу линию надо твердо держать.

Сборник «Отвечая на вызовы времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М., 2010. С. 524–525

«Будет меньше риска, если мы скажем правду»

На Политбюро 5 мая 1988 года

О СЕКРЕТНЫХ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКИХ ПРОТОКОЛАХ 1939 ГОДА*

МЕДВЕДЕВ (*ему было поручено подготовить вопрос к обсуждению*). Вопрос о протоколах 1939 года — один из тяжелейших для нас. По существу, он довольно ясен. Их отрицание и тем более квалификация как фальшивки никого не убеждает. Оригинал нет, но имеющиеся копии и с той, и с другой стороны совпадают. Реальность протоколов подтверждается и самим ходом событий, которые развивались в точном соответствии с зафиксированной в протоколах линии раздела сфер влияния, а там, где возникали отклонения, они поправлялись.

* Этот вопрос, а также два упомянутых в конце приводимой записки были рассмотрены в связи с предстоящим визитом Горбачева в Польшу.

Например, немцы заняли Львов и Пинск, а затем отошли к согласованной линии.

По существу, признание протоколов содержалось и в советской печати. Я имею в виду «Историю Великой Отечественной войны» (издание 1961 года, т. 1). На с. 176 этой книги говорится: «Советский Союз уже не мог оказать помощь Польше, правительство которой столь категорически ее отвергло. Единственно, что можно было сделать, — это спасти от германского вторжения Западную Украину и Западную Белоруссию, а также Прибалтику. Советское правительство и добилось от Германии обязательства не переступить линию рек Писса, Нарев, Буг, Висла, Сан». Но в основном советско-германском договоре это обязательство Германии не предусматривается, значит, была и какая-то другая договоренность, другой документ. Это высказывание хорошо известно в Польше и в других странах, и на него ссылаются историки.

Возникает альтернатива: или и дальше уходить от этого вопроса под предлогом того, что нет оригинала, или фактически в той или иной форме признать их. Умолчание — не выход, потому что уже сам факт умолчания используется против нас, против нашего курса на гласность и перестройку.

Что касается признания, то оно, конечно, связано с определенными издержками, вызовет, по-видимому, какой-то всплеск антисоветской пропаганды, породит определенные трудности внешнего и внутреннего порядка. Но зато расчистит почву, снимет с нас тяжкий груз, даст возможность развернуть активную наступательную пропагандистскую работу. Это было бы в русле традиции открытой, гласной внешней политики и в конечном счете не снизило бы, а повысило авторитет Советского государства и нынешнего руководства.

Э то открыло бы возможность для развертывания более активной наступательной работы по разъяснению нашей позиции в сложнейшей мировой обстановке, приведшей к возникновению Второй мировой войны. Начало такой работе положено в докладе о 70-летию Октябрьской революции, где было убедительно показано, что для нас пакт 1939 года был тяжелой, но вынужденной мерой. Эту работу надо было бы активно развернуть в научной литературе и пропаганде.

И, напротив, наше молчание по поводу секретных договоров создаст впечатление, что мы чего-то боимся, что-то пытаемся скрыть, о чем-то умалчиваем.

Какие «за» и «против» с точки зрения польской ситуации?

Для польского общества существование договоров давно уже воспринимается как очевидное. Конечно, какие-то спекуляции могут быть, но взрыва общественного мнения не произойдет. В польской печати в конце прошлого года опубликован полный текст секретных протоколов в западном варианте.

Они оживленно обсуждаются в периодике, в научной литературе, и, пожалуй, главное, что вызывает непонимание в польской аудитории, — это наше молчание по данному вопросу.

Вот что думает об этом один из видных польских историков, член совместной советско-польской комиссии Ковальский («Одродзене», номер за 16 апреля 1988 года): «Смешно говорить о «белых пятнах». Конечно, если взять то, что написано, то в этом случае они есть, но если говорить о сознании людей, то в нем нет «белых пятен». Те, кого это коснулось, и те, кто хочет об этом знать, знают. Знают, что был пакт Риббентропа–Молотова, что около миллиона польских граждан было депортировано в глубь Советского Союза».

Сняв пелену умолчания с факта секретных протоколов, мы перечеркнем обвинения, что что-то утаиваем. Тем самым создадим более благоприятные возможности для доведения до широких слоев польской общественности того, что не секретные протоколы, а пагубный внешнеполитический курс правительства буржуазной Польши привел к сентябрьской катастрофе. Из документов известно, что дата нападения Германии на Польшу («не позднее 1 сентября») была установлена Гитлером еще 3 апреля 1939 года, то есть задолго до советско-германского пакта.

Будут сужены возможности противников советско-польской дружбы использовать наше молчание по поводу секретных протоколов для разжигания в Польше враждебного отношения к СССР.

Определенные издержки признание протоколов может породить для наших отношений с Финляндией, против которой Советский Союз в декабре 1939 года начал войну, а за этим последовало исключение СССР из Лиги Наций. По-видимому, правые силы не преминут воспользоваться этим предлогом для нападок на СССР и дружественный курс Финляндии по отношению к Советскому Союзу. Но нам известно, что финская сторона не обостряет вопросов истории советско-финляндских отношений. События 1939 года отодвинуты назад последующим ходом развития — укреплением наших добрососедских отношений с этой страной, которые к тому же хорошо отрегулированы на государственно-правовой основе.

Теперь о наших внутренних проблемах, касающихся Прибалтийских республик и Молдавии. Замалчивая проблему протоколов, мы оставляем широкое поле для распространения националистических взглядов в Прибалтийских республиках, согласно которым якобы судьба Прибалтики была решена в августе 1939 года путем секретных соглашений. В действительности же дело обстояло иначе: если какую роль и сыграли советско-германские соглашения, то она состоит в том, что ими мы оградили Прибалтику от вмешательства германского фашизма, от угрозы порабощения им Прибалтийских государств, а тем самым создали условия для подлинного волеизъявления народов этих республик в соответствии с их коренными интересами и историческим прошлым как интегральной части Российского государства.

Судьба народов этих стран решалась не в 1939 году, а в 1940-м, когда на основе собственного волеизъявления они вошли в состав Советского Союза.

Содержание протоколов известно населению Прибалтики через каналы западных радиостанций, так что изменение нашей позиции в отношении их не будет представлять какой-то драматический шаг и вряд ли окажет большое влияние, хотя, конечно, необходимо его тщательное пропагандистское и идеологическое обеспечение.

Как лучше подойти к решению этого вопроса? Конечно, для публикации протоколов по имеющимся копиям нет достаточных оснований, но можно было бы в качестве первого шага снять запрет на обсуждение этих вопросов в научной литературе. Ученые могли бы высказать какие-то мнения, точки зрения на сей счет и затем, в зависимости от реакции в стране и за рубежом, можно было бы предпринять и другие шаги вплоть до высказывания официального отношения к этому вопросу. Например, в духе того, что оригиналами протоколов мы не располагаем, поэтому утверждать что-либо определенное на этот счет не можем — пусть ученые этот вопрос рассматривают с учетом совокупности всех фактов, относящихся к этому делу.

СМИРНОВ высказывается в пользу признания протоколов.

ИЛЬИЧЕВ. Подлинники протоколов были. Их держал в руках Павлов. Уходя из МИДа, Молотов переслал пакет на 17 страницах в Общий отдел ЦК КПСС.

ГРОМЫКО. Непризнание протоколов неприемлемо. Вопрос этот будет обостряться. Был по этому вопросу разговор с Молотовым и Хрущевым. Молотов не отрицал и ничего не признавал. Хрущев повторил Молотова — ни да, ни нет, но и он не отрицал. По этой причине было приостановлено многотомное издание документов МИДа. На Нюрнбергском процессе, как известно, копии протоколов признаны фальшивкой.

С точки зрения длительных интересов необходимо сказать правду. Возможно, что где-то, может быть, на Западе, придерживают оригиналы. Будет меньше риска, если мы скажем правду.

ЧЕБРИКОВ. Публиковать копии нельзя даже с формальной точки зрения. Публикация не соответствует обязательной юридической практике. Она даст больше минусов, чем плюсов. Безусловно, активизируются антисоветские настроения в Польше. Требование пересмотра границ. Еще сложнее будут отношения с Румынией. Произойдет всплеск требований об отделении Прибалтики. В общем, публикация по меньшей мере преждевременна.

На этом заседании рассмотрены также вопросы об увековечении памяти польских революционных деятелей в Советском Союзе, об устройстве захоронений в Катynie.

« Я исходил
из неотъемлемого
права
каждого
народа
самостоятельно
определять свое будущее

«А тем временем темп событий — прежде всего в Европе — все убыстрялся. История ускоряла свой ход, бросала вызов политике и политикам.

Это проявилось, прежде всего, в странах Центральной и Восточной Европы, наших союзниках по Варшавскому договору.

Меня часто упрекали в том, что я «отдал Восточную Европу», «предал друзей». На это у меня один ответ:

— Кому отдал? Польшу — полякам. Венгрию — венграм. Чехословакию — чехам и словакам.

Другие, напротив, обвиняют меня в том, что я слишком терпимо относился к деятельности Чаушеску, Хонеккера, Живкова, Гусака... Дескать, надо было надавить на них, заставить пойти на серьезные реформы.

Такие обвинения исходят из старых, изживших себя представлений о характере отношений между нашими странами, согласно которым мы имели право беззастенчиво вмешиваться в дела «сателлитов», кого-то защищать и оберегать, а кого-то карать и «отлучать». Такие порядки противоречили и формально провозглашавшимся в документах компартий принципам равноправия, самостоятельности, невмешательства во внутренние дела друг друга, полной ответственности руководства каждой страны перед своим народом.

Начав перестройку, смысл которой состоял в том, чтобы дать свободу своему

Прага. 1968 год

народу, советское руководство не могло действовать по-другому, применять иные критерии в отношении стран, которые на протяжении десятилетий были связаны с нами союзническими отношениями. Вмешательство во внутренние дела соседей было прекращено. Москва больше не давала советов, тем более указаний. Мы были убеждены, что перемены нужны повсюду, но в то же время не стремились «экспортировать» свой опыт, свои намерения.

Изменения должны были вырваться и в сознании людей, и в реальной общественной обстановке.

С самого начала я исходил из неотъемлемого права каждого народа самостоятельно определять свое будущее. И этой позиции строго придерживался, не отступая от нее тогда, когда меня пытались подтолкнуть к применению силы.

Я исходил из неотъемлемого права каждого народа самостоятельно определять свое будущее

Изменения в странах Центральной и Восточной Европы назрели в не меньшей степени, чем в нашей стране. Строй, который существовал в этих странах, изжил себя, тяготил их народы.

События в Венгрии в 1956 году, в том же году и позже — в Польше, Пражская весна 1968 года, прерванная вводом советских войск в Чехословакию, эпопея «Солидарности» в Польше, начавшаяся в 1980 году, — это были не просто сигналы, а мощные подземные толчки. Но поскольку не происходило своевременных и необходимых перемен у нас, то это блокировало перемены у наших друзей. А когда начались перемены в Советском Союзе, это дало импульсы и для других. Как же мы могли отказать народам соседних стран в том, что рождалось и стремительно развивалось у нас, — в праве людей самим определять свою судьбу, самим выбирать своих руководителей, в свободе слова, в свободе от страха?

Люди хотели перемен. Они узнавали о том, что происходит в нашей стране, даже там — особенно в ГДР, Румынии, — где информация о перестройке была перекрыта, где ответом на нее был «зажим» и «закручивание гаек». А именно так обстояло дело в большинстве соцстран.

Можно сказать, что атмосфера в отношениях между руководителями соцстран и вся ситуация в нашем содружестве все больше определялась реакцией на советскую перестройку. По информации, которая ко мне поступала, и на основании многочисленных встреч и бесед могу сказать, что уже первые наши реформаторские шаги вызвали огромный интерес в союзнических государствах, особенно среди интеллигенции, студенчества, да и других слоев. Тут нашли выражение многие побуждения и надежды — на обновление опустылевших форм жизни, на демократию, свободу и, наверное, превыше всего — долгожданную возможность самостоятельно решать судьбу своих стран.

Иной была реакция большинства руководителей. Привыкшие опираться на поддержку извне, на бесконтрольную авто-

ритарную власть, вначале они не приняли всерьез наши намерения, отнеслись к ним с вежливым любопытством и даже снисходительной иронией: «Не первый случай, когда новый советский руководитель начинает с критики своих предшественников, потом все возвращается на круги своя». Но когда убедились, что советская реформация «всерьез и надолго», начали проявлять неприятие перестройки, особенно демократизации и гласности.

И это не удивительно — ведь распространение этого процесса и у них означало

бы конец системы, расставаться с которой они не хотели.

Но на советские танки рассчитывать уже не приходилось. Оставшись лицом к лицу со своим народом, они должны были либо демократически доказать свое право остаться у власти, либо уходить».

Архив

Венгрия. 1956 год

«Мы не собираемся вмешиваться во внутренние дела Польши»

Из беседы с Ярузельским
и Раковским
Берлин, 7 октября 1989 года

ГОРБАЧЕВ (*кратко информирует о своих беседах с Хонеккером и членами Политбюро ЦК СЕПГ*). <...> Социалистический мир нуждается в переменах. За опоздание приходится платить дороговую цену.

РАКОВСКИЙ. Здесь сейчас говорят и мечтают о том, чтобы вы, Михаил Сергеевич, принесли «второе освобождение» Германии.

ГОРБАЧЕВ. Хотел бы сказать о Польше. У нас и в руководстве партии, и в обществе очень переживают за положение в Польше, за ПОРП, ее руководство. Я много размышляю над этими проблемами. За годы непосредственного общения с вами я стал как бы ближе к Польше, и поэтому особенно близко к сердцу принимаю все, что у вас происходит.

Нас в Союзе нередко буквально допрашивают: как это мы допустили такой ход событий в Польше? Думаю, что в какой-то мере такая постановка вопроса оправдана, поскольку КПСС, Советский Союз объективно играли и играют ведущую роль. И если не происходило своевременных и необходимых перемен у нас, то как бы блокировались перемены и у друзей. Но когда начались перемены в КПСС, это дало позитивные импульсы и для других. Другое дело, что старты развития каждой партии, каждой страны не одинаковы. Кое-где уже слишком многое упущено. Вы сами это видите и знаете. Но, возвращаясь к Польше, я бы не терял оптимизма, уверенности в том, что ход дела еще может быть исправлен. Народ должен еще убедиться, что руководство ПОРП не было худшим. Поэтому не надо теряться и отчаиваться. Нынешний шок должен пройти.

«Польша для нас фактор не конъюнктурного, а стратегического значения»

Из беседы с президентом Польши
Войцехом Ярузельским
Москва, 13 апреля 1990 года

Характерно признание Мазовецкого, что, по сути дела, без участия ПОРП сейчас невозможно управлять Польшей.

Не вижу достаточно глубоких причин, чтобы вы сдавались. Самокритично оценивая ошибки, надо избавляться от бесконечного синдрома вины. Необходима новая политика, в том числе по отношению к союзникам. Жизнь их тоже будет учить.

Мы сохраняем и будем соблюдать все договоренности, которые имеются у нас с вами. Вы можете в полной мере, по-крупному использовать объективную необходимость сохранения и развития отношений между Польшей и Советским Союзом. Давайте нам своевременно знать о ваших соображениях, сомнениях и предложениях на этот счет. Важно не дать разрушиться тот большой позитив, который нами наработан за ряд лет. Мы не собираемся вмешиваться во внутренние дела Польши, но нам совершенно не безразлично, как и куда будет развиваться Польша.

Приглашаю Мечислава с рабочим визитом на денек к нам 11 октября.

Наверное, несколько сложнее будет определиться с датой визита президента Польши.

ЯРУЗЕЛЬСКИЙ. Буш пригласил меня в США в начале 1990 года, а Мазовецкого — в течение года. Конечно, целесообразно мне нанести визит в СССР до поездки в США.

Большое спасибо, Михаил Сергеевич, за то, что вы открыто поделились с нами вашими соображениями относительно положения в Польше.

Я полностью разделяю ваши оценки. Сейчас важно не паниковать. Может быть, в перспективе еще возможна и победа. Но, конечно, ради этого нужно много потрудиться и реалистически смотреть на развитие ситуации.

Когда мы любой ценой защищали партию, образно говоря, пряча ее под государственный зонтик, то объективно мы ее тем самым ослабляли.

Конечно, ПОРП уже не та, что в 70-е годы. Но произошедшие перемены в партии еще далеко не адекватны требованиям времени. Поражение ПОРП на выборах и при формировании правительства дает нам, однако, шанс для самокритичной переориентации.

Сборник «Отвечая на вызовы времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М., 2010. С. 572–573

ГОРБАЧЕВ. <...> Все, что происходит в Польше, вызывает немалый интерес в Советском Союзе, тем более что то и дело подбрасываются такие факты, которые больно задевают наше общественное мнение. Я имею в виду разного рода экстремистские выходки, затрагивающие память о советских воинах, погибших при освобождении Польши. За те десятилетия, что мы прожили в тесном сотрудничестве и взаимодействии, у нас привыкли воспринимать поляков не просто как соседей, но и как друзей. Прямо скажу, что Польша для нас фактор не конъюнктурного, а стратегического значения. И мы намерены так относиться к ней, уважая свободу выбора польским народом пути и модели своего развития.

Хотя, конечно, не закрываем глаза на то, что западная резиденция годами ковала свои позиции в Польше, как, впрочем, и в Литве, и в Прибалтике в целом. Но конечное слово за самим польским народом. Без уважения к народу, к его чаяниям, к его выбору нет политики. Это не значит, разумеется, что мы не имеем собственных оценок положения дел в той или иной стране, и в Польше в частности. За положением в Польше следят у нас различные круги. Кое-кто рекомендует нам скопировать польскую шоковую терапию в экономике. Нас она тоже интересует, хотя копировать мы никого не собираемся.

Мы ценим реализм нового польского правительства Мазовецкого и надеемся, что нормальное, дружественное развитие советско-польских отношений отвечает взаимным интересам наших народов и стран. Это тем более важно сейчас, когда идет процесс сближения и объединения двух германских государств. Мы ценим взаимопонимание и взаимодействие по всем этим вопросам с Польшей как со своим союзником. Прошу вас передать это и главе польского правительства Тадеушу Мазовецкому. <...>

Положение в Восточной Европе надо оценивать в масштабах общеевропейских процессов. С этой точки зрения целиком сохранить то, что имели раньше союзные страны в военно-политическом и экономическом отношении, нереально. Но вместе с тем была бы крайне вредной и политическая суэта, стремление в одночасье отказаться от всего и вся. Такого рода суэта особенно заметно сказывается в Венгрии, да и в какой-то мере в Чехословакии. Даже Запад не хотел бы поспешного демонтажа существующих в Европе военно-политических и экономических структур. Гораздо разумнее не ликвидировать, а видоизменять их с учетом процессов, происходящих на континенте. А это как раз те процессы, которые вписываются в идею формирования «общеевропейского дома». С этим вынуждены считаться все реалистически мыслящие политики, в том числе

и Коль, как бы он ни суеился поначалу с форсированием объединения Германии.

Думаю, ваши соображения относительно Варшавского договора, а также о положении Северной группы советских войск могут быть рассмотрены в контексте советско-польского сотрудничества в спокойных тонах. Тут важно не подать какого-либо ложного сигнала никому. Нужно рассмотреть все эти вопросы в контексте общеевропейской ситуации, тех перемен, которые здесь происходят и еще будут происходить. Принципиальное заявление советского правительства на этот счет сделано в феврале этого года.

Что касается наших экономических отношений, то совершенно очевидно, мы подошли к тому рубежу, когда надо их существенно обновлять. Сейчас, пожалуй, все согласны в том, что необходима интеграция в мирохозяйственные связи. Это здоровый, естественный нормальный процесс. Изоляция весьма негативно сказалась на темпах и качестве нашего развития, тормозит научно-технический прогресс. Нужны, разумеется, изменения и в системе цен и валютных расчетов. <...>

Согласен с вами относительно важности обмена культурными ценностями, которые всегда занимали важное место в отношениях между нашими народами и, уверен, способны еще больше их сближать. В этой связи хотел бы посоветоваться с вами, в частности, по предложению нашего министра культуры Николая Губенко, который видит возможности возвращения в Польшу некоторых культурных ценностей, относящихся, по мнению наших ученых, к XV–XVII векам. Они хранятся сейчас в запасниках ленинградского Эрмитажа, куда попали в качестве трофеев из Германии, куда они были вывезены из Польши во время войны. Наверное, советские и польские специалисты могли бы дать оценку этим реликвиям и обсудить возможные пути их возвращения в Польшу.

Конечно, мы не будем забывать о левых силах в Польше, намерены и впредь оказывать им внимание и посильную поддержку. Это важно еще и потому, что у нас тоже формируется новый спектр политических организаций. Мы, несомненно, уже в ближайшее время подумаем о контактах с Квасневским.

Сборник «Отвечая на вызовы времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М., 2010. С. 583–585

Заявление Советского правительства

Чехословацкое общество находится в стадии критического переосмысления опыта своего политического и экономического развития. Процесс естественный, через который так или иначе проходят многие страны. К сожалению, необходимость постоянного социалистического самообновления и реалисти-

ческих оценок происходящих событий не всегда было делом само собой разумеющимся. Особенно в ситуации, когда такие события переплетались противоречивым образом и требовали смелых ответов на вызовы времени.

В 1968 году тогдашнее советское руководство приняло во внутреннем споре в Чехословакии вокруг объективно назревших задач позицию одной стороны. Оправдание такому несбалансированному, неадекватному подходу, вмешательство в дела дружественной страны виделось в то время в острой конфронтации Востока и Запада.

Мы разделяем точку зрения президиума ЦК КПЧ и правительства ЧССР, что вступление армии пяти социалистических стран в пределы Чехословакии в 1968 году не было обоснованным, решение о нем в свете всех известных теперь фактов было ошибочным.

Заявление руководителей Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза

Руководители Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и Советского Союза, собравшиеся на встречу в Москве 4 де-

кабря с.г., заявили, что предпринятый в 1968 году ввод войск их государств в ЧССР явился вмешательством во внутренние дела суверенной Чехословакии и должен быть осужден.

Прервав процесс демократического обновления в ЧССР, эти неправомерные действия имели долговременные отрицательные последствия. История подтвердила, насколько важно даже в самой сложной международной обстановке использовать политические средства для урегулирования любых проблем, строго соблюдать принципы суверенитета, независимости и невмешательства во внутренние дела в отношениях между государствами, что отвечает положениям Варшавского договора.

«Правда», № 339, 05.12.1989, с. 2

«В политике нельзя отбрасывать реальности, иначе это будет не политика, а какая-то дымка и авантюра»

Из беседы с президентом ЧССР
Вацлавом Гавелом
Москва, 26 февраля 1990 года

ГОРБАЧЕВ. Нам нужно сохранить и развить все полезное, что было и есть в советско-чехословацких отношениях. Разумеется, решительно перешагнув через все то негативное, что тоже имело место. По этому поводу мы уже высказались, как вам известно, вполне определенно. <...>

ГАВЕЛ. Согласен с вами. Но присутствие иностранных войск, в том числе американских, в Европе не должно быть вечно.

ГОРБАЧЕВ. Абсолютно согласен.

ГАВЕЛ. Хотел бы откровенно сказать, что я получаю тысячи писем со всей республики, в которых выражается страх в связи с пребыванием в Чехословакии советских войск, введенных в августе 1968 года. Все ожидают от моего нынешнего визита решения о выводе войск, которые рассматриваются как оккупационные. Если мы подпишем сегодня с вами декларацию, то это было бы очень важно для наших отношений.

ГОРБАЧЕВ. <...> Принципиальную оценку вводу войск в 1968 году мы уже дали. Это пройденный для нас этап. Мы перешагнули через него и должны идти вперед.

А в связи с тем, что вы расцениваете советские войска в Чехословакии как оккупационные, я вспоминаю публикацию западного корреспондента, который уже в середине сентября 1968 года писал о том, что видел, как чехословацкие девушки целуются с советскими танкистами. <...>

Но особо хотел бы сказать вот о чем. Не все было плохо в наших отношениях и в прошлом. Надо отнестись к нашему прошлому реалистично и расчетливо, отказаться от всего того, что не отвечало принципам равноправия и сохранить

все позитивное. А оно было, и его было немало. Мы неплохо сотрудничали, обмениваясь результатами труда наших народов, были взаимополезные связи ученых, деятелей культуры, просто сотен тысяч простых людей. <...>

ГАВЕЛ. В памяти наших народов прежде всего сохраняется вклад Советского Союза в освобождение большей части территории нашей страны во время Второй мировой войны. И даже все плохое, что было потом, не изгладило этого из народной памяти. <...>

ГОРБАЧЕВ. Объективную оценку даст время. Главное — сохранить то хорошее, что нас объединяло, и бросить конструктивный взгляд в будущее <...>

ГАВЕЛ. <...> Мне кажется, нам удалось ослабить традиционный американский страх перед тем, что кто-то хочет их вытеснить из Европы. Буш заявил, что, пока на континенте нет надежной стабильности, они не хотели бы выводить свои войска... Но если бы была создана новая система европейской безопасности в результате мирной конференции, которая бы решила проблемы Германии, тогда, наверное, представилась бы возможность спокойно вывести американские войска из Европы. <...>

Таким образом, был бы решен вопрос и о Варшавском пакте. Варшавский договор и НАТО из военных образований превратились бы в политические, а в конечном счете слились бы в единую систему общеевропейской безопасности. <...>

ГОРБАЧЕВ. Я давно размышляю над этими проблемами, и поэтому могу сказать, что в основе своей ваши взгляды во многом совпадают с нашими. <...>

Сейчас большие опасности связаны с тем, что существует искушение, соблазн добиться превосходства и даже реванша, используя нынешнюю ситуацию в Восточной Европе. На Западе есть немало сил, которые подвержены такому соблазну... Задача задач сейчас в том, чтобы канализировать процессы перехода из одного состояния Европы и мира в другое, более стабильное. <...> Что касается пребывания американских войск в Европе, то это особая тема. Весь мой опыт общения с двумя американскими администрациями показывает, что они прямо-таки болезненно опасаются, как бы их кто-то в чем-то не ущемил...

На объединение Европы от Атлантики до западных границ Советского Союза они еще соглашались. А вот объединение Европы с участием Советского Союза — это их пугает. Но что касается нас, мы отнюдь не против участия американцев в европейских делах. Мы за то, чтобы находить взаимоприемлемые решения.

ГАВЕЛ. Из того, что вы сказали, Михаил Сергеевич, мне кажется, что у нас почти полное единство во всем, что касается европейских проблем. Мысли, подобные только что вами высказанным, я развивал и в Конгрессе США... Я говорил, что Америка не вечно должна держать свои войска в Европе. И американские конгрессмены аплодировали этому.

ГОРБАЧЕВ. <...> Думаю, мы с вами, господин президент, можем наращивать сотрудничество в новых формах. <...> Надеюсь, что новый этап в отношениях между нашими страна-

ми позволит сохранить все то доброе, что было в них, отбросив все отжившее и негативное. Думаю, что мы сможем в наших отношениях прибавить человеческого тепла и конкретики в делах. Ведь связаны наши страны очень тесно, и это реальность. А в политике нельзя отбрасывать реальности, иначе это будет не политика, а какая-то дымка и авантюра.

При всех сложностях, которые мы сейчас испытываем внутри страны, мы намерены добросовестно придерживаться тех договоренностей, которых мы достигли за последнее время с нашими друзьями и партнерами. Это касается и Польши, и ГДР, и, конечно, Чехословакии. Такой подход будет сохраняться и впредь.

ГАВЕЛ. Хотел бы еще раз уточнить, господин президент, могу ли я заявить, скажем, на пресс-конференции, если меня об этом спросят, что советская сторона рассматривает 30 июня 1991 года как крайний срок полного вывода войск из Чехословакии, введенных туда в августе 1968 года, и сделает все для того, чтобы вывести их по возможности раньше. А что касается боевых частей, то вывести их уже через год. Такое заявление крайне важно для меня по внутривнутриполитическим соображениям. Это укрепило бы мои позиции перед лицом тех кругов, которые требуют немедленного вывода советских войск.

ГОРБАЧЕВ. Надо, чтобы и мы, советская сторона, выглядели солидно перед чехами и словаками, и не давали им обещаний без твердой уверенности в том, что сможем их выполнить. Может быть, условиться о том, чтобы подписать соглашение о выводе войск в том виде, в каком оно согласовано министрами иностранных дел, но сказать при этом, допустим, на пресс-конференции, что в ответ на обращение чехословацкой стороны советские представители заявили о стремлении изыскивать возможности к более раннему выводу войск.

Сборник «Отвечая на вызовы времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М., 2010. С. 581–583

«То, что были опрокинуты попытки обновления в Чехословакии в 1968 году, обернулось крупным стратегическим просчетом»

Из беседы с Александром Дубчеком*
Москва, 21 мая 1990 года

ГОРБАЧЕВ (*тепло приветствует гостя*). Встреча знаменательна во многих отношениях, она говорит о многом, и прежде всего о жизненности идеи гуманистического, демократическо-

го обновления общества в интересах человека труда. Первая проба такого обновления была предпринята в Чехословакии в 1968 году. Но крутой поворот осуществляется как раз сейчас в Советском Союзе. Без перемен в СССР не было бы серьезных надежд на обновление социализма. Без этого было бы трудно надеяться на ускорение перемен во всем мире. <...>

Нашим народом, целыми поколениями многое пережито, но многое и создано. Целый ряд политиков, определенный режим, определенные модели развития, несомненно, заслуживают самой суровой критики и осуждения.

Но никто не имеет права обвинять народ, партию в целом.

Вместе с нами тяжелые испытания прошли и близкие нам восточно-европейские страны, каждая по-своему. То, что были опрокинуты попытки обновления в Чехословакии в 1968 году, обернулось крупным стратегическим просчетом, который негативно сказался и на развитии Советского Союза. <...>

Что касается Чехословакии, то у меня лично, да и у всех моих товарищей всегда было самое доброе отношение к этой стране. У меня были хорошие контакты с Густавом Гусаком, и когда я в ходе официального визита в вашу страну услышал призывы «Михаил, останься у нас хоть на год», я понял, что назревает новый кризис доверия руководству. В результате моих откровенных товарищеских обсуждений с Гусаком перестроечных проблем

* В это время — Председатель Федерального собрания Чешской и Словацкой Федеративной Республики.

он решил уступить свой пост новым людям. Но, думаю, весьма активную роль сыграл в это время ваш земляк Васил Биляк. По-моему, он руководствовался главным образом личными амбициозными соображениями. До меня дошла даже примерно такая его фраза: «Подождем, в Москве в конце концов сломают голову те, кто увлекается перестройкой, и придут новые люди».

ДУБЧЕК. К сожалению, это не только фраза. За ней стояла активная работа, а ждали на самом деле не новых людей, а приверженцев всего старого.

ГОРБАЧЕВ. <...> Что касается наших отношений с Чехословакией, то важно сохранить все ценное и взаимопольное, что было достигнуто за многие годы. Хотелось бы, чтобы с чехословацкой стороны и в нынешних, новых условиях понимали, что мы вам нужны, и думаю, не меньше, чем прежде.

В Москве с удовлетворением заметили недавнее заявление президента Гавела, который высказался против запрещения

КПЧ, против предъявления коллективных обвинений членами компартии. Думаю, его реноме от этого только выиграет.

ДУБЧЕК. У меня с ним на эту тему был не один разговор.

ГОРБАЧЕВ. <...> Возвращаясь к теме советско-чехословацких отношений, хотел бы подчеркнуть: мы за то, чтобы в них было больше реализма. В Советском Союзе твердо и однозначно исходят из уважения права народов Чехословакии, как и других стран, свободно выбирать пути и модели собственного развития. Это гарантия от ошибок, которые допускались в прошлом.

Можете воспринимать сказанное мной как мое приветствие Александра Дубчека в Москве и как аргумент в пользу того, что трудные годы жизни прошли не даром, не зря.

Сборник «Отвечая на вызовы времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства». М., 2010. С. 585–586

«Счастливых реформаторов не бывает»

Письмо Зденека Млынаржа М.С. Горбачеву в процессе подготовки совместной книги-диалога, которая вышла в свет в 1995 году под названием «Не бывает счастливых реформаторов». К письму приложен один из ранних вариантов оглавления книги

Дорогой Миша!

Псылаю первую часть (около одной трети) нашего «продукта». В этой части преобладают в некоторых отделах мои пассажи над твоими, что связано с событиями около 1968 года. В следующих отделах это будет наоборот, так как они связаны с твоей перестройкой.

Я прошу тебя отработать этот черновик и перепечатать, чтобы я мог захватить одну копию 25 июня. Меняй, вычеркивай и дополняй — сколько ты хочешь (можешь, конечно, дать соответствующие поправки и в моем тексте). Если можно, я хочу попросить Раечку, чтобы она прочитала — постороннему читателю всегда видно, — и сверх этого я ценю ее мнение. (Ирена читала на чешском и одобрила.)

В Беловике надо хорошо графически отмечать главы, нумерованные разделы и заголовки внутри этих разделов (без номеров).

Я надеюсь, ты найдешь время для работы над рукописью, а то иначе все будет под угрозой. С моей стороны я закончу в июле (до половины августа).

О всем дальнейшем мы договоримся в июне. 24 или 25 нам надо посидеть еще часика два. В Вену я вылетаю 26 (воскресенье), прибуду 22 (среда). Прошу доставить для меня к той дате все материалы для круглого стола в чешское посольство (к рукам посла Сланского), где я буду проживать.

Обнимаю Зденек*

*Рабочий вариант книжки-разговора
(Добавлено): Михаил Горбачев — Зденек Млынарж
Не бывает счастливых реформаторов
(Размышления о социализме)*

*От авторов: Как и почему родилась эта книжка.
Глава I. Узловые пункты наших биографий
(Зачеркнуто) (Вставлено: Скрещенья наших судеб)
Студенты-коммунисты
Новые надежды и новые разочарования)
Двадцать лет разными путями
Глава II. О нашем понимании социализма
(Готовая часть)
Пражская весна и ее поражение
Больше демократии, больше социализма
Свобода выбора или есть, или ее нет
Самолет, который взлетел, но не знает, где ему приземлиться? — добавлено
Что делать с партией?
Могло ли (вставлено) насилие «спасти социализм»?
Социалистические ценности, отношения (вычеркнуто)
и институты
Глава III. Существует только один мир
Выбраться из тупика холодной войны
Постоянство стагнации и риск развития
Новая редакция: Лучше риск развития, чем постоянство стагнации
Социализм жив как всемирный процесс
Глава IV. О совести реформаторов
Попробовали (зачеркнуто), (вставлено) Решились ли бы мы (вставлено) на это делать (вычеркнуто) снова?
Новая редакция: Решились ли бы мы на это снова?
Кто, когда и что предал
Познанный секрет (вычеркнуто). Раскрытая тайна запертой комнаты (вставлено)*

Из книги: «Понять Горбачева. Из писем экс-президента СССР». М.: изд-во «Весь Мир», 2021. С. 206–207.

* Млынарж Зденек (1930–1997) — чехословацкий и чешский политик, секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) (1968–1970). Один из лидеров Пражской весны, идеолог «социализма с человеческим лицом». Друг и однокурсник М.С. Горбачева. Дружили до самой смерти Млынаржа.

От эйфории к реализму

КАК МЕНЯЛОСЬ
ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ
В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ
И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
ПОСЛЕ 1989 ГОДА

Ярослав
Шимов

Недавно в одном из пражских кинотеатров я посмотрел только что вышедший на экраны чешский фильм под названием «Братья». Он рассказывает — вполне увлекательно, получился этакий исторический триллер, — историю семьи Машинов, известную каждому сколько-нибудь образованному чеху. Речь идет о братьях Цтираде (Радеке) и Йозефе Машин, детях чехословацкого генерала, участника антинацистского сопротивления, убитого немцами в 1942 году.

ких сотрудников полиции — в том числе одного безоружного, которого им удалось взять в плен. Дойти до цели удалось лишь братьям (Йозеф до сих пор живет в США, Цтирад умер в 2011 году) и одному из их товарищей. Двое других были задержаны и казнены. Мать братьев, Здена Машинова, умерла после ареста и суда в тюрьме. Сестра, тоже Здена, подверглась пыткам, но позднее была отпущена. Она осталась на родине и десятилетиями находилась под наблюдением коммунистических спецслужб, не имела возможности получить высшее образование и найти хорошую работу. 28 октября 2023 года, в День Республики, президент Чехии Петр Павел вручил 90-летней Здене Машиновой-младшей одну из высших наград страны. Братья награждены не были. Судя по опросам, большинство чехов считают их скорее авантюристами, чем героями¹.

Многолетний спор о том, кем были братья Машины, заслуживают ли они уважения или порицания, отражает неоднозначное отношение чешского общества к коммунистической эпохе (1948–1989 годы) и тем, кто боролся против режима Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ).

Это характерно не только для Чехии: аналогичный спор идет в Польше о «проклятых солдатах» — участниках сопротивления нацистской оккупации, которые после войны не сложили оружие, повернув его против просоветского режима, но при этом совершив ряд преступлений против мирного населения. В странах Балтии идут дискуссии о некоторых лидерах «лесных братьев», причастных к нацистскому террору. А в Румынии еще в 2014 году почти

половина опрошенных (47,5%) выражала позитивное отношение к диктатору Николае Чаушеску, казненному в ходе антикоммунистической революции в декабре 1989 года². Можно ли говорить о переоценке исторических ценностей, а значит, и взглядов на нынешнюю, посткоммунистическую эпоху в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ)?

За что боролись

На столь сложные вопросы не стоит давать чрезмерно категоричные ответы — они редко бывают правильными. Ясно одно: эйфория, сопровождавшая антикоммунистические революции 1989 года в ЦВЕ, давно прошла. Впрочем, это естественно: ни один исторический поворот не способен сохранить свой этос в первоначальном виде треть столетия спустя. Но лишь в том случае, если общественные установки, включая исторические оценки, меняются на прямо противоположные, а ностальгия по прежним временам становится более сильной и массовой, чем признание легитимности новых порядков, можно говорить о том, что революция провалилась, сменившись реакцией. Чтобы понять, как изменилось за последние 34 года общественное сознание в странах региона, полезно для начала вспомнить, а за что, собственно, боролись в 1989 году.

У тогдашних революций, на мой взгляд, можно выделить три главных движущих мотива. Первый — собственно *антикоммунистический*: стремление избавиться от очевидно устаревшей, ригидной и репрессивной политической системы. Здесь к концу 1980-х годов аккумулировалось несколько факторов, внутренних и внешних.

С одной стороны, у ряда стран ЦВЕ имелись собственные традиции борьбы с режимом и воспоминания о таких событиях, как венгерское восстание 1956 года, Пражская весна 1968-го и совсем еще свежая эпопея польской «Солидарности» начала 1980-х. С другой — мощный импульс этим воспоминаниям и настроениям придавали советская перестройка и сама фигура Михаила Горбачева. В Москве коммунистический режим начал демонтировать сам себя (хотя тогда этого, очевидно, не осознавал и сам инициатор перестройки), тем самым ослабляя собственных сателлитов в Варшаве, Праге, Берлине, Софии — и придавая силы их внутренним противникам. Как сказал мне однажды чешский филолог-русист, журналист и переводчик Либор Дворжак, «у нас тогда было слегка шизофреническое ощущение: впервые с 1945 года свобода приходила с востока, из России. Но если в 1940-е дело в итоге закончилось новой тиранией, то теперь, казалось, все должно быть хорошо, Горбачев — совсем не Сталин».

Девятью годами позже, уже при коммунистическом режиме, братья с несколькими друзьями создали подпольную группу и, едва избежав ареста, после невероятных приключений со стрельбой и погонями смогли через территорию ГДР прорваться в Западный Берлин.

Еще до побега из Чехословакии члены группы совершили ряд нападений на полицейские участки, убив несколь-

От эйфории к реализму

Второй мотив — *национально-освободительный*. Ни в одной из стран региона, за исключением разве что Югославии и Албании, приход коммунистов к власти после Второй мировой войны не был естественным. Нигде он не произошел демократическим путем. Решающим фактором оказался фактический раздел Европы между СССР и западными державами, закрепленный ялтинскими и потсдамскими соглашениями. Как отмечает польско-американская исследовательница Энн Эпплбаум, в первые послевоенные годы «СССР и его местные союзники не смогли завоевать власть мирным путем. Им не удалось добиться абсолютного или даже адекватного контроля [над обществом]. Несмотря на их влияние в СМИ и тайной полиции, они не были популярны... Число их сторонников сокращалось даже в таких странах, как Чехословакия и Болгария, где они изначально пользовались определенной поддержкой»³.

В результате для установления своего господства коммунисты и их советские покровители прибегли к государственным переворотам, политическим подтасовкам и репрессиям против оппонентов. В долгосрочной перспективе это, однако, привело к тому, что коммунистические режимы воспринимались значительной частью общества как чужеродные, навязанные извне. Их свержение в 1989 году поэтому виделось как очередной этап национально-освободительной борьбы, логическое завершение «трилогии», начатой борьбой против консервативных империй (Османской, Габсбургской

и Российской) в начале XX века и продолженной освобождением от нацистского господства в середине столетия.

Третий мотив революций — *проевропейский* или, шире, *прозападный*. Здесь опять-таки произошло соединение сразу нескольких представлений, отчасти реалистических, отчасти иллюзорных.

Во-первых, это распространенное прежде всего в среде интеллигенции представление о европейской и западной по сути своей идентичности народов ЦВЕ, попранной и «украденной» советской Россией. Наиболее последовательно эту идеологему сформулировал Милан Кундера в известном эссе «Похищение Запада, или Трагедия Центральной Европы»: «Географическая Европа, простирающаяся от Атлантического океана до Урала, всегда делилась на две самостоятельно развивающиеся половины. Одна из них была связана с Древним Римом и католической церковью, другая — с Византией и православием. После 1945 года граница между двумя Европами сместилась на несколько сот километров на запад, и страны, всегда причислявшие себя к Западу, вдруг оказались на Востоке»⁴. Вне зависимости от того, насколько соответствовали исторической реальности такие представления, они создавали идеологическую рамку, в которой падение коммунистических режимов и избавление от советского влияния, чаще всего отождествляемого с влиянием русским, представлялось естественным «возвращением в Европу».

Во-вторых, на массовом, обывательском уровне существовало желание «жить как на Западе» прежде всего в экономическом, потребительском смысле. Западный мир представлялся жителям соцлагеря, очень немногие из которых имели возможность увидеть этот мир своими глазами, пространством всеобщего изобилия и благополучия. Веселая, пестрая и богатая жизнь должна была вот-вот прийти на смену унылой серости государственного социализма. В том, что социально-экономический разрыв с западными соседями, размеры которого

для жителей стран ЦВЕ стали очевидны после того, как рухнул «железный занавес» и открылись границы, будет преодолен относительно быстро, больших сомнений на рубеже 1980–1990-х не было.

Привычка к демократии

Что же произошло со всеми этими представлениями и установками в последующие три десятилетия? Первой рухнула, пожалуй, иллюзия скорого благополучия. Переход к либеральной экономике западного типа оказался нелегким во всех странах региона, механизмы социальной защиты во многих случаях не срабатывали. Приток иностранного капитала и инвестиций в ЦВЕ далеко не всегда означал ожидаемый скачок жизненного уровня: в конце концов, главным мотивом прихода западных компаний в страны региона была дешевая и при этом квалифицированная рабочая сила, а не желание облагодетельствовать местное население. Начавшаяся миграция за заработками с востока на запад Европы усилилась со вступлением стран ЦВЕ в Евросоюз и имела неоднозначные социальные и психологические последствия. Позволив миллионам людей решить свои наиболее насущные проблемы, она привела к разрыву многих семейных и личных связей, запустению целых регионов в таких странах, как Болгария, Румыния или Латвия, к росту ксенофобии на западе Европы — вспомним французские шуточки о «польских сантехниках» или нападения на иммигрантов из ЦВЕ на пике британской кампании перед референдумом о «Брексите» в 2016 году.

У части жителей Центральной и Восточной Европы это, в свою очередь, порождало комплексы «второсортных» европейцев и обиду на «зажравшийся» Запад, который оказался совсем не столь уютным и щедрым, как представлялось в 1989-м. С течением времени эти настроения трансформировались в рост популярности, с од-

Getty Images

Падение Берлинской стены

ной стороны, евроскептических, националистических и неонацистских сил, а с другой — коррумпированных посткоммунистических политиков, обещавших избирателям «раздачу слонов и материализацию духов» в обмен на голоса на выборах. Помню свой разговор с румынским журналистом в конце 2000 года, накануне президентских выборов в его стране, во второй тур которых вышли символ коррупции и клиентелистской политики социалист Ион Илиеску и лидер неонацистской партии «Великая Румыния» Корнелиу Вадим Тудор. Коллега охарактеризовал происходящее как «выбор между мерзостью и позором».

Реальные успехи, которых удалось добиться восточноевропейцам после «возвращения в Европу», иногда оказываются в тени несбывшихся — и изначально завышенных — надежд. Как объясняет болгарский политолог Иван Крастев, «в ЦВЕ люди надеялись, что лет через десять они станут такими же богатыми и успешными, как на Западе. Когда в определенный момент наступило разочарование, оно привело к подъему нелиберальных политиков и партий. В Венгрии и Польше они в итоге пришли к власти. Что еще очень важно — происходила имитация не реального Запада, а того, который существовал в воображении никогда, возможно, не бывавших там восточноевропейцев»⁵.

В то же время реальность, как это часто бывает, заметно отличается от ее восприятия, когда оно искажено эмоциями и политической риторикой. ЦВЕ не догнала

«старую» Европу, но приблизилась к ней: по данным МВФ за 2021 год, Чехия, Эстония и Словения обошли по душевому ВВП Грецию и Португалию, а Литва, Латвия, Словакия, Венгрия и Польша почти догнали их. Все перечисленные страны по указанному показателю заметно опережают Россию, не говоря уже о других странах бывшего СССР⁶. Средства ЕС радикально изменили инфраструктуру и сам облик восточноевропейских городов. Благодаря свободе передвижения, экономического и культурного обмена произошло реальное срастание разных регионов Европы. Молодое поколение восточноевропейцев в значительной мере чувствует себя именно европейцами, воспринимая единую Европу как естественную среду обитания.

Ностальгия по коммунистическим временам остается уделом части старшего поколения. В целом, если судить по данным опросов, восточноевропейцы явно отдают предпочтение настоящему перед прошлым. Так, 61% респондентов, опрошенных Pew Research Center к 30-й годовщине антикоммунистических революций в девяти странах ЦВЕ, а также России и Украине, полагают, что после 1989–1991 годов уровень жизни в их странах вырос (противоположного мнения придерживались 28%).

Появилась определенная привычка к демократии — как к обеспечиваемым ею гражданским свободам, так и к формальным механизмам. Любопытно, что и нелиберальные политики, находясь в оппозиции, используют в полемике сугубо

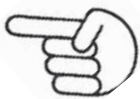
демократические аргументы, обвиняя своих противников в наступлении на свободу слова, когда те указывают на распространение популистами дезинформации или конспирологических теорий — особенно ярко это проявилось в период пандемии ковида.

Переход к демократии позитивно оценивает значительное большинство жителей ЦВЕ — от 54% в Болгарии до 85% в Польше⁷.

За исключением Венгрии, где, по мнению политолога Балинта Мадьяра, многолетнему премьер-министру Виктору Орбану удалось создать «мафиозное государство»⁸, даже там, где к власти в посткоммунистический период приходили нелиберальные и евроскептические силы, им не удавалось изменить сам характер политического режима с демократического на авторитарный. Очередным доказательством этого стали недавние парламентские выборы в Польше. На них правящая национал-консервативная партия «Право и справедливость» (ПиС) хотя и набрала относительное большинство голосов, но потерпела поражение от либеральных и левых сил, которые в совокупности обошли ПиС и формируют новую правящую коалицию. Демократическая смена власти на выборах стала для востока Европы, в отличие от большинства стран бывшего СССР, столь же естественным делом, как для Запада.

От эйфории к реализму

Европейский обыватель

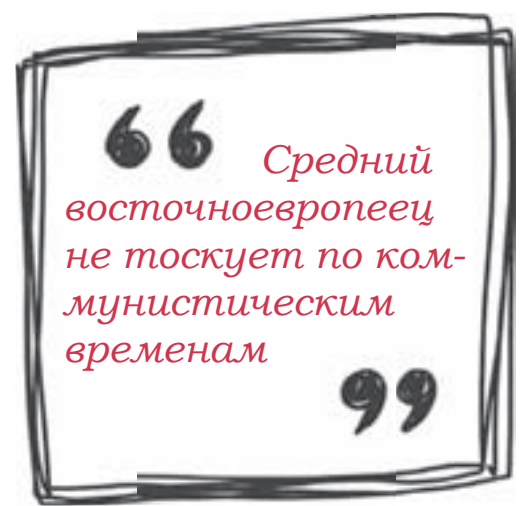
Антикоммунистический драйв, характерный для 1989 года, не столько перестал существовать, сколько, если можно так выразиться, институционализировался. Радикально левые силы исчезли с политической сцены большинства стран ЦВЕ — правда, социальную часть их повестки перехватили национал-популисты. Именно национально-освободительный мотив антикоммунистических революций претерпел наиболее странные изменения. Во многих государствах он трансформировался в евроскептицизм, неприязнь к «диктату» Брюсселя, якобы ограничивающему свободу национального развития отдельных стран ЕС.

В риторике популистских лидеров Европейский союз занял место прежнего союза — Советского. Так, Виктор Орбан, выступая 23 октября 2023 года, в годовщину начала антикоммунистического восстания 1956-го, заявил: «Обнаружились явления, напоминающие нам о советских временах... К счастью, то, что было трагедией, сейчас выглядит как не более чем комедия. К счастью, Брюссель не Москва. Москва была трагедией. Брюссель выглядит как плохая современная пародия [на нее]». При этом Орбан, естественно, умалчивает о том, до какой степени дотации ненавистного Брюсселя помогли его правительству удерживать на плаву собственную экономику. По данным за 2021 год, Венгрия находилась на третьем месте (за Польшей и Грецией) в списке

реципиентов брюссельских денег: средства, полученные из фондов ЕС, на 4,2 млрд евро превышали отчисления Будапешта в бюджет Евросоюза. В списке доноров, т.е. стран, которые отдают в европейскую казну больше, чем получают из нее, нет ни одного государства ЦВЕ¹⁰.

В этих условиях — правление Orbana и его партии Фидес здесь наиболее яркий пример — путинская Россия начала превращаться для националистической части политического спектра стран региона в некую альтернативу Евросоюзу. Не реалистическую, поскольку ни тот же Виктор Орбан, ни Роберт Фицо в Словакии, ни болгарские или словенские национал-популисты никогда не заявляли о стремлении сменить членство в ЕС и НАТО на присоединение к ЕврАзЭС, ОДКБ или Таможенному союзу, а скорее риторическую. Она позволяет заниматься политическим шантажом по отношению к Брюсселю, а заодно иметь определенные экономические, да и коррупционные выгоды — вроде многомиллиардного непрозрачного контракта, заключенного Венгрией с «Росатомом», на строительство новых реакторов АЭС «Пакш-2»¹¹.

Здесь, однако, многое изменилось после 24 февраля 2022 года. (Военные действия) России против Украины показали даже тем восточноевропейцам, кто был склонен верить прокремлевской риторике популистских лидеров, что времена до 1989 года — не такая уж седая древность, что на восток от границ ЕС лежит скорее не альтернатива, а угроза той стабильности и безопасности, к которой восточноевропейцы успели привыкнуть. Отсюда — волна солидарности с Украиной (впрочем, пошедшая на спад по мере того, как спецоперация затягивалась), резкое ухудшение отношения к России и столь же резкий рост популярности НАТО и (в несколько меньшей степени) ЕС. Виктор Орбан может пожимать руку Владимиру Путину в кулуарах недавнего международного форума в Китае, однако в его стране

поддержка членства в НАТО — одна из самых высоких в Европе (89%)¹².

В целом эволюцию массового сознания жителей стран Центральной и Восточной Европы, их взглядов на себя и окружающий мир, прошлое и настоящее можно охарактеризовать как переход от эйфории, характерной для 1989-го и первых последующих лет, через период скептицизма и пессимизма к реализму. Средний восточноевропейец — при всей условности представлений о каком-либо «среднем» человеке — не тоскует по коммунистическим временам и не забыл об обстоятельствах краха прежнего режима. Но иногда ему кажется, что по части стабильности и социальных гарантий при коммунистах жилось не так уж плохо, поэтому он хочет видеть у власти «заботливое» патерналистское правительство. Он (или она) патриотичен и склонен иногда пожаловаться на «мелочный диктат Брюсселя», но сознает, что членство в Евросоюзе и НАТО принесло его стране немало позитивного и не намерен отказываться от этих выгод. Он в целом заметно консервативнее столь же условного среднего западноевропейца, но его взгляды на права меньшинств, влияние церкви или экологические проблемы стали более либеральными, чем 25–30 лет назад. Он весьма насто-

рожен и даже враждебен по отношению к режиму Путина, выступает против (военных действий) в Украине и оказывает помощь украинским беженцам, но не склонен считать всех россиян своими врагами и приветствовал бы скорейшее прекращение (военных действий) на справедливых условиях.

За последние годы и десятилетия такой восточноевропейец набил себе немало шишек, но не винит в этом исключительно государство или внешние обстоятельства, считая, что свободный человек в свободной стране несет ответственность за собственный выбор. Он более осторожен и скептичен, менее восторжен и наивен, чем был сам (или, в зависимости от возраста, его родители и старшие братья и сестры) в 1989 году. Поэтому персонажи фильма «Братья», с которого я начал эту статью, не кажутся ему безусловными героями. Он — европейский обыватель, и в этом случае к слову «европейский» не обязательно добавлять «центрально-» или «восточно-». Возможно, именно это и следует считать главным итогом развития Центральной и Восточной Европы после падения коммунистических режимов.

Ярослав Шимов

Пояснения

¹ SC&C: *Bratry Masinovy povazuje za hrdiny jen 15 procent Cechu*. *Cesky rozhlas*, 21.8.2011. <https://cesky.radio.cz/scc-bratry-masinovy-povazuje-za-hrdiny-jen-15-procent-cechu-8364114>

² Raluca Besliu. *Communist nostalgia in Romania*. *Open Democracy*, 13 April 2014. <https://www.opendemocracy.net/en/can-europe-make-it/communist-nostalgia-in-romania/>

³ Anne Applebaum. *Iron Curtain. The Crushing of Eastern Europe*. London — New York, 2013. P. xxxiv

⁴ Милан Кундера. *Похищение Запада, или Трагедия Центральной Европы*. <https://syg.ma/@otchitka/pokhishchieniie-zapada-ili-tragiediia-tsentralnoi-ievropy>

⁵ «Свет, обманувший надежды». *Почему рано хоронить либерализм*. *Радио Свобода (признано Минюстом РФ «иноагентом»)*, 29.08.2020. <https://www.svoboda.org/a/30805372.html>

⁶ *International Monetary Fund. World Economic Outlook Database, April 2021*. <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2021/April/select-countries?grp=2001&sg=All%20countries>

⁷ *European Public Opinion Three Decades After the Fall of Communism*. Pew

Research Center, October 15, 2019. <https://www.pewresearch.org/global/2019/10/15/european-public-opinion-three-decades-after-the-fall-of-communism/>

⁸ Подробнее см.: Балинт Мадьяр. *Анатомия посткоммунистического мафиозного государства. На примере Венгрии*. М.: НЛО, 2016.

⁹ *Orban blasts European Union on the anniversary of Hungary's 1956 anti-Soviet uprising*. *Associated Press*, October 23, 2023 <https://apnews.com/article/hungary-orban-compares-eu-to-soviet-union-da27ae5e15d-f87712422a567ceac7e9b>

¹⁰ См.: Katarina Buchholz. *Which Countries are EU Contributors and Beneficiaries?* *Statista*, June 23, 2023 <https://www.statista.com/chart/18794/net-contributors-to-eu-budget/>

¹¹ См., напр.: Ярослав Шимов. *Атомная империя. Как Росатом покоряет Европу*. *Радио Свобода*, 01.09.2018 <https://www.svoboda.org/a/29463919.html>

¹² *Central and Eastern Europe second year into the war: United we stand, with some exceptions*. *GLOBSEC*, 26.05.2023 <https://www.globsec.org/what-we-do/press-releases/central-and-eastern-europe-second-year-war-united-we-stand-some>

ГОРБИ
ГОРБУ

ИССЛЕДУЕМ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Война с природой

2052 ВОРОНКИ НА КВАДРАТНЫЙ КИЛОМЕТР
И РАДИАЦИОННАЯ УГРОЗА АЗОВСКОМУ
МОРЮ — ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В УКРАИНЕ

Иван
Жилин

В ноябре 2021 года, за три месяца до начала масштабного военного конфликта между Москвой и Киевом, на сайте ООН появилась публикация: «Природа стала невидимой жертвой войны». «Человечество всегда считало потери в войне по числу убитых солдат и мирных жителей, разрушенных объектов инфраструктуры, а об ущербе для окружающей среды даже не задумывалось. Между тем издавна воюющие стороны засыпали колодцы, сжигали посевы, вырубали леса, уничтожали уголья и вырезали

скот. Сегодня последствия конфликтов для природы еще серьезнее: применение токсичных веществ во Вьетнаме, горящие нефтяные вышки во время войны в Кувейте. <...> Конфликт разрушает окружающую среду на востоке Украины. Донбасс находится на пороге экологической катастрофы, причина которой — загрязнение воздуха, почвы и воды в результате разрывов большого количества боеприпасов и затопления промышленных предприятий», — заявляли в Организации Объединенных Наций.

Мало кто мог предположить, какие масштабы обретет бедствие в скором времени.

«Горби» рассказывает, каковы экологические последствия военных действий в Украине к осени 2023 года и чем спецоперация обернулась для природы самой России.

Часть I.

Украина и зона боевых действий

Засеяно снарядами

К февралю 2022 года Украина была мировым лидером по экспорту подсолнечного масла (на ее долю приходилось 50% поставок) и производству семян подсолнуха (31%). Также она, по данным Еврокомиссии, производила 10% мирового объема пшеницы, 15% — кукурузы, 13% — ячменя.

Аграрный сектор Украины играет важнейшую роль не только в экономике страны, но и в обеспечении продовольственной безопасности мира. Среди крупнейших покупателей украинской сельхозпродукции — не самые богатые государства, такие как Египет, Нигерия, Индонезия и даже Бангладеш, закупаящая зерно за счет средств ООН. Полтора года военных

действий нанесли украинским аграриям серьезный ущерб.

— В этом году мы не смогли засеять 6,8 млн гектаров сельхозугодий, при том что в стране — 32 млн гектаров пахотных земель. То есть потеряли почти 20% пашни, — рассказал «Новой» один из украинских фермеров, работающий в Черкасской области. — По тому же подсолнуху объемы сократились на треть, потому что на [контролируемых] Россией землях как раз много подсолнуха растет.

Фермер отмечает, что с сельскохозяйственной точки зрения главная проблема не в том, кем контролируются пашни, а в том, что плодородные земли просто уничтожаются в результате боев и многие из них — уже потеряны.

— Один сантиметр плодородного слоя восстанавливается около 300 лет, — говорит он. — И это в естественных условиях. Что сейчас остается в наших полях и как их восстанавливать — вопрос открытый.

Война с природой

Изучением экологических последствий текущего конфликта

занимается сообщество UWEC, объединившее ученых и специалистов по охране природы из Украины, России, Беларуси, США и Германии. Эксперты проанализировали космоснимок пахотного поля, находящегося к юго-востоку от города Изюм Харьковской области. На одном квадратном километре они насчитали 2052 воронки: 480 — от снарядов калибром 82 миллиметра, 547 — от 120-миллиметровых снарядов и 1025 — от снарядов калибром 152 миллиметра. «Только на этом квадратном километре в грунт попало 50 тонн железа, одна тонна соединений серы и 2,35 тонны меди. Трудно рассчитать объем тяжелых металлов и других соединений, количество которых меньше. Кроме того, взрывами вывернуто не менее 90 000 тонн грунта», — заключили эксперты.

Эколог Алексей Василюк отмечает, что, по его информации, 33% пахотных земель Украины попали под влияние [боевых действий]:

— Мы считаем, что эти территории нельзя использовать для сельского хозяйства. Я не хотел бы есть продукты, которые выращены на таких землях. Большое количество серы, контактируя с водой, образует серную кислоту. А тяжелые металлы накапливаются, в том числе, и в растениях. И потом мы это будем есть? Нет, оно, может быть, не смертельно, но все равно плохо: это и сокращение продолжительности жизни, и ухудшение здоровья.

Василюк вспоминает, как летом прошлого года ему написали коллеги из Демократической республики Конго: «Решайте уже что-то с вашей [***], потому

РИА Новости

что у нас скоро начнется голод. У нас такой скачок цен на продукты, что мы долго не протянем». Он отмечает, что в Украине звучат мнения, что при возвращении контроля над восточными территориями страна вновь сможет обеспечивать мир продовольствием в прежнем объеме.

— То есть вы прямо заявляете, что на подвергшейся обстрелам территории будете что-то выращивать и продавать другим странам? Тогда нужно прямо говорить миру, что мы будем экспортировать зерно с загрязненных земель, — заключает эксперт.

Боевые действия в Украине уже стали причиной масштабного продовольственного кризиса. По данным Всемирной продовольственной программы, число голодающих в мире только за 2022 год увеличилось на 47 млн человек, число оказавшихся за чертой бедности — на 71,5 млн. Помощь с продуктами питания сегодня нужна

45 государствам, преимущественно африканским и азиатским, а также Венесуэле и Гаити. Отказ России от «зерновой сделки», по заявлениям ООН, только усугубляет положение людей в развивающихся странах: ее реализация позволяла обеспечивать продовольствием 349 млн человек.

АЭС и обедненный уран

6 сентября администрация президента США Джо Байдена анонсировала очередной пакет военной помощи Украине: в него, в числе прочего, вошли 120-миллиметровые снаряды с обедненным ураном. До этого о намерении поставить аналогичные боеприпасы Киеву объявила

Великобритания. Реакция Москвы оказалась ожидаемой: Владимир Путин заявил, что Россия будет использовать свои снаряды с обедненным ураном, тем более что у страны их «сотни тысяч».

Обедненный уран — отход, получающийся при обогащении урана на атомных производствах. Оружие с ним официально не считается ядерным, его применяют в большей степени потому, что обедненный уран — сверхплотный металл, способный пробивать практически любую броню. Тем не менее это вещество все равно токсично.

— После применения обедненный уран остается в окружающей среде, — объясняет эксперт программы «Безопасность радиоактивных отходов» Российского социально-экологического союза Андрей Ожаровский. — Период полураспада урана составляет 4,5 миллиарда лет. Он остается в виде металла и постепенно переходит в ионную форму. В растворимой ионной форме он приобретает подвижность и включается в биологический круговорот, то есть попадает в организм человека с пищей и водой. И это радиологическая и химическая опасность, поскольку соединения урана химически токсичны.

Согласно докладу Исследовательского института радиобиологии Вооруженных сил США, обедненный уран способен вызывать онкозаболевания и интенсифицировать их течение. Пока информации о применении этих снарядов в Украине однако же нет.

Радиационная угроза — самая чувствительная, вызывающая наибольшее беспокойство как в украинском, так и в российском обществе. И, к счастью, в полной мере нереализованная. Информационная кампания вокруг возможных обстрелов Запорожской атомной электростанции (ЗАЭС), которую можно было наблюдать летом и осенью прошлого года, носила скорее политический характер. Судя по всему, и российское, и украинское руководство понимают: на Чернобыльской АЭС в 1986 году взорвался один реактор, а на ЗАЭС реакторов шесть. После Чернобыля радиоактивные осадки выпадали даже в удаленных от атомной станции регионах — например, в Мордовии и Чувашии. Площадь поражения в случае разгерметизации реакторов Запорожской АЭС будет куда больше.

Однако сегодня угроза выброса радионуклидов даже в случае попадания снарядов в ЗАЭС снижена: пять из шести реакторов станции находятся в режиме «холодного останова», один — в режиме «горячего останова» (то есть реакторы разогреваются за счет подачи электроэнергии из внешних источников, но сами — не работают).

— Когда реакторы находятся в процессе выработки электроэнергии, давление в них значительно превышает атмосферное, достигая 16 мегапаскалей (нормальным атмосферным давлением принято

считать 0,1013 мегапаскалей), — отмечает Андрей Ожаровский. — И если в таком состоянии будет поврежден первый контур — трубопроводы, парогенераторы или сам реактор, — то произойдет залповый выброс радионуклидов, а затем начнет плавиться ядерное топливо. Произойдет та самая «тяжелая авария».

Если же реактор находится в так называемом холодном состоянии, то залповый выброс радионуклидов исключен.

— Конечно, в контуре все равно содержатся опасные вещества. Конечно, его нельзя обстреливать и каким-либо образом

разрушать, но если авария и произойдет, то ее тяжесть будет меньше, — подчеркивает Ожаровский.

Однако если разгерметизация на ЗАЭС пока остается гипотетическим фактором риска, то повышение радиационного фона в зоне Чернобыльской АЭС (ЧАЭС) — зафиксированный факт. В день, когда украинское командование объявило о занятии российской армией ЧАЭС, уровень гамма-излучения в зоне электростанции вырос более чем в 20 раз: с 3 до 65 микрозивертов в час. Притом что безопасным для человека считается уровень в 0,5 микрозиверта в час (а понятие «радиационный фон в норме» применимо к показателю 0,2 микрозиверта в час).

В МАГАТЭ считают, что повышение уровня радиации в зоне ЧАЭС было связано с перемещением тяжелой техники, поднявшей в воздух загрязненную пыль, оставшуюся здесь с 1986 года. Более того, российские военные возводили в Чернобыльской зоне отчуждения оборонительные сооружения, рыли окопы. Экологи отмечают: просто ходить в этом районе было относительно безопасно, но копать... Специалисты также опасаются, что после ухода российских военнослужащих с территории ЧАЭС они могли перенести радиоактивную пыль на одежду и технике.

Из-за засекреченности сведений о положении дел в российской армии достоверных данных о последствиях пребывания военных в зоне ЧАЭС нет.

Ядерное море

Еще одна угроза, о реализации которой пока может быть просто неизвестно в силу отсутствия мониторинга, — это угроза радиоактивного загрязнения Азовского моря.

8 апреля 2018 года министерство угля и энергетики «ДНР» заявило, что остановит откачку воды из шахты «Юнком», расположенной близ города Енакиево. В этой шахте в 1979 году был произведен ядерный взрыв мощностью 0,3 килотонны в тротиловом эквиваленте. Советские власти рассчитывали таким образом решить проблему скопления газа, но достичь этой цели не удалось: уже в 1980 году в «Юнкоме» произошла детонация метана, погибли 66 шахтеров. В 2001 году шахту закрыли как нерентабельную.

iStock

Война с природой

Причем консервировать ее пришлось не традиционным методом затопления, а дорогостоящим «сухим» способом, включающим в себя помимо прочего постоянную откачку воды. Необходимость этого была обоснована опасностью радиоактивного загрязнения.

По словам эколога Ольги Денищик, в шахтных водах «Юнкома» могут содержаться радионуклиды. И если шахту затопить, то опасные вещества будут подниматься выше — к горизонтам, из которых воду берут для питья или орошения. Но помимо очевидной угрозы употребления в пищу радиоактивной воды есть и еще одна — воды «Юнкома», поднявшись к поверхности, могут попасть в Северский Донец, а оттуда — в Дон и Азовское море.

«Если водоотливные установки в результате длительного обесточивания затопит, произойдет подъем уровня подземных вод. «Запечатанная» капсула с радиоактивными материалами разломится, и зараженная гадость устремится с водой по штрекам. Эта вода поднимется вверх и по ряду старых незаложенных скважин попадет на поверхность. Загрязнение местности будет чудовищным — примерно на уровне 1000 микрорентген в час», — говорил о затоплении шахты геолог Евгений Руднев.

Для понимания: безопасным для человека считается уровень радиоактивного фона до 50 микрорентген в час.

Ежегодно на осушение «Юнкома» власти Украины тратили порядка \$5 млн. Но в «ДНР» заявили, что таких денег у них нет. С 14 апреля 2018 года воду из шахты откачивать перестали. В 2020 году власти Украины призывали инспекторов Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) проинспектировать «Юнком», однако в Донецке эту идею не поддержали, заявив, что готовы представить собственные отчеты и экспертные заключения. Были ли они представлены — неизвестно. Независимая оценка последствий затопления «Юнкома» до сих пор не дана.

Ugur OZSANDIKCI

Звери

В конце августа 2023 года The New York Times сообщила, что с начала боевых действий на черноморском побережье Украины, Турции и Болгарии было обнаружено не менее 900 погибших дельфинов. Зоолог Павел Гольдин объяснил это работой гидролокаторов военных кораблей, разливами топлива, пусками ракет и подрывами морских мин.

О влиянии военного флота на морских млекопитающих говорит и эколог Иван Русев: «Судна могут использовать звуки на уровне 200 децибелов и даже выше, выпускаемых специальным передатчиком. Настолько мощные гидролокаторы повреждают у дельфинов органы слуха и дезориентируют их. Потеряв ориентацию и «зрение», животные теряют акустический контроль над средой. Они в панике могут выбрасываться на берег и погибать».

Всплеск гибели дельфинов зафиксирован и в России. Так, по информации директора научно-экологического центра спасения дельфинов «Дельфа» Татьяны Белей,

в 2022 году в Краснодарском крае задокументирована гибель около 600 китообразных. Для сравнения: в предыдущие годы фиксировалось до 350 случаев. В этом году показатель ниже — 180 случаев гибели.

Сама Белей говорит, что гибель дельфинов связана, в первую очередь, с эпизоотией — эпидемией у животных — тяжелой вирусной инфекцией, на которую также наложились и бактериальные. По словам бывшего научного руководителя севастопольского дельфинария Александра Жбанова, гидролокационные станции кораблей могут воздействовать на дельфинов негативно, но такое воздействие в Черном море «было всегда», а дельфины выбрасываются на берег в основном из-за болезней и загрязнения моря.

Гибнут животные и на суше. Зафиксированное экологами уничтожение как минимум 36 154 гектаров лесов не могло на них не сказаться.

— Хищники и копытные очень активно передвигались, заметно участились случаи дорожно-транспортных аварий с их участием. И у них очень много препятствий:

заборов, населенных пунктов. Они не всегда могут покинуть зону боевых действий. А еще большое количество домашних животных просто брошено: не только коты и собаки, но и коров, коз, кур. Они становятся легкой добычей для хищников или просто гибнут от голода и жажды, — говорит эксперт UWEC Алексей Василюк.

Согласно официальным данным министерства аграрной политики и продовольствия Украины, боевые действия привели к гибели порядка 6 миллионов 92 тысяч сельскохозяйственных животных — в основном из-за отсутствия возможности кормить их. Количество погибших домашних животных неизвестно. Подсчитать его можно будет только после окончания вооруженного конфликта.

Самая крупная техногенная авария

В ночь на 6 июня 2023 года в Херсонской области была разрушена плотина Каховской ГЭС. Вода, хлынувшая из Каховского водохранилища, затопила 320 квадратных

километров территории, 32 населенных пункта на контролируемом Украиной правом берегу Днепра и 35 — на подконтрольном России левом. Эвакуировать пришлось более 9000 человек, как минимум 113 местных жителей погибли.

После подрыва дамбы ученые и политики говорили о двух основных угрозах от осушения водохранилища:

Во-первых, о возможных пылевых бурях и распространении инфекций.

«Появилось огромное оголенное пространство из ила, загрязненного промышленными отходами, в том числе тяжелыми металлами, потому что вредные вещества, которые попадали с украинских предприятий в Днепр, стекали вниз и задерживались в водохранилище, — объяснял в июле этого года изданию «Кедр.Медиа» эколог Евгений Симонов (признаны Минюстом РФ «иноагентами»). — Пылевые бури могут разносить вредные вещества по окрестностям, люди будут их вдыхать».

«После ухода воды осталось множество ограниченных водных объектов, которые прогреваются лучше, чем водохранилище, что создает благоприятные условия для бактериальных водных паразитов.

Единичные сообщения о заражении холерой уже имеются, но надо признать, что эта болезнь в целом характерна для Херсонской области. Это так называемый эндемичный регион, где холера встречается каждый год. Наибольшие риски сейчас связаны с вероятностью заражения людей холерой, брюшным тифом и сальмонеллой», — отмечал эпидемиолог Михаил Фаворов.

Холерная палочка после разрушения Каховской ГЭС была обнаружена в пресной воде в Николаевской и Херсонской областях. Обследование на это заболевание

в Украине прошли 5123 человека, у двоих были выявлены подозрения на инфицирование, но информации о подтвержденной заболеваемости в открытых источниках нет. Власти рекомендовали местным жителям не употреблять днепровскую воду.

На дне осушенного Каховского водохранилища во избежание пылевых бурь высадили клевер, люцерну и другие растения. По мнению ботаника Елены Киричок, посев семян, особенно бобовых, — правильное решение: «При засевании дна решаются несколько проблем, в том числе закрепление грунта: защита его от смыва в более низкие участки и от образования промоин в виде овражной сети, а также предотвращение пылевых бурь».

Евгений Симонов отмечает, что именно благодаря тому, что «все заросло раньше, чем высохло дно водохранилища», пылевых бурь удалось избежать.

— Сейчас как определенный риск по-прежнему видится большая доля чужеродных видов в процессах зарастания. В том числе видов, выделяющих мощные аллергены, — говорит он.

Второй угрозой, о которой много говорилось в СМИ после разрушения плотины Каховской гидроэлектростанции, была вероятность остановки системы охлаждения Запорожской АЭС, которая использует днепровскую воду.

Однако эта угроза изначально выглядела хоть и небезосновательной, но несколько преувеличенной. По словам физика-ядерщика Дмитрия Горчакова, водоем-охладитель отделен от Днепра плотиной, и вода в нем остается, хотя взрыв и лишил АЭС возможности подпитываться водой из Днепра.

— Запасов хватит минимум на несколько месяцев. Плюс есть альтернативные источники, которые уже начинают задействовать: это и подземные скважины, и грунтовые воды, и переток воды из различных каналов. Кроме того, можно пробовать организовать закачку воды из нового, а точнее — старого, сформировавшегося еще до строительства плотины русла Днепра, — отмечает ученый.

Reuters

Война с природой

Тем не менее последствия разрушения плотины Каховской ГЭС — масштабные. Это и гибель большого количества животных, которых просто смыло водой, — в первую очередь, мелких млекопитающих и птенцов: они просто не могли покинуть зону затопления. И большое количество загрязнителей, в том числе сельскохозяйственных пестицидов и нефтепродуктов, попавших в Черное море: в зоне затопления оказались 78 объектов, содержащих запасы нефтепродуктов, только с площадки самой ГЭС в воду было смыто 150 тонн машинной смазки. При этом символично, что в наименьшей степени из-за подрыва дамбы пострадала российская часть черноморского побережья: течения в море устроены так, что загрязнение отнесло сначала к Одесской области, а оттуда — к Болгарии и остаточное — к Турции.

Часть II. Россия

Происходящее не могло не сказаться на стране, начавшей спецоперацию. Однако, какой ущерб природе России нанесен обстрелами, доподлинно неизвестно.

— Я не располагаю достоверными данными об ущербе, потому что корректно измерить воздействие во время боевых действий не получается, — объясняет эксперт UWES Евгений Симонов. — Если в Украине сбор и предъявление миру хоть каких-то данных — это государственная политика, и власть там проявляет чудеса толерантности к общественникам и ученым, пытающимся оценить экологический ущерб, то в России пока ни центральная, ни региональные власти экологические воздействия

приоритетными не считают. А тех, кто решится считать ущерб на местности, боюсь, ожидает знакомство с законом о фейках и его аналогами. Поэтому я не слышал, чтобы кто-то в России оценивал экологический вред от происходящего.

Симонов рассказывает, что в 2022 году краснодарский эколог Дмитрий Шевченко запросил у Минобороны РФ информацию о том, какое количество загрязняющих веществ затонуло в Черном море вместе с крейсером «Москва». Однако ведомство ответило (документ есть в распоряжении редакции): «Разлива топлива в море при катастрофе крейсера «Москва» не зафиксировано, при этом количество выгоревшего топлива при пожаре неизвестно. Частичная или полная откачка топлива не производилась. Корабль затонул за пределами территориального моря РФ, в этой связи оповещение местных властей и населения о возможных негативных экологических последствиях не осуществлялось».

— На российской территории есть неразорвавшиеся снаряды, что в условиях лесов или болот — очень малоприятный «подарок» как животным, так и людям, которые эти снаряды найдут. Но у меня в смысле экологического воздействия пока большие опасения вызывают разрушения объектов инфраструктуры — например, нефтехранилищ. В случае разрушения какого-нибудь промышленного объекта всегда образуются серьезные загрязнения, — говорит Симонов, отмечая, что информации о последствиях атак на нефтебазы в России (такие атаки происходили в Брянской, Белгородской, Орловской, Курской областях) нет.

Куда более очевидной угрозой для российской природы оказались не снаряды, а российские же чиновники и депутаты, решившие, пока никому нет дела до экологических вопросов, ослабить природоохранное законодательство и расправиться с теми, кто ранее им мешал это делать. Так, в стране оказались запрещены

ведущие международные экологические организации — Greenpeace, WWF* и Bellona. Все они были признаны нежелательными.

— WWF традиционно занимался охраной животного мира, он никогда не занимался атомной энергетикой, особо опасными отходами или проблемой загрязнения Байкала. Они вместе с Путиным сохраняли амурского тигра и тем не менее все равно попали под раздачу. Greenpeace же занимался проблемами загрязнения окружающей среды радиоактивными элементами, химическими загрязнениями, проблемами особо охраняемых природных территорий. Они, скажем так, больше наступали на пятки группировкам, которые занимаются разграблением природных богатств России, — говорит эколог Дмитрий Левашов.

И действительно: инициатором запрета Greenpeace выступил депутат Госдумы Александр Якубовский, которому осенью прошлого года организация помешала провести законопроект, разрешающий сплошные рубки леса на Байкале ради строительства гостиниц, ресторанов и других объектов инфраструктуры. Хозяйственная деятельность человека — основная причина загрязнения воды в озере, являющемся объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО. Признание Greenpeace нежелательным, кажется, действительно помогло депутату, супруга которого владеет в Иркутской области строительным бизнесом: законопроект в июле этого года приняли в первом чтении, до конца года ожидается его окончательное принятие.

Выросло и давление на низовых экологов.

— В 2022 году в отношении более 239 человек и 19 организаций было зафиксировано около 300 эпизодов давления. Среди них уголовные и административные дела, не менее 47 нападения, пять случаев при-

* Организация признана в России «иноагентом» и «нежелательной».

Красноярск. Режим «черного неба»

нудительной психиатрии, порча имущества и даже события, которые повлекли летальный исход (речь о гибели лидера движения «Полтавская против свалки» Андрея Гаряева, которого фактически довели до самоубийства). В то время как за выражение несогласия с проведением специальной военной операции с начала 2022 года к ответственности привлекли более 65 эоактивистов, — рассказывает представитель Российского социально-экологического союза Виталий Серветник. И подчеркивает, что экологическое сообщество не промолчало, высказалось, обозначило свою позицию [относительно СВО].

— Мы стали назначенным воплощением зла, — резюмирует Евгений Симонов.

Для государства пожертвовать экологическим благополучием страны оказалось вполне приемлемым и на бюджетном уровне: 12 октября председатель думского комитета по экологии Дмитрий Кобылкин заявил, что финансирование нацпроекта «Чистый воздух» будет сокращено на 42%. Причины он называть не стал.

Проект направлен на модернизацию заводов и снижение выбросов загрязняющих веществ в двенадцати промышленных городах страны: Братске, Красноярске, Липецке, Магнитогорске, Медногорске, Нижнем Тагиле, Новокузнецке, Норильске, Омске, Челябинске, Череповце и Чите.

Для понимания: в августе 2022 года министерство экологии Свердловской области признало воздух Нижнего Тагила, где работают 17 металлургических предприятий, опасным для здоровья горожан. Чиновники заявили, что показатели загрязнения соответствуют очень высокому уровню. В августе 2023 года местные СМИ опубликовали новость: у каждого шестого горожанина, прошедшего медицинское обследование, выявили онкопатологию.

Иван Жилин

Великая простота

ЭТО ИМЕННО ТО, ЧЕГО ДОБИВАЛАСЬ
ВЛАСТЬ ТОГДА И ДОБИВАЕТСЯ ТЕПЕРЬ

Алексей
Левинсон

Отечественная интеллигентская культура учила: надо уважать простых людей. Когда-то это значило, что принадлежащие к дворянскому сословию должны начать признавать определенные права за людьми, к этому сословию не принадлежащими («простыми»). С исчезновением дворянства что-то из его этики взяло на себя образованное сословие — им нравилось себя называть по-старому: сословием. Образованные должны уважать не образованных, простых. Это было тем не менее отношением сверху вниз. Усилиями философов, публицистов и людей действия (народников, потом социал-демократов) была совершена — пока еще только в мыслях — социальная революция, низы возвысили, «простой народ» был наделен высшим статусом, а прочие так или иначе опущены. Быть простым значило быть лучше всяких других.

Те, кто себя причислить к простому народу не мог, тем не менее считали своим долгом ему служить. Во имя простого народа они стали готовить социальную революцию уже не в умах и мыслях, а в реальной жизни.

Революция состоялась. Мы много знаем о том, какое двадцатилетие накрыло страну после переворота 1917 года. Те, кто требовал отдать власть «простому народу», забрали ее себе, потом нашлись те из «простого народа», кто у них ее отобрал, сами став уже не каким-то простым народом, а «ответственными работниками», «номенклатурой». Их сменяли волны новых, тоже из «простого народа».

Но речь сейчас не об этих драматических социальных и политических перипетиях, а о понятиях, выраженных в словах о простом народе. Наши исследования показывали, что определение народа как «простого», данное ему извне и сверху, русским народом принято. Люди, считающие себя русскими, в перечне качеств, которые они приписывают русским, слово «простые» непременно ставили на первое место. (Другим народам такое качество не приписывали в качестве основного.)

Являются ли русские в действительности «простыми» или нет, обсуждать не будем. Речь идет о другом. От тех исход-

ных ситуаций, когда происходило наделение простоты особой ценностью, мы ушли давно, но «простоте» и теперь приписываются важные позитивные качества. Это ценность. «Будь проще, и люди к тебе потянутся» — говорится ли это всерьез или в шутку, «простота» в этой сентенции фигурирует как ценность. То есть как то, что оспорить невозможно.

Между тем современная жизнь развивается. Не во всем, но во многом — усложнением. Усложняются технические устройства, коммуникации, финансовые системы, устройства, которыми пользуемся в быту. Усложняются социальные отношения. Как и результат, и причина всего этого усложняются человеческие отношения, а с ними усложняются мысли, способы мышления. (Мышление ребенка, который вырос в песочнице с совочком и ведерком в руке, и его внука, который вырос с мобильником и планшетом в руке, различны.)

А теперь надо вспомнить про людей, которые взяли власть ради «простого народа». Выразимся точнее. Они отобрали власть как возможность распоряжаться другими людьми у тех, кто ее не сумел удержать. Они стали создавать власть — теперь другое значение этого слова — как совокупность средств управления и распоряжения другими людьми, народом.

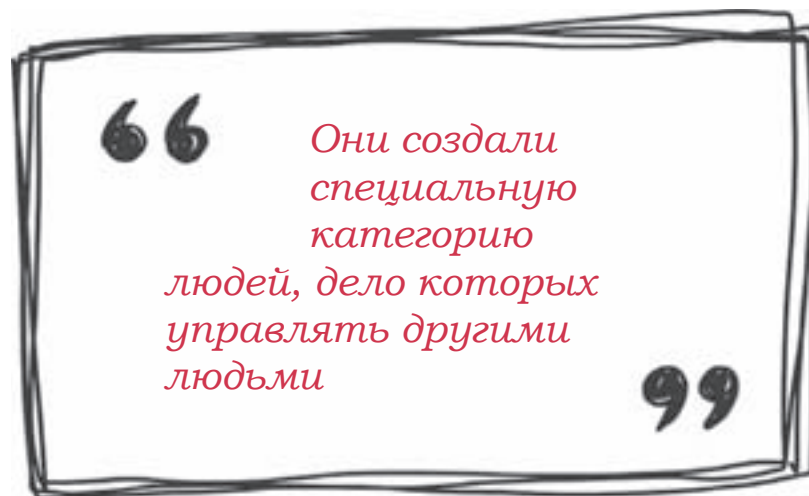
Они создали специальную категорию (если хотите, можно вернуть слово «сословие») людей, дело которых управлять другими людьми. Они образовали из этих людей систему, внутри которой тоже происходило управление одних людей другими. Эту систему можно назвать «бюрократией», собственно, она и была властью. Тогда их называли «аппарат». Менее чем за пять лет процесс бюрократизации власти зашел так далеко, что на X съезде РКП (1921 г.) то и дело звучали голоса о «бюрократизации аппарата пролетарской диктатуры, и в особенности — его верхушки».

К тому времени аппаратов уже было по меньшей мере три. Был соваппарат, он же госаппарат. Это были люди, управлявшие производственными процессами, промышленностью, транспортом и т.п. Был партаппарат. Это и была власть в названном выше смысле. Это были люди, управлявшие людьми. В том числе — людьми,

управлявшими производственными процессами.

Он назывался партаппаратом потому, что был руководящим органом организации, которая называлась партией. Она сохранила это название от партии, которая была создана в период оживления общественной жизни в России, когда в ней по примеру западных стран люди стали добровольно объединяться по своим политическим ориентациям — если они были.

Партия, впоследствии известная как «партия большевиков», постепенно, потом все быстрее эволюционировала в сторону организации типа монашеско-рыцарского ордена (ордена меченосцев, с удовольствием отмечал Сталин¹). Строгая иерархическая система, закрытость, подчинение

всех членов единым порядком и приказам сверху.

Эта система давала орденам преимущества в вооруженной и иной борьбе с соперниками и противниками. Она дала и этой организации такие преимущества, благодаря которым именно она вышла основным победителем в революции и, что еще важнее, — в длительной Гражданской войне.

Можно говорить, что словом «партия» стала называться организация, которая в структурном и функциональном смысле резко отличалась от других партий в России и Европе, в том числе и той, из которой она выросла. Но именно этот тип управляющей организации далее стал репродуцироваться в странах, над которыми России удавалось установить контроль. (Впрочем, не только в них.)

¹ Сталин И.В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 71.

Великая простота

И так, это был второй аппарат. Но был и третий. Его называли «вооруженный отряд партии». Это были органы, начинавшие свою деятельность как «Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем (и т.д.)». В 1922 году знаменитая «Чека» получила новое название: «Государственное политическое управление». За сто лет менявшая свое название более десяти раз, эта система никогда не называлась более точно.

Итак, управлением производством и прочими сферами занимался соваппарат, он же потом госаппарат, далее — органы госуправления, они же — хозяйственные органы. Он занимался управлением. А два других занимались властвованием. Они вообще в целом осуществляли власть, но также, в частности, контролировали вышеупомянутый госаппарат. Поэтому в ЦК ВКП(б), а затем ЦК КПСС возникла подсистема, структурно подобная госаппарату, разделенная, как и он, по отраслям деятельности. Она была нужна, чтобы управлять управляющими, их контролировать. Для этого контроля привлекался названный выше третий аппарат, аппарат политуправления, он же аппарат госбезопасности. В его недрах также

выделялись соответствующие профильные направления.

Это было в советские времена, скажут читатели. Теперь времена иные.

Да, иные. Первый аппарат если не разрушен совсем, то значительно перестроен. Управление экономикой осуществляется скорее через финансовые механизмы, чем через прямые указания производителям, что и как делать. Но второй и третий аппараты действуют. Нет ЦК КПСС, но в его помещениях, его кабинетах сидят люди из администрации, осуществляющие его функции властвования и управления.

Особо скажем про третий аппарат. Если в советское время выражение «всесильные органы» могло встретить возражение — они, мол, под контролем Политбюро, — то в нынешних условиях такого не возразить. Советский период истории можно представить как борьбу этого третьего аппарата за то, чтобы стать первым. Почти получалось несколько раз, с Андроповым уже вроде получилось, но... А теперь все твердо определилось. Как говорят знающие люди, центр принятия главных решений теперь там. И этому аппарату пришлось, в свою очередь, формировать отделы

сообразно курируемыми отраслям. Впору вернуть название государственного политического управления.

Такова логика строя, установленного даже не дедами, а прадедами этих людей. Прадеды говорили на ином языке, считали себя коммунистами и намеревались распространить этот порядок по всему миру, называя это мировой революцией. Ну не по всему, так по доступной его части. Правнуки, как показали последние времена, эту идею не прочь реализовать.

Но это во внешней политике. И во внутренней логика их власти привела к повтору прадедовской линии.

Они даже этого не осознавали, они естественным для себя образом решали: простому народу (он же «пролетариат», «трудящийся класс» и т.п.) это не нужно. Или вредно, или враждебно. И без сожаления расставались с тем, что не считали ценным. И с теми. Хорошо если отпускали, а то пускали в расход.

Труднообъяснимые с точки зрения логики пользы и национальных интересов конкретные действия по уничтожению ученых, конструкторов, инженеров в ущерб тому, что считалось самым главным — обороноспособности и военной мощи, — объяснимы в целом, если

сложной жизни, которая намечалась, там не должно быть, а здесь уж точно не будет.

Мы говорили о вещах, которые всем известны. Мы говорили о том, как тоталитарные режимы не терпят свободную мысль, как они не останавливаются перед репрессиями и т.д. Эти давно известные схемы объяснения нам захотелось заменить на несколько иные.

Мы не хотим представить дело так, что люди с низким IQ изгоняют людей с высоким, что необразованные гонят образованных, что те, кто не освоил компьютер, гонят освоивших. Мы даже не хотим сказать, что управляющий аппарат сам устроен примитивно. Нет, бюрократия сама для себя весьма сложная и запутанная система. Но способ управления, на который она способна, имеет ограничения по сложности. И под эти ограничения он и подгоняет управляемых.

А способ управления возник исторически. Тот тип бюрократии, который сложился в исторических условиях Гражданской войны в России, многое взял от тогдашнего армейского типа командования. Вероятно, надо особо оценить роль Троцкого. Он, будучи штатским, командовал армиями, а в штатскую, мирную жизнь вводил военные порядки.

Командование множеством разных людей с их индивидуальностями, судьбами и пр. — такое командование, которое считалось нормой и идеалом военного управления тогда, — предполагало, что вся сложность индивидуальностей должна быть уничтожена униформой и строем, всеобщим единообразием движений, подчинением приказу без обсуждения — то есть простотой.

Эта социальная модель легла в основу системы, которую и через много лет назовут «административно-командной». Назвали тогда, когда была предпринята попытка от нее избавиться. Из трех аппаратов, о которых говорилось выше, два были деконструированы, третий ослаблен, но сохранен.

Ельцин, разрушитель второго аппарата — КПСС, уходя с политической сцены, вызвал на эту сцену онный третий. Вопрос, зрителями какого акта мы являемся...

“

Если в советское время выражение «всесильные органы» могло встретить возражение — они, мол, под контролем Политбюро, — то в нынешних условиях такого не возразить

”

Вот здесь мы возвращаемся к вопросу о простоте. Много раз уже указывали на сходство двух волн исхода: той, что означена символом «философский пароход», и нынешней, связанной с СВО. На судьбу российских университетов, репрессии против профессоров и преподавателей в иные советские годы — и теперь. На запреты пьес и книг в советские годы и теперь.

Чего добивалась власть тогда и чего добивается она теперь? Она добивается простоты.

Очень короткое, так сказать, кибернетическое объяснение состоит в том, что созданная еще в прадедовские времена форма правления устроена так, что высший управляющий блок может управлять системой, что подлежит его управлению только при условии, что управляемая система не сложнее его собственной.

Большевики, защитники «простого народа», сами во многом из «простых», не могли управлять той наукой, той философией, той системой образования, которую они застали, взяв власть.

видеть ту же цель снизить сложность. Аппарат этими действиями упрощал систему до адекватной ему. Цена не была важна. Он сохранял главное — свою собственную власть.

Этими репрессиями он не подвергал ее опасности (а поверить в свое тотальное поражение от внешнего врага он не мог). То, что аппарат уничтожал свои собственные кадры, волну за волной, тоже не подрывало его власть как таковую. (Суть, настаиваем мы, в том, что сохранялась власть аппарата, а не власть единственного начальника, он в данном случае сам — исполнитель.)

Ныне вялая реакция на бегство айтишников, явное согласие на бегство всяких иных специалистов, учителей, преподавателей, которое идет рука об руку с вмешательством в атмосферу культуры, в дух вузов и школы, говорит о том, что приобретаемая пустота-простота властям дороже, чем смутно чуждая им сложность.

Направившись в Украину, как некогда в Прагу, они показали своим, что той свободной, а потому неконтролируемо

Цифровой театр военных действий

К КАКИМ МЕТОДАМ КОНТРОЛЯ ИНФОРМАЦИИ ПРИБЕГАЮТ СТРАНЫ, УЧАСТВУЮЩИЕ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Петр САРУХАНОВ

Аktivизация войн в цифровом веке ставит сложные вопросы о том, как участники вооруженных конфликтов используют в своих целях технологии контроля информации (ТКИ). Параллельно с разрастанием глобальных конфликтов наблюдается устойчивый рост цифровых репрессий. Эти две тенденции срачиваются, поскольку и сами конфликты все чаще ведутся в цифровой сфере. Война в Газе, конфликты в Украине, Судане, Мьянме и Эфиопии наглядно показывают, что ТКИ являются их неотъемлемой частью. Цензура, слежка, дезинформация и закрытие доступа к интернету стали ключевыми инструментами в цифровой сфере, к которым государства прибегают во время конфликтов.

Стивен Фельдстейн,
Фиона Брауэр

Война, ложь и сети

Как взаимодействуют с ТКИ вооруженные акторы, как они используют их в ходе конфликта? Исследования показывают, что новые технологии облегчают организацию боевых групп и их «коллективные действия». Упрощение доступа к информации не только способствует их мобилизации, но и дает в руки повстанческим группировкам усовершенствованные средства координации и коммуникации.

Кроме того, в условиях конфликта технологии контроля информации создают для воюющих сторон оперативные преимущества, снабжая их данными о передвижении, поведении и настроениях сил противника и жителей охваченных конфликтом районов. Эти технологии не только повышают разведывательные возможности и точность военных ударов, но могут и спровоцировать военные злоупотребления. Для гражданского населения применение ТКИ в зоне боевых действий повышает вероятность нарушений права людей на неприкосновенность частной жизни. И наоборот, лишение граждан доступа к технологиям контроля информации — нередко предвестник эскалации насилия и вытекающих из него нарушений прав человека. В результате граждане часто оказываются под «перекрестным цифровым огнем».

Как показывают конфликты в Мьянме (2021 год), Иране (2019 год) и Судане (2019, 2022 годы), существует тесная связь между перекрытием властями доступа в интернет и дальнейшим применением насилия в отношении гражданского населения. Тем не менее иной раз наличие интернета может даже снизить интенсивность конфликта. Хотя социальные сети дают повстанцам больше возможностей в реализации пропагандистских стратегий, им одновременно приходится сдерживать насилие, чтобы не оттолкнуть от себя сторонников, как показывают исследования Мартина Масиаса-Медельина и Лауры Атуэсты. Более широкое распространение интернета также дает

противникам повстанческих сил (правительству или другим формированиям) более полную информацию об операциях повстанцев и более эффективные инструменты для того, чтобы ограничить их возможности в организации насилия.

Социальные сети стали ключевым фактором в стратегиях эскалации противостояний, реализованных, например, во время предыдущего конфликта в Газе в 2012 году, вооруженных столкновений в Нагорном Карабахе, а также в ходе российской спецоперации. Цифровые платформы подпитывают национализм и усиливают напряженность в отношениях между Индией и Пакистаном. Сообщения сторонних лиц в социальных сетях используются с целью вовлечения в конфликт других участников: так, например, российские ресурсы распространили фальшивый пресс-релиз министерства обороны США о том, что американский бомбардировщик якобы случайно сбросил ядерную ракету на здание в Литве — и это произошло еще в 2017 году. Социальные сети используются для дискредитации, оскорбления или провоцирования иностранных правительств и лидеров: например, в период общественной реакции на отравление Скрипалей в 2018 году российское посольство в Лондоне размещало твиты с пропагандистскими заявлениями и угрозами в адрес правительства Великобритании.

Дезинформация из социальных сетей эксплуатирует слабости лидеров, что приводит к эскалации напряженности: так, министр обороны Пакистана выступил с ядерными угрозами Израилю после прочтения фейковой новости о планах Израиля разбомбить пакистанский ядерный объект — это произошло в декабре 2016 года.

Нынешнее противостояние в Газе выветило центральную роль ТКИ в вооруженном конфликте — обе стороны развернули войну в цифровой сфере. 7 октября ХАМАС нанес удары по израильским вышкам связи, расположенным вдоль границы, и запустил DDoS-кибератаки на израильские сай-

ты, распространявшие жизненно важные оповещения о ракетных обстрелах. В свою очередь, Израиль резко сократил доступность интернета в секторе Газы, в том числе путем бомбардировок телекоммуникационной инфраструктуры, что привело к практически полной информационной блокаде (лишь после того, как США потребовали от Израиля прекратить отключение, власти восстановили ограниченный интернет-доступ на этой территории). Ожидается, что достижения Израиля в области искусственного интеллекта могут определить исход продолжающегося наземного вторжения.

Дезинформация также является важной составляющей конфликта. Ложная информация маскирует события, усиливает напряженность и создает «военный туман», определяющий то, как граждане и мировая общественность представляют себе происходящее. С самого начала конфликта в социальных сетях стали появляться сообщения о том, что теракты — результат сговора между ХАМАС и Израилем, что Украина поставляет оружие ХАМАС и что потери палестинцев — это фейк. Ложные нарративы и теории заговора продолжают распространяться, затрудняя оценку реальности.

Цифровые баррикады

Российские власти усовершенствовали стратегии цифрового контроля, чтобы усилить эффект военных действий. Разветвленная государственная система слежки, выявления и пресечения инакомыслия, существовавшая и до начала спецоперации, была использована российскими властями для подавления внутривнутриполитического протеста против военных действий. Российские спецслужбы внимательно следят за поведением людей в интернете с помощью системы СОПМ (Система технических средств для обеспечения функций оперативно-разыскных мероприятий), которая собирает данные, передаваемые по российским телекоммуникационным сетям, и позволяет сотрудникам служб нацеливаться на критиков и потенциальных участников протестных акций. Система распознавания лиц, установленная в московском метро, дает возможность выявлять и арестовывать участников протестных акций. С началом СВО российские власти предприняли новые блокировки контента международных и российских правозащитных сайтов, журналистских расследований, а также приняли жесткие законы, криминализирующие действия в интернете, связанные с оспариванием политики государства. С особым усилием власти ограничивают доступ к западным СМИ, возводя «цифровую баррикаду» между российскими гражданами и различными платформами и сайтами.

Усиление цифровых репрессий в России знаменует собой эскалацию уже существовавшей тактики и новый шаг к контролю над информационной экосистемой страны. Россия стремится ограничить доступ к ТКИ и за пределами своих географических границ, нацелившись на информационное пространство и цифровую инфраструктуру Украины. На территориях, не контролируемых Россией физически, были случаи, когда российские власти распространяли дипфейки и поддельные выступления украинских официальных лиц, чтобы дезориентировать людей и повлиять на их восприятие военных действий.

Еще один аспект — стремление России исказить информацию о конфликте в третьих странах. Пропаганда скроена так, чтобы резонировать с проблемами конкретных стран и регионов. В Африке пророссийские ресурсы обвиняют Запад в дефиците продовольствия и утверждают, будто Украина

Цифровой театр военных действий

намеренно уничтожила запасы зерна. Во Франции на фейковом сайте, маскирующемся под французское министерство, были размещены ложные сведения о новом налоге, будто бы введенном для финансирования вооруженных сил Украины. В Армении пропаганда обвиняла США в дестабилизации обстановки, а прокремлевские деятели распространяли призывы к свержению армянского правительства.

Россия объединяется с Китаем в осуществлении взаимодополняющих стратегий. Обе страны наращивают совместную работу по совершенствованию своих инструментов цензуры и дезинформации, включая проведение масштабных двусторонних встреч, цель которых — создать в России подобие китайской системы социального контроля. Кроме того, обе страны подписали соглашения о сотрудничестве и обмене «передовым» опытом в развитии своих систем цифрового наблюдения и цензуры.

Сигнальный код

Использование технологий контроля информации имеет серьезные правозащитные и гуманитарные последствия. Цифровые технологии наносили ущерб гражданскому населению в условиях конфликтов. Крайне важно разработать действенные рамочные правила соблюдения прав человека, которые обеспечивали бы ответственное поведение в информационном пространстве. Инициативы, подобные гарвардскому проекту «Сигнальный код» (Signal Code), — шаги в правильном направлении.

Авторы проекта выделяют пять основных прав, требующих усиленной защиты: доступ к информации во время кризиса; право на неприкосновенность частной жизни и безопасность в военное время; право людей на субъектность в сборе, использова-

нии и раскрытии их персональных данных; право на защиту, в том числе от угроз и вреда, связанных с использованием ТКИ или информации; право на исправление доказанно ложных, неточных или неполных сведений о частных лицах и на возмещение ущерба от них.

Есть еще ряд проблем. Например, существенная роль интернет-платформ в распространении информации об украинском конфликте вызывает целый ряд вопросов: не нарушают ли частые публикации в социальных сетях изображений военнопленных протоколы Женевской конвенции, запрещающие делать пленным предметом любопытства толпы? Не содействуют ли отключения интернета или самоцензура на онлайн-платформах военным преступлениям и не поощряют ли их, лишая гражданское население доступа к информации о гуманитарных мерах по спасению жизни людей или о готовящихся ракетных ударах?

Информационно-коммуникационные технологии играют все более значительную роль в конфликтах. Пусть это выглядит сегодня, возможно, и утопично, но по мере того, как цифровая война становится нормой, необходимо учитывать ее гуманитарные издержки и разрабатывать правила ведения боевых действий для государств, цифровых комбатантов, гуманитарных организаций и платформ.

Стивен Фельдстейн,

старший научный сотрудник Фонда Карнеги (организация признана в РФ «иностранным агентом»), автор книги «Возникновение цифровых репрессий. Как технологии перестраивают власть, политику и сопротивление» (2021)

Фиона Брауэр,

младший научный сотрудник Фонда Карнеги

Перевод
Дмитрия Ермоловича

Государству показалось мало

ПРЕВРАТИТСЯ ЛИ
ВОЛНА НАЦИОНАЛИЗАЦИИ
В ЦУНАМИ

Неопределенность прав собственности — одно из принципиальных свойств сегодняшней российской бизнес-среды. С началом спецоперации и введения всевозможных западных ограничений российский бизнес оказался между молотом — зарубежными санкциями и наковальней — внутренней экономической турбулентностью,

умноженной на произвол силовиков. На фоне уже существующих угроз появилась и новая — национализация частных активов. Когда-то «дело ЮКОСа» или «дело «Башнефти», перешедшей из АФК «Система» под контроль «Роснефти», казались изолированными случаями. Сейчас национализация может превратиться в своего рода конвейер передела собственности с определяющим участием государства.

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ
(ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН,
РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ)
НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ
АГЕНТОМ ШУМАНОВЫМ ИЛЬЕЙ
ВЯЧЕСЛАВОВИЧЕМ ЛИБО
КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА
ШУМАНОВА ИЛЬИ
ВЯЧЕСЛАВОВИЧА.

Илья
Шуманов

Око за око

К первому месяцу спецоперации, видимо, опираясь на ожидание быстрой победы в Украине, российские власти оказались не готовы к широкому спектру ограничений, заморозке активов государственных компаний и отключению банковского сектора России от международной финансовой инфраструктуры. Это одно из напрашивающихся объяснений того, почему экстренные меры по ответу России на западные санкции были сформулированы только к середине 2022 года, когда российские власти создали юридическую базу для изъятия крупнейших компаний, имевших иностранных акционеров.

После создания такой базы указом президента под внешний контроль был передан проект Sakhalin 2 — он достался «Газпрому», по всей видимости, как компенсация за арестованные в Европе активы этой госкомпании. Зеркальным ответом на изъятие активов «Роснефти» в ЕС стала передача под ее контроль другого нефтяного проекта — Sakhalin 1, что тоже

было оформлено президентским указом в октябре 2022 года.

Через национализацию была продолжена в апреле 2023 года, перекинувшись с нефтяной отрасли на энергетику: Unipro и Fortum попали под контроль топ-менеджеров, которых эксперты связали с «Роснефтью». И, пожалуй, самая обсуждаемая в общественном пространстве история изъятия иностранных активов произошла летом 2023 года: коснулась она молочного гиганта Danone.

Российские заводы компании отошли племяннику Рамзана Кадырова и сыну бывшего сенатора от Татарстана Вагиза Мингазова. Получение семьей Кадыровых молочного холдинга с иностранным участием можно было считать сигналом для европейского бизнеса — так Кремль может поступить с любыми зависшими в России иностранными компаниями. Но это и сигнал представителям российской элиты — лояльность вознаграждается.

Перечисленные истории объединяет одно — российские группы, получившие иностранные активы, прежде потеряли свои за пределами страны, и государство готово компенсировать эти потери.

Лишь один случай несколько выбивается из общей логики: национализация пивоваренной компании «Балтика» и передача ее от группы Carlsberg Таймуразу Боллоеву, который ранее руководил этим активом в 2000-х. Принцип талиона (око за око) в случае с Боллоевым не сработал — под западные

санкции он не попал, активов за пределами России не терял, но заводы «Балтики» под свой контроль получил. Можно связать это с политическим весом Боллоева, который считается старым знакомым Путина по Санкт-Петербургу еще с 1990-х, входит в ближнее окружение братьев Ковальчуков и ранее даже занимал должность главы госкорпорации «Олимпстрой». Намеки на скрытое соглашение между Carlsberg и Боллоевым можно отбросить, поскольку иностранная компания уже отозвала лицензионные соглашения на производимые российскими заводами бренды иностранных напитков.

Летом в распоряжении «Файнэншл таймс» появилась информация о том, что российские власти готовятся к национализации компаний с иностранными собственниками из недружественных России стран. Такие активы могли бы стать трофеями для следующей элитной российской группы, ожидающей компенсации за свою лояльность или изъятие на Западе активы. Поскольку описанный механизм изъятия активов опирается исключительно на указы президента, то можно уверенно говорить о ручном распределении иностранных предприятий. Согласно неформальному графику национализации, указы об изъятии иностранных активов подписывались каждый квартал, перерыв делался на зимние месяцы. Этой осенью нового указа президента еще не было.

Око государево

Одновременно с громкими скандалами вокруг изъятия у иностранцев российских активов происходили не менее интересные процессы и со стратегическими предприятиями, которые принадлежат российским собственникам. Нам удалось идентифицировать 23 случая скрытой национализации (начиная с 2021 года), которые происходили по другому сценарию, не привлекая внимания широкой общественности. За конфискацией предприятий по этой схеме стояла Генеральная прокуратура, которая выходила с судебными исками об обращении частных активов в доход государства.

Важно, что изымаемые Генпрокуратурой активы были просто экспроприированы, то есть выплата компенсации и потенциальный возврат прежним собственникам даже не подразумевались. Более того, в некоторых случаях ранее полученные дивиденды от изымаемого актива были определены как необоснованный доход и повисли многомиллионным долгом на прежнем собственнике.

Можно утверждать, что на начальном этапе национализации в 2021–2022 годах Генеральную прокуратуру интересовали только портовые активы. Изъятие предприятия братьев Магомедовых (Дальневосточное морское пароходство, Новороссийский морской торговый порт) последовали за изъятием петербургского порта «Бронка», контроль над которым не смогла уберечь даже семья бывшего главы ФСО Евгения Мурова.

Конец 2022 года ознаменовался интересом Генеральной прокуратуры к менее значимым портовым активам — Калининградскому морскому торговому порту, который в два шага, с завидной для суда скоростью,

Государству показалось мало

перешел под контроль государства. Опробовав на портовой инфраструктуре технику национализации, прокуроры занялись другими отраслями: энергетикой, сельским хозяйством, рыбной промышленностью, химией, строительством, ВПК, добычей природных ресурсов... Только за первую половину 2023 года изъятия активов прошли по 18 судебным искам.

Переход под контроль государства стратегических активов предполагал использование ограниченного спектра формальных юридических инструментов, которыми обладала Генеральная прокуратура. Для каждого актива выбиралась своя стратегия, предполагающая комбинацию разного рода юридических оснований изъятия. Можно утверждать, что политическое решение принималось по каждому из активов, а представители Генпрокуратуры — как исполнители политической воли — сами выбирали инструменты, в наибольшей степени подходившие для каждого случая.

Одним из таких аргументов в пользу изъятия было нарушение антикоррупционного законодательства

бывшими или действующими политиками и государственными служащими.

Например, под такой иск попал действующий депутат Государственной думы Андрей Колесник, который всю свою политическую карьеру строил как лояльный Кремлю патриот-государственник, поддерживающий Владимира Путина. Это не помогло ему сохранить половину Калининградского морского торгового порта, которым он владел и управлял, нарушая, по мнению Генпрокуратуры, антикоррупционные запреты. Через аналогичный процесс прошли принадлежавшие бывшему сенатору Магомеду Магомедову акции нескольких портов. Активы опального министра открытого правительства Михаила Абызова, позже вошедшие в периметр холдинга Андрея Мельниченко, Генеральная прокуратура также посчитала незаконно полученными и продолжает добиваться их изъятия в суде.

Не менее значимым аргументом для изъятия стратегических активов стали иски Генпрокуратуры в отношении компаний и их собственников, которые либо структурировали владение своих предприятий через иностранные или офшорные юрисдикции, либо сами имели второй паспорт. Пресловутая деофшоризация российской экономики перестала быть туманной угрозой для российского бизнеса. Теперь она приобрела четкие черты реальной угрозы, исходящей от Генеральной прокуратуры: именно о таких сюжетах 25 сентября 2023 года рассказывал генпрокурор Игорь Краснов Владимиру Путину, который при этом одобрительно кивал.

Братья Магомедовы

Дмитрий СЕРЕБРЯКОВ / ТАСС

От Калининграда до Владивостока

Предприятия, которые не могли быть изъяты из-за нарушений

антикоррупционного законодательства или не имевшие иностранных собственников, также поглощались государством, но по совсем уж сомнительному основанию под названием «нарушение процедуры приватизации активов». Зачастую речь шла о национализации компаний, которые были приватизированы еще в 1990-е и сменили с тех пор множество владельцев. Собственник, которому достался тот или иной стратегический актив спустя тридцать лет, по идее, должен был быть уверен, что подтвержденные права на его актив незыблемы, хотя бы по причине добросовестности правоприобретения этого предприятия. У Генеральной прокуратуры же имелась своя позиция по этому вопросу.

Иногда истории с изъятием превращались в совсем уж специфические казусы. Компания АО «КЦТЛ» в Петербурге — одна из немногих стивидоров (структур, занимающихся погрузкой и разгрузкой), работающих в местном порту. В частные руки компания перешла после приватизации в 1994 году. Разгосударствление компании проходило через администрацию города Санкт-Петербурга, которую в тот момент возглавляла команда Анатолия Собчака, одним из замов мэра в ней был нынешний президент Владимир Путин. Значительная часть акций компании «КЦТЛ» в 1990-е попала в руки семьи Александра Абросимова, который до недавнего времени занимал должность санкт-петербургского бизнес-омбудсмана. Ни близость к власти, ни официальная государственная должность, обязывающая спасать бизнес, не убергли Абросимова от иска Генеральной прокуратуры, которая посчитала незаконной приватизацию предприятия. Спустя почти тридцать лет после того, как чиновники санкт-петербургской мэрии продали компанию, предприятие вернулось обратно государству, которое, скорее всего, выставит его повторно на торги.

В результате страх кампании чисток по образцу сталинской эпохи стал повергать в дрожь даже выдавших виды бизнесменов. Поэтому для снижения устрашающего эффекта национализации важным стало то, что большинство предприятий государство забирало без использования уголовного преследования, а значит, в медиа не появлялись новости об обысках, арестах, допросах: информационный след оставался едва видимым. А некоторые кейсы, такие как, например, изъятие завода американской нефтесервисной

компании «Шлюмберге» в Стерлитамаке, вообще оставались вне информационного поля.

По всей видимости, разработчиков спецоперации по национализации интересовала лексическая упаковка юридических формул, к которым лично президент совсем не равнодушен. Вопрос о новой волне национализации активов в России, заданный Путину 12 сентября ведущим панели на ВЭФ-2023 во Владивостоке, был не очень приятен президенту. Разумеется, иностранным инвесторам даже из стран Ближнего Востока, Латинской Америки, из Индии и Китая не доставило бы радости услышать, что при перемене политического ветра они тоже рискуют в одночасье потерять все свои активы. Поэтому словесное описание экспроприации предприятий должно было стать максимально нейтральным и обтекаемым, особенно в устах президента: «Никакой деприватизации не намечается, никакой деприватизации не будет. Вот это я вам могу точно сказать. То, что прокуратура активно работает по отдельным направлениям, по отдельным как бы компаниям, — ну, правоохранительные органы имеют право оценивать то, что происходит в экономике, в конкретных случаях».

Комментарий Путина на Восточном экономическом форуме о недопустимости новой волны национализации произвел несколько отрезвляющий эффект на всех, в первую очередь на прокуроров. После этого Генпрокуратура отозвала очередной иск об изъятии в доход государства компании — производителя цемента «Хайдельберг Цемент Рус». Новых исков ведомство не подавало уже несколько месяцев, хотя как раз спустя короткое время после форума генпрокурор Краснов докладывал главе государства об успехах деофшоризации...

Итак, за короткий промежуток времени только силами Генпрокуратуры было экспроприровано частных

активов на сумму более \$5 млрд. Среди пострадавших — пестрая линейка российских предпринимателей: действующие чиновники, депутаты-лоялисты, сбежавшие за границу сенаторы, пенсионеры ФСБ, рыбопромышленники, производители бумаги и люди, отдавшие всю свою жизнь химической промышленности. От Калининграда до Владивостока прокатилась эта первая масштабная волна национализации. Экономической рациональности в ней нет, зато есть

Путин на Восточном экономическом форуме

демонстрируемая системой готовность ужесточить не только политические репрессии, но и экспроприровать частную собственность — тогда, когда это покажется важным Кремлю. Авторитарная суть политической системы диктует и соответствующие шаги в области экономики. Гарантий сохранения права собственности нет ни у кого — что, собственно, государство и продемонстрировало бизнесу, несмотря на снижающие устрашающий эффект слова президента.

Илья Шуманов*

* Внесен Минюстом в реестр «иноагентов».

Друзья и враги

(18+) НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ «ЛЕВАДА-ЦЕНТР» ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА «ЛЕВАДА-ЦЕНТР».

Отношение абсолютного большинства россиян к другим странам лишено практического смысла. «Внешний мир» состоит исключительно из виртуальных представлений, отталкиваясь от которых российское общество поддерживает желаемый образ самого себя. Ничто в повседневном опыте основной массы населения не позволяет говорить о реальности жизни в других странах. И это понятно, поскольку в брежневское время за границей бывали не более 0,5% проверенных и идеологически стойких советских граждан. Но и после, когда стал возможным свободный выезд, за последние 30 лет, следовавших за распадом СССР, за рубежом (в «дальнем зарубежье») в общей сложности побывали не более 15% населения. Загранпаспорт есть у 18–20% взрослых россиян, преимущественно жителей крупных городов, более обеспеченных и мобильных. Открытые визы имеют лишь 5% взрослого населения.

Преимущественно это были однократные туристические поездки, шопинг или отдых, реже деловые и коммерческие поездки, еще реже — учеба или стажировка за границей. Часто выезжают представители одного социального слоя, условно говоря, российского среднего класса — чиновничество и предприниматели, медийная и университетская публика. Основная же масса населения (60–65%) не обладает необходимыми ресурсами и средствами не только для дальних поездок, но и для особой мобильности даже в границах своего региона. Пандемия ковида и санкционные ограничения, введенные западными странами в 2014 году и сильно расширенные после начала СВО, сократили до минимума поток выезжающих. Если исходить из данных социологических опросов «Левада-центра», предшествующих этим

ограничениям, то можно сказать, что в европейских странах в последние 5–7 лет были примерно 3% опрошенных, 1–2% в ближневосточных странах (Турции, Египте, Израиле и др.), и еще по 1% с небольшим в азиатских странах (Китае, Таиланде, Японии и др.). Такой порядок выезда сохраняется много лет, поскольку он обусловлен финансовыми возможностями населения и потребностями бизнеса, науки, культуры, образования и т.п.

Поэтому соотносимое с реальностью представление о жизни в других странах, пусть и очень поверхностное, может иметь только этот круг людей. Конечно, и они не свободны от идеологических предубеждений, но все-таки очевидность повседневной жизни в других странах существенным образом размывает априорную жесткость стереотипов о «других» и отраженным светом — о «самих себе».

У большинства же россиян представления о других странах складываются главным образом из передач ТВ, превратившихся в последние 20 лет в инструмент целенаправленной антизападной пропаганды и идеологической индоктринации населения. Транслируемые ТВ установки накладываются на остатки школьных знаний, соединяются с потоком образов чужой жизни из массовой культуры (моды, рекламы, кино, литературы), интернета и социальных сетей. Такого рода представления устанавливают невидимый барьер между «мы» и «другие». Причем «другие», в свою очередь, распадаются на идеализированные образы развитых стран (условный Запад как воплощение модер-

ности, благополучия, свободы, разнообразия, защищенности частного существования от произвола государства) и на представления о бедных или развивающихся странах (Африка, Азия, Латинская Америка, Ближний Восток).

Первые вызывают сильные и противоречивые чувства — от восхищения и зависти до комплексов национальной неполноценности, успешно преобразуемых пропагандой во враждебность ко всему тому, что становится причиной травматических переживаний своего несовершенства. Отталкиваясь от них, россияне конструируют образ самих себя по принципу «а мы другие, не очень-то и хотелось, мы — особенные, у нас другой путь, мы — другая цивилизация» и т.п. Вторые, бедные или развивающиеся страны, становятся основанием для сознания собственного превосходства и довольства собой (далеко не всегда обоснованного, поскольку исходят из представлений об этих странах, сложившихся 50 и более лет назад, то есть относящихся к прежней эпохе советского влияния в третьем мире). Но образы этих стран аморфны и менее значимы, поскольку они не являются ориентиром развития.

Эгоцентризм, характерный для российского общественного мнения, делит обозримый мир на три неравные категории: «свои», дружественные страны (такие же, как «мы»); «нейтральные» (западные демократии, но не входящие в военно-политические блоки, до недавнего времени не входившие в них или не представлявшие угрозу России в силу

незначительности своего военного потенциала, — Швейцария, Финляндия, Дания, Норвегия, Швеция и другие); и, наконец, «чужие», недружественные или враждебные страны.

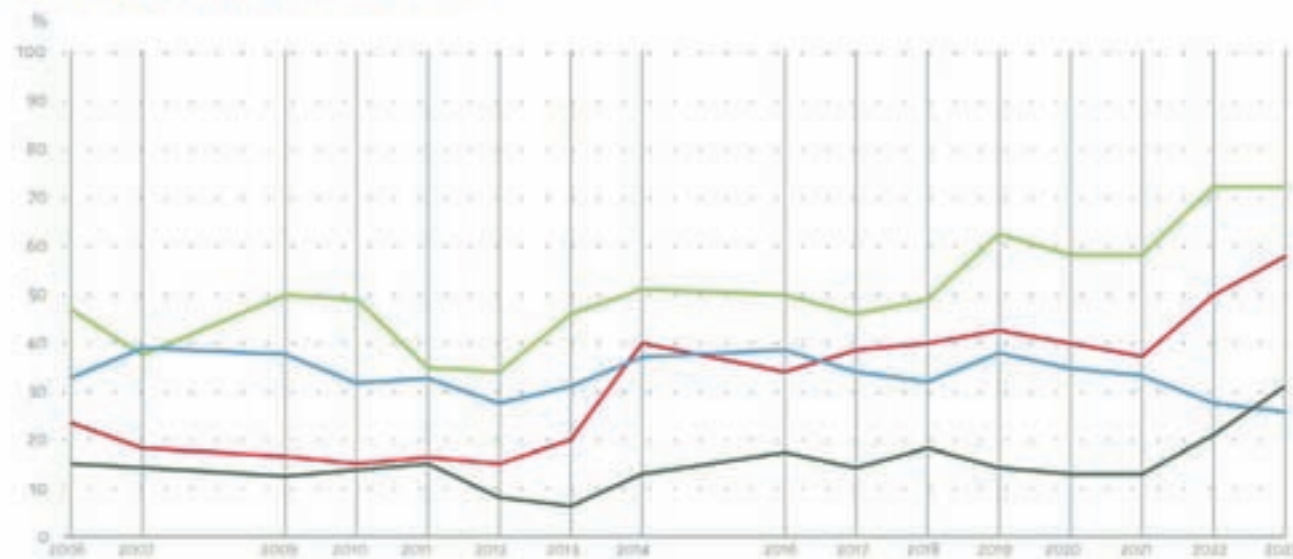
В первую категорию попадают авторитарные и тоталитарные режимы, схожие по многим показателям с Россией, в третью — крупные, развитые, демократические государства.

«Дружественных» стран всего три — Беларусь, Китай и Казахстан (табл. 1). В последние годы общественное мнение добавляло в этот разряд еще две страны — Армению и Индию. Армению в этом качестве (в 2019 и 2022 годах) называли 20–22%, но сомнительная роль России в ситуации захвата Азербайджаном Нагорного Карабаха и предполагаемые обиды армян в этой связи снизили долю таких мнений до 16%. Индию, которая впервые вошла в этот список в 2022 году (21%), «дружественной» в 2023 году считал уже 31%. После начала военных действий в Украине и расширяющегося спектра санкций, накладываемых на Россию, некоторые россияне, явно от безысходности, добавляли в этот короткий список также Турцию и Иран (в августе 2023 года их называли по 11–12%).

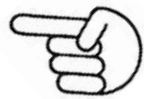
НАЗОВИТЕ НЕСКОЛЬКО СТРАН, КОТОРЫЕ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ БЛИЗКИМИ ДРУЗЬЯМИ, СОЮЗНИКАМИ РОССИИ?

БЕЛАРУСЬ, КИТАЙ, КАЗАХСТАН, ИНДИЯ

Источник: Левада-центр (признан Минюстом иностранным агентом)

Таблица 1

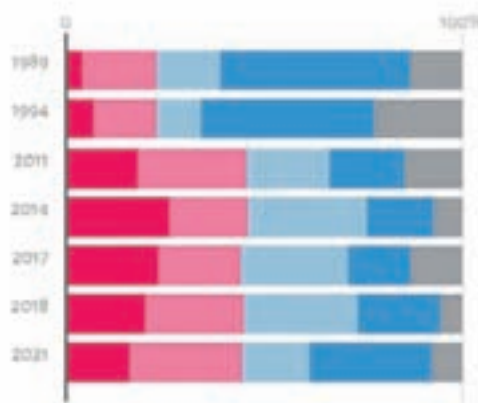
Друзья и враги

«Н едружественных» (то есть устойчиво называемых в этом качестве более 20% опрошенными) — 9 стран. Другими словами, представления о «врагах» играют более существенную роль в поддержании коллективной идентичности россиян, чем положительные образы «союзников» или «партнеров» России.

Состав и интенсивность враждебности заметно менялись за последние три десятилетия. В 1990-е годы фактор врагов играл незначительную роль в общественном мнении (см. граф. 1). В 1989 году лишь 13% опрошенных считали, что у нашей страны есть враги, но в 2000-х годах, после прихода к власти Путина и «людей в погонах», радикального изменения доктрины государственной политики и отношений с другими странами, он стал играть определяющую роль в формировании массового сознания. В 2000 году доля ответов «есть враги» поднялась до 70%, а позже — и выше. «Враги» задали горизонт понимания про-

ЕСТЬ ЛИ ВРАГИ У НАШЕГО НАРОДА, У НАШЕЙ СТРАНЫ?

НАША СТРАНА ОКРУЖЕНА ВРАГАМИ СО ВСЕХ СТОРОН; САМЫЕ ОПАСНЫЕ НАШИ ВРАГИ — СКРЫТЫЕ, ВНУТРЕННИЕ; У НАШЕГО НАРОДА, ВСТАВШЕГО НА ПУТЬ ВОЗРОЖДЕНИЯ, ВСЕГДА НАЙДУТСЯ ВРАГИ; ЗАЧЕМ ИСКАТЬ ВРАГОВ, КОГДА КОРЕНЬ ЗЛА — В СОБСТВЕННЫХ ОШИБКАХ ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

Источник: Левада-центр (данные Министерства иностранных дел России)

Таблица 2

исходящих событий и стали фактором консолидации населения вокруг власти.

В ноябре 1989 года на вопрос: «Есть ли враги у нашего народа, нашей страны?» — самая большая доля ответов россиян (48%) сводилась к варианту «зачем искать врагов, когда корень зла — в собствен-

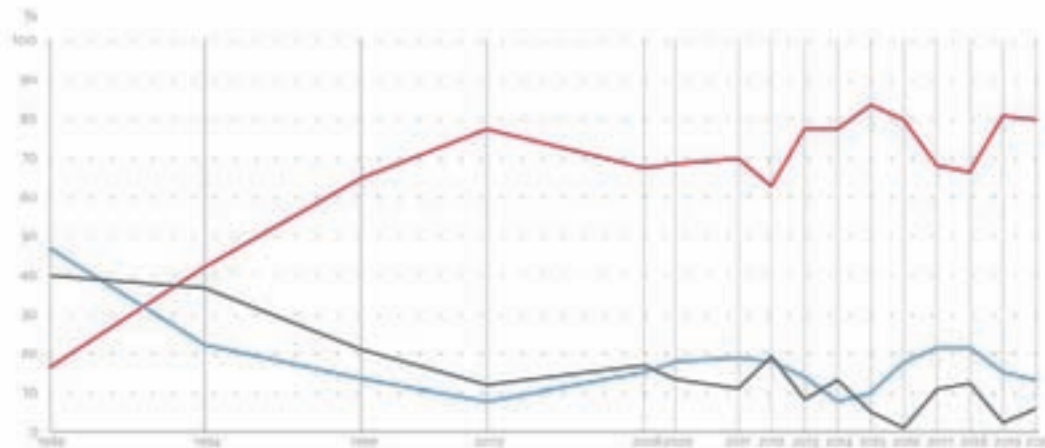
ных ошибках». И еще 14% затруднились назвать каких-либо «врагов». На внешних врагов указали лишь 4% опрошенных. Этот был единственный момент в истории страны, когда общество задумалось о самом себе и природе проблем, блокировавших его развитие и благополучие.

К 2014 году доля таких ответов снизилась почти в три раза — с 48 до 17% и, напротив, общее представление о стране — осажденной крепости выросло более чем в 6 раз (с 4 до 26%, см. табл. 2).

На роль врагов вначале (в 2005–2007 гг.) были выдвинуты бывшие республики СССР — Эстония, Латвия и Литва, присоединившиеся к ЕС и вступившие в НАТО. Чуть позже — Грузия, объявившая о подобных же планах. С 2009 года определяющую роль в этом плане играли уже США (табл. 3). Первый всплеск антиукраинских настрое-

ЕСТЬ ЛИ ВРАГИ У НЫНЕШНЕЙ РОССИИ?

ДА, НЕТ, ЗАТРУДНЯЮСЬ ОТВЕТИТЬ

Источник: Левада-центр (данные Министерства иностранных дел России)

График 1

ИССЛЕДУЕМ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

НАЗОВИТЕ НЕСКОЛЬКО СТРАН, КОТОРЫЕ ВЫ СЧИТАЕТЕ НАИБОЛЕЕ НЕДРУЖЕСТВЕННО, ВРАЖДЕБНО НАСТРОЕННЫМИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ (2006–2023 ГГ.)

Таблица 3

Страна	'06	'07	'09	'10	'11	'12	'13	'14	'15	'16	'17	'18	'19	'20	'21	'22	'23
США	37	35	45	26	33	35	38	69	73	72	69	78	67	60	66	73	72
Великобритания	5	3	8	6	8	7	9	18	21	18	15	38	38	29	28	49	51
Германия	2	2	3	1	4	3	3	18	19	19	24	17	18	15	16	37	48
Польша	7	20	10	14	20	8	8	12	22	24	21	24	22	26	21	41	42
Украина	27	23	41	13	20	15	11	30	37	48	50	49	40	35	40	31	36
Литва	42	32	35	35	34	25	17	24	25	23	24	23	26	26	20	20	22
Латвия	46	36	35	36	35	26	21	23	25	23	24	26	27	26	21	21	21
Эстония	28	60	30	28	30	23	16	21	19	16	16	15	12	11	9	7	8
Грузия	44	46	62	57	50	41	33	19	11	10	9	8	11	16	15	5	6
Нет таких	4	2	3	4	14	7	7	3	3	5	3	2	3	7	3	1	2
Затруднились ответить	19	17	15	17	1	21	24	17	14	10	11	10	7	7	3	6	3

Респонденты сами, без «подсказок» называли те или иные страны (открытый опрос), ответы ранжированы по убыванию по результатам 2023 г.; приводятся страны, набравшие хотя бы в одном из замеров $\geq 20\%$. $N = 1600$, цветом выделены значимые изменения

ний (по тем же причинам) имел место еще в 2004 году («оранжевая революция») и затем в 2008–2009 гг., когда украинское руководство не выразило готовности поддержать Россию в ее войне с Грузией и даже, напротив, осудило ее действия.

Резкое изменение отношения к США и ведущим европейским странам фиксируется с 2014 года — после введения санкций против России и усиления ответной антизападной политики.

Респонденты сами, без «подсказок» называли те или иные страны (открытый опрос), ответы ранжированы по убыванию по результатам 2023 г.; приводятся

страны, набравшие хотя бы в одном из замеров $\geq 20\%$. $N = 1600$, цветом выделены значимые изменения

В 2023 году в число враждебно относящихся к путинской России стран вошли также Франция (названа 19% опрошенных), Канада (11%), Италия (11%). Испортилось отношение даже к скандинавским странам, бывшим всегда идеальным воплощением желаемой жизни — обеспеченной, спокойной, свободной от великодержавных и милитаристских амбиций. Вступление Швеции и Финляндии в НАТО было воспринято общественным мнением в России как проявление анти-

российского поворота в их внешней политике.

Вместе с усилением функции «врагов» росло и представление о том, что Россия «возрождается» и восстанавливает свой авторитет в мире и статус «великой державы», сопротивляясь извечной «руссофобии» западных стран, боящихся усиления России.

За последние 20 лет изменилось отношение не только к западным странам, бывшим в 90-е годы цивилизационным ориентиром для России, предпочтительным экономическим партнером, источником новейших технологий и прочих благ, но и к бывшим советским республикам, в первую очередь членам СНГ. Надежды на восстановление СССР довольно быстро растаяли, но сохранялись — и довольно долго — иллюзии относительно возможности

реинтеграции в новое объединение (окончательно исчезнувшие после 2014 года). На сегодня вера в жизнеспособность СНГ если и не умерла окончательно, то снизилась до минимума: лишь 12% россиян полагают, что России следует в долгосрочной перспективе ориентироваться в своей внешней политике на СНГ. Причем такие взгляды характерны для самых консервативных и лишенных влияния социальных групп — пенсионеров, людей с невысоким уровнем образования, бедных жителей российской периферии.

Лев Гудков

ГОРБИ
GORBY

НЕОТЛОЖНЫЙ РАЗГОВОР

Религия смерти

В ЧЕМ СОСТОИТ
КУЛЬТ ГИБЕЛИ,
КОТОРЫЙ СТАНОВИТСЯ
ОФИЦИАЛЬНОЙ
ИДЕОЛОГИЕЙ РФ, КТО ЕГО
ОСНОВНЫЕ ПРОПОВЕДНИКИ
И КАКОЕ ОН ИМЕЕТ
ОТНОШЕНИЕ
К ПРАВОСЛАВИЮ

Александр Солдатов

Никаких идеологических целей у современной российской власти так пока и не образовалось, и потому необъяснимость происходящего вытесняет рациональное начало, на место которого приходит мистика — если угодно, мрачная «духовность». При поддержке проповедников из РПЦ и философво-мифотворцев эта «духовность» достигает масштабов новой религии, в центре которой — культ смерти. Если при этом и вспоминают о православии, то чисто «технически», отмечая миротворческие заповеди Христа и апеллируя к батальным сюжетам из Ветхого Завета и русской истории.

Президент как-то обмолвился, что «глубокие корни нашего патриотизма» заключаются в стремлении умереть на глазах у максимально большего числа людей («на миру»), и именно россияне как мученики попадут в рай, а их враги «просто сохнут». Эти слова творчески переосмыслены патриархом Кириллом, который пытается придать новое звучание российскому православию.

После начала частичной мобилизации в сентябре прошлого года он заверил, что гибель на поле боя «смывает все грехи, ко-

торые человек совершил», это самая прямая дорога в рай. Больше нет нужды в вере, исполнении заповедей и добрых делах, религия редуцирована до единственного акта — жертвоприношения себя.

Ведь СВО, по учению Кирилла, «имеет не физическое, а метафизическое значение», и если Христос говорит «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас» (Матф. 5:44), то Кирилл Его поправляет: «Прощение без справедливости есть капитуляция и слабость».

На наших глазах рождается новая религия, которая пытается встроить себя в политический контекст. Глава РПЦ так рассуждает о международном праве: «Есть институции, которые имеют законное право употреблять силу, принуждая <...> другие страны, если видят в них угрозу, к тому, чтобы этой угрозы не было». Но подобная позиция входит в противоречие не только с Евангелием, но и с собственной Социальной концепцией РПЦ, составленной под редакцией нынешнего патриарха четверть века назад, «в прошлой жизни».

Тот документ делит войны на условно справедливые и несправедливые: «Война есть зло. Причина его, как и зла в человеке вообще, — греховное злоупотребление богоданной свободой... Признавая войну злом, Церковь все же не воспрещает своим чадам участвовать в боевых действиях, если речь идет о защите ближних и восстановлении попорченной справедливости. Тогда война считается хотя и нежелательным, но вынужденным средством». В противном же случае, говорится в документе, «Церковь должна отказать государству в повиновении. Христианин, следуя велению совести, может не исполнить повеления власти, поносящего к тяжкому греху».

Ныне же призывы к смерти стали центральной темой проповедей иерархов РПЦ — «комиссаров в рясах». Глава одной из патриарших комиссий, **митрополит Мурманский Митрофан**, убеждает своих прихожан: в земной жизни «нет никакой радости». «Если вам

представится благоприятный случай умереть, не задумываясь, совершайте этот шаг, потому что неизвестно, представится ли вам еще такой случай», — призывает Митрофан.

Замуправделами патриархии епи-

скоп Зеленоградский Савва идет дальше, напоминая, что все христиане и так умерли в крещении, когда «спогребались Христу», осталось лишь исполнить заповедь «положить душу за друзей своих».

Не замечая заповеди «Не убий»,

точнее — толкуя ее прямо противоположным образом, иерархи РПЦ твердят о необходимости убийства: «Все, кто причастен к принятию решений [в Украине], должны быть устранены»

(**митрополит Клинский Леонид**). Иная, миротворческая, точка зрения в РПЦ теперь почти не слышна: немногие священники, попытавшиеся помолиться о мире, подверглись суровым наказаниям.

Как подытоживает **профессор Омской духовной семинарии РПЦ Сергей Сизов**, «Нет войне!» в нашей стране кричат сторонники поражения России. Это партия национал-предателей и трусов».

Но есть один нюанс. Проповедуя необходимость быстрой смерти, руководство РПЦ добилось брони от мобилизации

для всех своих клириков и служителей, включая семинаристов. Проповедь смерти нуждается в живых исполнителях.

Религия СМЕРТИ

Кто такой Ганс Зиверс

Истинным идеологом нынешнего культа смерти («танатологии») является Александр Дугин, который нашел понимание и в РПЦ, — в прошлом маргинальный радикал и один из создателей Национал-большевистской партии (признана экстремистской и запрещена в РФ), а ныне властитель дум российской политической элиты. РПЦ предоставила Дугину трибуну в формате Всемирного русского народного собора, возглавляемого лично патриархом, а слушатели Академии Генштаба ВС РФ постигают тайны геополитики по его учебнику.

В середине 90-х отец Дугина, генерал ГРУ, познакомил сына с начальником академии генералом Родионовым, который позже стал министром обороны РФ и увлекся эксцентричным учением «идеолога евразийства». В начале нулевых Дугин стал советником спикера Госдумы Селезнева, затем преподавал в МГУ и даже возглавлял кафедру на социологическом факультете при «православно-патриотическом» декане Добренькове, хотя к наличию у Дугина легального высшего образования есть вопросы. Сегодня он лидер Международного евразийского движения и почетный профессор университетов в Астане, Тегеране и Шанхае.

«Точку опоры надо искать только в смерти, — поучает Дугин. — Только так можно основать религию, культуру, искусство и политику. Жизнь слишком изменчива для того, чтобы быть точкой опоры». Вообще-то этот путь прямо

противоположен христианству, которое стремится к истреблению смерти, называя ее «последним врагом» (1 Кор. 15:26). Но мрачный танатологический философ любит ее:

«Смерть на войне — это просто смерть как таковая: в чистом виде... СВО рождает новое богословие. Вот о нем и надо говорить».

«Мы проламываем нашими мертвыми какую-то непробиваемую стену. Когда закончим, из пролома польется такой сладкий, такой чистый свет».

Отчисленный со второго курса Московского авиационного института, в конце 70-х Дугин вошел в подпольный Южинский кружок, организованный пи-

сателем-эзотериком Юрием Мамлеевым. Там юный Дугин увлекся радикальными идеями французского традиционалиста Рене Генона, верившего в «еврейский заговор» и рождение антихриста «из колена Данова», и итальянского мистического неофашиста Юлиуса Эвола, продвигавшего «арионордическую традицию». Именно Эвола на судебном процессе против него в Италии догадался переименовать фашизм в «традиционализм», под брендом которого продолжил проповедовать кастовое общество, расизм и национализм.

В 18-летнем возрасте Дугин вступил в подпольный «Черный орден SS», возглавляемый Евгением Головиным (умер в 2010-м) и под характерным псевдонимом Ганс Зиверс записал альбом собственных песен «Кровавый навет». Вероятно, тогда состоялись и первые контакты с КГБ, который особо пристально контролировал радикальный андеграунд.

Как вспоминал Дугин, при поддержке отца он получил доступ к архивам КГБ, где изучал, в частности, трофейные материалы оккультного подразделения СС «Аненербе» («Наследие предков»).

В своей книге «Гипербореяская теория» он подробно излагает идеологию руководителя «Аненербе» Германа Вирта. С детской непосредственностью Дугин любит фантазиями Вирта, романтиче-

ски называя его наследником тамплиеров и гибеллинов.

Геополитическая доктрина философа сложилась под влиянием другого идеолога Третьего рейха — Карла Хаусхофера, возглавлявшего при Гитлере Германскую академию и редактировавшего вплоть до 1944 года журнал Geopolitik. Именно он сформулировал ту доктрину «евразийства», которую россияне знают под именем дугинской: континентальный блок с центрами в Берлине, Москве и Токио противостоит атлантическому блоку, контролируемому англосаксами.

В составленной Дугиным первой программе НБП провозглашается что-то типа империи от Владивостока до Гибралтара на основе русской цивилизации, а средствами к ее достижению объявляются ненависть к либерализму и демократии и создание иерархического общества с несменяемой сакральной властью. Лозунг «Да здравствует война!» Дугин впервые провозгласил в 1994 году в связи с вводом российских войск в Чечню. Этот момент он воспринял как начало конца либерализма в России.

Уже в нулевые идеолог поставил вопрос о ликвидации Украины, а в 2014-м настолько горячо поддержал «русскую весну», что поплатился профессорским местом в МГУ. «Убивать, убивать и убивать, — отвечал Дугин на вопрос о том,

как РФ должна реагировать на трагедию в Одессе 2 мая. — Больше разговоров никаких не должно быть. Как профессор, я так считаю».

Вне Дугина «Бога нет»

Пророк новой религии называет себя «православным старовером», «единоверцем», иногда ездит в храм в подмосковной Михайловской слободе и даже пытается петь на клиросе знаменным распевом. Но, как видно из его трудов, ни малейшего отношения к христианству мировоззрение Дугина не имеет — это оккультно-эзотерический микс разных религиозных традиций, густо замешанный на конспирологии.

В поисках «тайного знания» Дугин изучает и публикует в своем альманахе «Конец света» сочинения английского «черного мага» и основателя ордена восточных тамплиеров Алистера Кроули, близкого к сатанизму.

Евразийская «геополитика» Дугина построена на зороастрийском дуализме — вере в наличие у мира двух равновеликих начал: доброго и злого (в нашем случае — Евразии и Запада, «суши» и «моря»), которые до конца времен сражаются друг с другом.

На своем прошлогоднем «Философском соборе» Дугин прямо признал: «Только когда есть два бога, война имеет абсолютный характер».

Человечество «философ» делит на три основные группы:

- АБСОЛЮТНО ПРАВУЮ;
- ЧИСТО КОНСЕРВАТИВНУЮ;
- АБСОЛЮТНО ЛЕВУЮ.

К последней принадлежат жители Запада, увлеченные комфортом и устройством земной жизни. Ко второй — обычные люди, сторонники «эзотерической», массово-консервативной религиозности. Лишь первая группа объединяет поистине избранных, «посвященных» — чтобы попасть туда, надо пройти разного рода инициации.

Соцсети

На переднем плане Сергей Троицкий (Паук) и Александр Дугин

РИА Новости

Религия смерти

Предстоятель РПСЦ
Корнилий (Титов)

Опираясь на методологию Генона, Дугин относит к «эзотерическим» религиям православие и шиизм, а к «экзотерическим» — католицизм/протестантизм и суннизм (в РПСЦ теперь тоже говорят о большей близости православия к исламу, нежели к западному христианству). Самым эзотерическим в православии Дугин считает староверие, приписывая ему оккультно-языческие атрибуты «Интегральной Традиции».

Но главное отличие дугинской религии от христианства не в этом. В своей книге «Метафизика Благой Вести» Дугин выводит староверие из вымышленных языческих мистерий столь же вымышленной Гипербореи и утверждает, что Бога как личности не существу-

ет — Он живет лишь внутри «Субъекта Божественной природы». В православии так можно назвать каждую из ипостасей Святой Троицы — Отца, Сына и Святого Духа.

Но Дугин так называет... самого себя! Субъект — это в высшей степени посвященный в эзотерическую традицию великий человек, «вне которого Бога нет». Субъект не просто управляет Богом, но и проявляет Его, только через Субъекта Бог общается к бытию.

С православной точки зрения такое учение — разновидность мистического атеизма, основанная на крайней степени гордыни. По словам Андрея Кураева, Дугин хочет «переварить православие в кабалистику. Достаточно вспомнить его статью «Мессианство Каббалы». Неприкрытая апология террора, жажда

превратить православие в революционно-террористическую идеологию.

Политическое «старообрядчество»

25 лет назад Дугин впервые пришел на Собор Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ), где призвал староверов «противостоять духовной и политической опасности, идущей с Запада». Когда в 2005 году предстоятелем РПСЦ стал бывший коммунист Корнилий (Титов), Дугин стал частым гостем в его резиденции на Рогожском кладбище Москвы.

Вскоре Корнилия приметил Путин, а в 2017 году лично посетил его на Рогожском. Впервые в истории старообрядчества глава церкви стал ревностным проповедником подчинения земной власти и борьбы с Западом, куда на протяжении столетий староверы бежали от преследований отечественной — царской или советской — власти. На открытии Собора РПСЦ 2023 года Корнилий воспроизвел основные тезисы дугинской идеологии: назвал СВО грозным противостоянием «с носителями мирового зла — сатанинской разрушительной идеологией Запада», призвал бороться до конца с «глобализмом западного мира, где ныне нет места Богу» и даже пожалел о распаде СССР, во времена которого было закрыто и осквернено около 96% старообрядческих храмов.

Воинственная позиция Корнилия привела к отделению от РПСЦ старообрядческой архиепископии Украины, а на днях главный центр старообрядчества — Белокриницкая митрополия в Румынии — отлучила рогожского иерарха от церковного общения. Всемирный совет староверов советует в связи с этим несогласным с политикой Корнилия российским старообрядцам считать своим предстоятелем Белокриницкого митрополита Леонтия и поминать его в своих молитвах.

В качестве постоянного представителя евразийства при митрополите Корнилии

и РПСЦ Дугин откомандировал на Рогожское своего ближайшего помощника, бывшего лидера Евразийского союза молодежи, а ныне директора фонда «Центр геополитических экспертиз» Валерия Коровина. Благодаря его участию в составлении статей и посланий Корнилия дугинское евразийство стало популярным среди духовенства и мирян РПСЦ.

Официальный сайт этой церкви продвигает дугинские идеи за подписью некоего Кирилла Михайлова. Вопреки православному вероучению в этих текстах провозглашается «вневременность» и «неизменность» некоей изначальной Традиции, а также «совмещение царства и церкви», «кастовое деление общества», «отождествление национального и религиозного факторов идентичности» и «вселенская миссия русского народа». Представитель Белокриницкой митрополии, усматривая в этих текстах ересь, напоминает слова Христа «кесарево кесарю, а Божие Богу» и апостола Павла — «нет ни Еллина, ни Иудея..., но всё и во всем Христос».

Христианская церковь по определению не может быть националистической, это удел язычников.

Дугина не считают своим и в академических кругах, ведь его мировоззрение принципиально антинаучно. Преподаватель Омского университета Владимир Семенов говорит, что Дугин подменяет научную фи-

лософию «литературой в модусе fiction, а точнее — дискурсом мифа». Основа дугинского мировоззрения — это иррациональные интуиции и «опыт воображения». У идеолога смерти нет внятной позитивной программы: он проповедует лишь борьбу — с модерном, с глобализмом, с капитализмом, с демократией, с «безбожной» наукой и т.п. Борьбу во имя смутно понимаемой Традиции, проистекающей из некоей Гипербореи, до конца невыразимой словами и понятной только «великим посвященным».

«Хаос идей и терминов, — пишет один из критиков дугинизма, — очень удобен для того, чтобы все время перескакивать с одной позиции на другую и никогда не отвечать за свои слова. Поэтому когда надо Дугину — он «правый», а когда не надо — «левый»; когда надо — консерватор, а когда не надо — революционер; когда надо — строгий ортодокс, а когда не надо — вольный визионер; когда надо — националист, а когда не надо — евразиец и т.д., список этих оппозиций бесконечен».

Позволим себе предположить, что подлинная основа всей этой религии / философии / идеологии / новой России / евразийства кроется в сфере психического: это личная война Дугина с реальностью, которая в какой-то момент срезонировала с представлениями властных элит.

«С тем, что нас окружает, надо рвать — решительно, серьезно, тотально, навсегда», — восклицает Дугин.

Первая жена Дугина — Евгения Дебрянская, ставшая позже одним из лидеров советского ЛГБТ-движения, — вспоминает: «Александр источал смертельный яд. Александр появился в моей жизни, чтобы разрушить ее».

* * *

...Но как же быть с РПЦ — почему 2000-летняя христианская традиция не уберегла от паранойи? По мнению Константинопольского патриарха Варфоломея, религия как таковая не интересует российские властные элиты (и служащий ему квазирелигиозный институт), церковные аргументы используются ими лишь для того, чтобы расширить свое геополитическое пространство. В рамках этой сугубо «вспомогательной функции» и действует РПЦ. Остатки естественной цивилизации жизни в России, конечно, пытаются защищаться от агрессивно наступающего культа смерти, но РПЦ не на их стороне.

Александр Солдатов

Александр РЮМИН / ТАСС

РИФМЫ

Рубрика
Александра **Архангельского**

Затишье перед бурей

Ровно сорок лет назад, в ночь на 1 января 1984 года, граждане СССР смотрели «Голубой огонек», закусывали полусладкое шампанское добытым в боях сервелатом, наслаждались салатом оливье и чистили рыхлые толстокорые мандарины. И никому — ни обывателям, ни профессуре, ни чекистам, ни отказникам, ни престарелым членам Политбюро не приходило в голову, что они встречают последний полноценный год советской власти. Беспримесный, однозначный, по-своему цельный.

Весьма немногие в ту ночь вспоминали о подпольной книге Дж. Оруэлла, благодаря которой дата «1984» приобрела символический статус; еще меньше было тех, кто хотя бы слышал о трактате Андрея Амальрика «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Но даже они не придавали значения порядковому номеру года, потому что ясно понимали: Оруэлл с Амальриком играли случайными числами. 1984-й — не пророчество, не указание, а просто некий временной рубеж. С тем же успехом мог быть 1985-й или 1989-й. Что касается предвестий и угадок, то еще в 1929-м христианский публицист Георгий Федотов выпустил статью, прямо названную «Будет ли существовать Россия?». И не он один раздумывал над неизбежным крахом грандиозного Союза. Все когда-нибудь кончается, исчезнет

и советская империя, но кто сказал, что именно здесь и сейчас начнется распад?

Так что если бы в финале «Голубого огонька» 1984 года появилась слепая пророчица Ванга или зрячая экстрасенска Джуна, с которыми в марксистском СССР почему-то считались, и хором объявили, что всего через 15 месяцев участь страны полностью переменится, им никто не поверил бы. Полный штиль. Илистое дно. Омертвение. Для одних беспросветность, для других желанная стабильность; для тех и других — остановка во времени.

Остановка — навсегда.

Четвертый год идет кровавая афганская война, в сентябре 1983-го над советской территорией сбит южнокорейский «Боинг» с мирными гражданами на борту, риск прямого столкновения с НАТО предельно вырос. Позднесоветская культура продолжает окукливаться, теряя связь с мировым контекстом, диссидентское движение разгромлено, отъезд интеллигентов нарастает, спорт высоких достижений на обочине — после сорванной Московской олимпиады и череды взаимных бойкотов. Экономика сползает в пропасть, анекдот об электричке из Владимира в Москву («длинное зеленое и пахнет колбасой») теряет всякие гротескные черты. Все недовольны, но никто особенно не протестует. Рабочие привыкли мало получать, крестьяне — кормить свиней дешевым белым хлебом, интеллигенты смирились с цензурой как данностью, номенклатура держится за кресла в королевстве торжествующей геронтократии.

И на что они (все вместе и порознь) могли в тот год рассчитывать? На какую перемену курса? На какое возвращение «в общеевропейский дом»? На какие новые лица? Да, после практически одновременной смерти Брежнева и Кириленко никто на троне не задерживался, портреты начальников в траурных рамках регулярно мелькали в газетах, но каждый следующий вождь был дряхлее и консервативнее предыдущего. Страна поднималась вверх по лестнице, ведущей вниз. Это значило, что погружение в экономическое, политическое, культурное небытие — продолжится. Нет и не будет просвета. Ни в идеологии, ни в управлении, ни в творчестве, ни в быту. Ни для лояльных, ни для оппозиционных, ни для левых, ни для правых. «Живи еще хоть четверть века, / Все будет так — исхода нет».

И 1984-й во многом оправдает мрачные предчувствия.

Техногенное самоисчерпание? Предел износа? Будут достигнуты. 1984-й войдет в историю чередой авиакатастроф, от Софии до Красноярска, причем особенно охотно будут биться флагманские самолеты Ту. И крылатая ракета, как бы в довершение сюжета о падениях, ближе к осени свалится на территорию Финляндии, упадет в озеро.

Что случилось с крылатой? Она утонула. Это еще не Чернобыль, но уже его опасное преддверие.

Давно не слышали о новостях войны, о множественных потерях? 1984-й и тут по-своему исправит положение: во время войсковой операции в Панджшерском ущелье 1-й батальон 682-го мотострелкового полка попадет в засаду; потери будут колоссальными, «груз 200» массово направится в семью.

Стали забывать об организации освобождения Палестины, которую СССР поддерживал и в мирном, и в террористическом проявлении? (Лишь одна цитата из записки председателя КГБ Андропова генсеку Брежневу, 1975-й: «Комитет госбезопасности с 1960 года поддерживает делово-конспиративный контакт с членом

димых для проведения отдельных диверсионных операций... полагали бы целесообразным ...в целом положительно отнестись к просьбе Вади Хаддада...»). В 1984-м придется вспомнить. 12 апреля террористы захватят израильский автобус и возьмут пассажиров в заложники; при освобождении один из них погибнет.

Все еще надеялись и верили, что после смертельно больного Андропова кресло генсека достанется какому-нибудь реформатору? Пускай умеренному, компромиссному, главное — нацеленному на оживление страны? Получите полумертвого Черненко, который воцарится в феврале 1984-го, чтобы править из Центральной клинической больницы, а под конец — голосовать на выборах в палате, стилизованной под избирательный участок, — так что

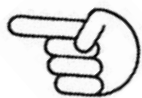
Alamy

Похороны Константина Черненко

Политбюро Народного фронта освобождения Палестины. Главными направлениями диверсионно-террористической деятельности организации являются: продолжение особыми средствами «нефтяной войны» арабских стран против империалистических сил, поддерживающих Израиль... НФОП ведет подготовку ряда специальных операций, в том числе нанесение ударов по крупным нефтехранилищам в различных районах мира (Саудовская Аравия, Персидский залив, Гонконг и др.). ... В. Хаддад обратился к нам с просьбой оказать помощь его организации в получении некоторых видов специальных технических средств, необхо-

даже опытные операторы скрыть этого не смогут? Причем с самого начала до самого конца Черненко будет окружен потенциальными сменщиками, чтобы иллюзий никто не испытывал: в случае чего система сохранится, есть кому подхватить эстафету. Высокий старец Николай Тихонов в 80 лет переназначен премьером ядерной державы, вросший в кресло московский столоначальник Гришин зорко приглядывает за обоими.

Вас волнует тема оскудения культуры, вы переживаете отъезды? Милости просим в кошмар: во время стокгольмской пресс-конференции, посвященной «Жертвоприношению», Андрей Тарковский, уехавший как бы на время, объявит об отказе возвращаться. Зато Госпремию в области литературы получат поэты Николай Старшинов и Сергей Островой. Первый славен одой цветку ваньке-мокрому («Все цветешь ты, ванька-мокрый, / Ненаглядный наш цветок»), а другой вошел в историю литературы фразой: «Написал стихи о любви. Закрыв тему». И не важно, сам он это сказал или за него придумали; важно, что измелючание идет неостановимо и всем это ясно, включая начальство.

А может, вы скучаете по временам, когда Брежнев подписывал гуманитарную корзину Хельсинкских соглашений и в СССР хотя бы формально признавали великое понятие «прав человека»? Скучайте на здоровье, они не вернуться; в 1984-м к ссылке будет приговорена Елена Боннэр, и это чисто символическое действие, потому что Боннэр и так уже в ссылке, вместе с мужем, академиком Сахаровым, и отбывать ее предстоит там же, по месту жительства. Если такое возможно по отношению к семье создателя ядерной бомбы, никто не может чувствовать себя в безопасности.

Успели позабыть об олимпийских санкциях? Ничего, вам скоро напомнят: 8 мая председатель Спорткомитета Грамов, еле выговаривая имя следующей олимпийской столицы — «Лос-АнжелОс» и рассуждая о «волосопедистах», объявит об ответном бойкоте. СССР (а значит, и все страны Варшавского договора и зависимые от них государства в Азии, Латинской Америке и Африке) не поедет летом в США. Олимпийские кольца, как покажется в эту минуту, окончательно разомкнутся.

А под занавес смутного года, в декабре, случатся две знаковые смерти. 13-го числа покончит с собой бывший министр внутренних дел СССР Николай Щелоков, проигравший «крайнюю битву» милиции и КГБ, снятый с поста и в ноябре лишенный всех наград и званий. То есть подготовленный системой к посадке. А через неделю после Щелокова скоростно скончается действующий министр обороны

Затишье перед бурей

Дмитрий Устинов, один из инициаторов войны в Афганистане. И будет захоронен в Кремлевской стене. Кто мог тогда предполагать, что он станет последним, кому окажут такую честь? Что стена бюрократического плача освободится от кладбищенского предназначения — именно потому, что перемены все-таки начнутся? Без предупреждения. Без ожиданий. И практически без предпосылок. Как только этот символический год завершится.

Впрочем, что значит без предпосылок? Что-то странное, необъяснимое в 1984-м происходило — на обочине большой политики и культуры мейнстрима. Чем дальше от начальственного глаза, чем маргинальней проекты, тем удивительнее и радикальнее. На «Голубом огоньке» образца 84-го года по-прежнему поют Муслим Магомаев, Тамара Синявская, Людмила Зыкина, Юрий Антонов, Тынис Мяги; лишь под самое утро, в финале программы, выпустят нестандартную, но проверенную временем Пугачеву. Все идет по накатанной. А тем временем ленинградский рок-клуб набирает обороты, а на ленинградском областном ТВ обдумывают рубрику «Музыкальный ринг», из которой прорастет едва ли не главный музыкальный формат перестройки. И не важно, что цензурные барьеры необходимо брать с разбегу — и нахрапом; главное, что происходит нечто, кажущееся невозможным. И происходит в самом неочевидном, самом случайном месте.

В апреле «Музыкальный ринг» откроется эфирной встречей с «молодым, но перспективным музыкальным коллективом» по имени «Аквариум». Который знаменит, среди прочего, выступлением на музыкальном фестивале «Весенние ритмы. Тбилиси-80», когда БГ лег на сцену и (цитирую интервью, которое мне когда-то дал Гребенщиков*)

«директор тбилисской филармонии, джентльмен по имени Канделаки, написал в горком партии города Ленинграда бумагу о том, что группа «Аквариум», во главе со мной, занималась на сцене антисоветской агитацией, гомосексуальной деятельностью и разбрасыванием листовок».

Обходя тотальные запреты, создатели «ринга» супруги Максимовы придумают сценарную легенду: будто бы «Аквариум» сочиняет не оригинальную музыку, а пародии, в том числе на западный стиль как таковой. И советскому зрителю все это показано лишь для того, чтобы разоблачить «чужие веяния».

БГ сидел в центре кадра, окруженный слушателями, те задавали бессмысленные вопросы, что-то вроде: «В чем высокое предназначение пародии и в чем заключается ваша ответственность как пародиста». Он отвечал уклончиво: «Ничего утверждать не могу», — и переходил к очередному хиту.

Это не была идейная диверсия или фига в кармане; это был единственно возможный способ показать новую музыку. Приоткрыть дверь в современность. Режиссер и ведущая «Ринга» не хотели становиться политическими фигурами, не планировали расшатать систему; они всего лишь мечтали делать интересную работу и шли на всяческие ухищрения ради этого. Гребенщиков не собирался предлагать альтернативу застою, он только пробивался к зрителю. И аудитория мечтала не о «ветре перемен», не о перестройке существующей реальности; она хотела встретиться с новой музыкой и заранее была готова заплатить запрошенную цену — соучастие в маразме. Время группы «Кино» еще не пришло (летом на Николиной Горе состоится совместный концерт «Аквариума», «Звуков Му» и группы «Кино»), но запрос на перемены уже требовали «наши сердца».

Повторюсь, никто не собирался ничего расшатывать, менять устройство мира или

* Внесен Минюстом в реестр «иноагентов».

перезапустить политический процесс. Но результат превзошел ожидания; само по себе эфирное явление «Аквариума» раскалывало идеологический монолит. Да и зрители, и редакторы, и сам Гребенщиков, и телевизионное начальство прекрасно понимали, что БГ ничего и никого не пародирует, однако пародийный эффект — возникал. Во-первых, на фоне БГ обветшавшее официальное искусство само начинало казаться пародией. Во-вторых, что гораздо важнее, пародийное начало проникало и в политику. Переключая каналы (а было

мал игру «Тетрис», что вполне сопоставимо по масштабу с изобретением венгерского инженера Рубика; кубик Рубика и «Тетрис» в одном поле с Черненко, Живковым и даже Яношем Кадаром, который на фоне победившего маразма казался относительно вменяемым, — это было противоречие в определении, сочетание несочетаемого, вызов, предложение выбрать, либо-либо. Тогда казалось, что выбор очевиден, и никакого «Тетриса» не будет, а будет вечный кашель эмфиземного вождя. Но история рассудит иначе.

Пока одни отчаивались, а другие радовались неизменности миропорядка, сама собой накапливалась энергия перемен. Там, где никто их особо не ждал, за пределами мейнстрима, в боковых отсеках. Среди прочего — в кино, самом подконтрольном и финансово зависимом из всех искусств. Чтобы написать книгу, нужны были бумага, пишущая машинка и свободное время. Написать программу «Тетриса» — сверхдорогое устройство. Поставить спектакль — сцена, зарплата актеров, декорации. А съемка фильма стоила в десятки, в сотни раз выше. И вот железное правило (чем выше стоимость, тем очевидней лояльность) дало неожиданный сбой. Как дало сбой и другое правило (чем

Вилли УСОВ

Борис Гребенщиков* на «Музыкальном ринге»

их в то время четыре, с учетом областного), советский человек наткнулся то на репортаж с заседания Верховного совета, где задыхающийся Константин Устинович слушал славословия в свой адрес, то попадал на молодого и прекрасного БГ. А потом — и на «Машину времени», и на «Последний шанс», которых в «Музыкальный ринг» также пригласили. Геронтократия и молодость. Провал и прорыв. Несовместимые вселенные сходились в общем эфирном пространстве, отрицательно заряженные полюса создавали напряжение.

Если выйти за пределы музыки и заглянуть в «электронные игры», за неимением компьютерных, то советский инженер Алексей Пажитнов именно в 84-м придумал

ближе к телевидению, тем жестче идеологический контроль).

Во-первых, получило разрешение на выпуск снятое двумя годами ранее кино Алексея Германа «Мой друг Иван Лапшин». Случилось нечто невероятное: поперек политических трендов зрелый сталинизм был показан как нечто мрачное, опасное, барачное. Важно подчеркнуть: это полностью противоречило черненковым установкам; именно в 1984-м по инициативе Черненко были возвращены партбилеты 90-летним сталинистам Молотову, Кагановичу и Маленкову, причем Молотову генсек вручал партбилет лично. Более того, к юбилейному маю 1985-го всерьез планировали вернуть Волгограду имя Сталинград.

Полностью противоречило — и тем не менее случилось. Как случилось и другое событие; именно в черненковском, он же оруэлловский и амальриковский, 1984 году на киностудии «Грузия-фильм» завершился монтаж «Покаяния» Тенгиза Абуладзе. Да, «Покаяние» выйдет не скоро; в 1986-м закрытая премьера, в 1987-м — широкий экран. Но сам факт, что вопреки политике действующего генсека — на родине вождя народов — грузинский режиссер снимает антисталинскую притчу о тоталитаризме, — выламывался из любых готовых схем.

Как выламывалась из них и декабрьская поездка в Англию самого молодого члена Политбюро Михаила Горбачева. Всего-то 53 года; мальчишка по тем временам. Не ему бы ехать встречаться с Маргарет Тэтчер; были люди позаслуженнее, постарше. Но так случилось, что на похоронах Андропова в феврале 1984-го именно он беседовал с «железной леди» и заинтересовал ее, и так случилось, что в декабре никто другой не смог поехать. Не закономерность, а случайность привела к тому, что фильмы Германа и Абуладзе и Максимовы с их «Музыкальным рингом» попали в нужную редакцию. И точно так же не закономерность, а случайность позволила Тэтчер устроить смотрины и гениальным чутьем угадать — этот может стать следующим, с ним стоит иметь дело. По стране ходили слухи, что от Тэтчер Горбачев получил в подарок клетчатый шотландский шарф; почему-то зрителям программы «Время» было важно в это верить. Они не ожидали благих перемен, но если теплый шарф подарен, значит, какой-то шанс появляется.

Продолжение известно каждому. 1984 год проводят все тем же салатом, шампанским — и «Голубым огоньком». Дежурно пошутят Державин и Ширвиндт, появится в кадре Геннадий Хазанов, спляшет Валерий Леонтьев. Все будет как всегда — и даже хуже, потому что руководство знает состояние Черненко: давайте потише, поглуше. Но 9 марта умрет Черненко, 11-го будет избран Горбачев, и то, что назревало исподволь и вопреки, станет политической реальностью.

Рубрика «Рифмы» предполагает, что на всякое «а» в истории найдется «б» — и детали прошлого и настоящего сами собой выстроятся в назидательную параллель. Отчасти эти параллели и возникли, но не будем слишком четко формулировать, поостережемся. Отчасти же — в стихах не обязательно бывают рифмы. Сплошь и рядом рифменное окончание отсутствует, особенно в стихотворной трагедии. Греки вообще считали рифму стилистической ошибкой.

Александр Архангельский

ЧТО НА ГОРИЗОНТЕ

Петр САРУХАНОВ

(Окончание.)

Мы завершаем публикацию эссе-размышления о путях развития нашей страны, первая часть которого была напечатана в предыдущем, ноябрьском номере «Горби». В ней автор попытался определить, что является национальными интересами России, выяснить, каковы причины того, что случилось с российским обществом в последние годы. А также, проанализировав актуальные проблемы развития страны, обла-

дающей огромным потенциалом и ресурсами, но при этом не отличающейся высоким качеством жизни, доказывает решающую роль демократии

в достижении общего блага. По его мнению, «сила демократий — в людях, которые борются за нее своим выбором и своим действием каждый день».

Как жить дальше?

С. Монтейн

Национальный
интерес:Гештальт силы
и Новое началоОздоровление
и возрождение
нации возможно*Оздоровление нации потребует
создания новых институтов на
основе прав и свобод человека.**Конкретные предложения
по изменению политической
системы.*

Будучи реалистом, я вижу жизнеспособные пути для ментального оздоровления и регенерации нации. Это потребует коллективных усилий, коллективной сплоченности, критического мышления и рациональности, осознания ретроспективной драмы прошлого и принятия общего концепта будущего. Это потребует и углубленной интроспекции национальных фобий, ханжества, культов жертвенности и страстотерпения (оформленных в особую духовность), патернализма, крайнего конформизма и склонности к манихейским мифологемам, мистическим душевным поискам. Это потребует ежедневного выбора между победоносцевыми, катковыми, ширинскими-шихматовыми (и тысячами других реакционеров прошлых и нынешних) и сахаровыми (и тысячами других гуманистов и прогрессистов).

Это потребует радикального очищения наших политических, социальных и культурных тканей общества, создания новых институтов на основе прав и свобод человека, десакрализации государства (государство — это созданный нами социальный артефакт и служащие, временно нами нанятые для достижения целей общего блага). Настоящее и будущее за ценностями, а не только за границами; за кинезисом, не стазисом; за прогрессом, не регрессом; плюрализмом, не политическим монизмом; гетерогенностью,

не гомогенностью; рационализмом, не мистицизмом; разнообразием, не монокультурой; динамическим дискордом (как поиском равновесия), а не эхокамерой; критическим мышлением, а не мифотворчеством и конспирологией; эгалитарностью, а не иерархией; толерантностью, не трайбализмом; культурой истины, не оккультной ложью и DARVO-культурой.

Главное для нации (в том числе и российской) — когерентная и разделяемая всеми гражданами идентичность, гармония разнообразия (этнического, конфессионального, языкового, культурного, гендерного, расового), ценности и идеалы (принимаемые и разделяемые всеми), осознание общей истории (как коллективной памяти); политический и исторический выбор, который мы делаем; возможности, которые мы реализуем; рефлексии, которые определяют наши реакции на вызовы. Все российские народы — государствообразующие; неприятие политики исключения — тотемический канон. Колониальные доктрины нежизнеспособны в постколониальном мире, как и превентивные антидемократические репрессии и этническое/конфессиональное полицейское профилирование. Только на универсальной и когерентной платформе идентичности можно конструировать Новое начало, регенерируя нацию и реализуя национальные интересы.

Новая конституция/Lex Ferenda¹, как и закон высшего порядка с акцентом на гуманности, требует, чтобы в процессе его формирования соблюдалось инклюзивное вовлечение, чтобы процедура была справедливой и прозрачной, требует надлежащего и разнообразного представительства и мнений как способа достижения консенсуса. Целевая концепция конституции Нового начала — канон справедливости, честности и эффективности, система сдержек и противовесов ветвей власти, высшая ценность — права и свободы гражданина

и подчиненность ветвей власти достижению высшего блага.

Двухпалатная парламентская модель себя не оправдала; Совет Федерации/Сенат помимо функциональной пустоты, отсутствия реальной репрезентативности регионов и флера палеоэлитизма превратился в Храм интеллектуальной тоски и риторического перформанса. Предлагается эгалитарный однопалатный парламент; открытые партийные праймериз с конкуренцией программ, апеллирующих к общественному благу, и рейтинговое голосование; модель DEV (демократические ваучеры равенства) как альтернатива федеральному финансированию, коррупции политического выбора граждан исполнительной властью — анимация электорального выбора на ежегодной основе (а не в рамках ограниченного выбора «системных партий» в ритуале электорального пятилетнего цикла) — важная новация перманентной демократии (Лоуренс Лессиг и Джулия Кейдж), разрывающая порочный континуум оксюморона «системных партий». Важными лимитами представляются кэпы/или запреты на корпоративные донаты и ограничения на донаты физических лиц, например, приблизительно в 200 долларов и 15 000 рублей. Вес ежегодного ваучера/DEV примерно 7 долларов, один ваучер равен одному голосу, его получают на электронный адрес и отдают за ту или иную партию (от года к году выбор может меняться); если выбор не сделан, ваучер распределяется пропорционально между партиями. Эти новации подстегнут социальную динамику и мобильность, ежегодная верификация выбора граждан усилит ответственность (и, как следствие, репрезентативность партиями электоральных предпочтений) партий и их лидеров.

Гештальт силы и Новое начало

Цели федерализации и большей устойчивости механизмов сдержек и противовесов могут быть продвинуты созданием Генеральной ассамблеи народов России на федеральном уровне (один из вариантов — по одному представителю от каждого региона), формируемой на рандомизированной/исключительной основе (такой же принцип формирования, как и в квалификационную комиссию отбора судей: не чиновники, не законодатели, не их родственники) с ежегодной ротацией (включение хронически не представленных граждан). Генеральная ассамблея полномочна:

- верифицировать решения Квалификационной комиссии по судьям;
- реализовать позитивную повестку: один раз в год начинать референдум по новому закону большинством голосов;
- реализовать негативную повестку: один раз в год (большинством голосов) отменять один федеральный закон, одно решение президента/председателя правительства, одно решение Верховного суда;

- преследовать политических деятелей, законодателей, судей за проступки: импичменты принимаются Генеральной ассамблеей при условии голосования ее 3/4; само «судебное заседание/расследование» проводится парламентом; функция Генеральной ассамблеи — инициация, по аналогии с палатой представителей в США. Возможно, эти идеи Джона Маккормика (несколько измененные) и представляются революционными, но они явно превентивны по отношению к перверсивным традициям узурпации политической власти или ее латентной олигархизации. Эти новации в структуре законодательной власти могут стать подлинными необходимыми условиями (*sine qua non*) федерализма и политического эквилибриума.

Не оправдало себя и разделение Конституционного и Верховного судов. Единый Верховный суд — универсальный уравниватель и медиум между различиями и дискордами, провайдер правового гомеостата как стремления к равновесию. Именно Верховный суд и суды в целом, независимые от законодательной и испол-

нительной властей, имеют право и обязанность постулировать, что есть Закон; имеют последнее слово в диспутах между ветвями власти, между федеральными, региональными и местными властями, право осуществлять конституционный надзор. Порядок формирования и функционирования судов, ротации судей — это краеугольный камень институциональной экологичности любого общества, базирующейся на столпах справедливости и правды. Ни один институт (ни Верховный суд, ни суды в целом) не может быть пожизненной неконкурентной синекурой; максимальный срок пребывания — 18 лет, ротация девяти судей — раз в два года. Комиссия квалификации и отбора должна формироваться на рандомизированной, ротационной, исключительной основе (исключая следователей, прокуроров, партисипантов исполнительной и законодательной властей и членов их семей; должна включать — адвокатов, академические круги, голоса совести нации и т.д.). Сегодняшняя судебная система и экосистема правозаконности в целом — запатентованная машина правовой инверсии и пролонгированной некомпетентности, требующая радикальной пересборки и трансформации.

Перед исполнительной властью встают фундаментальные вызовы: поляризация неравенства, климатические и экологические угрозы, высокая монополизация, критическая доля государственного присутствия в экономике, стагнирующая общая факторная производительность (ОФП), драматический отток интеллектуальной элиты. Рефлексия на эти вызовы требует нового понимания роли и места исполнительной власти в экономике; упора на политике продуктивизма с акцентом на стимулах, дерегулировании;

устойчивом росте и ОФП; запуске рынка торговли эмиссионными квотами (*cap and trade*, «ограничить и торговать»), принятия и последовательного увеличения углеродного налога; развития институтов социального страхования (целевой, не универсальный характер), усиления роли профсоюзов, доступа к переобучению и повышению квалификации, повышения минимальной зарплаты, возможного внедрения механизмов (имплементированных в Германии и нордических странах) участия рабочих в управлении предприятием и совместном руководстве (представительство сотрудников корпораций, рабочих в советах директоров компаний). Современное правительство — кредиталистское/меритократическое, адаптивное, ответственное, динамичное и чуткое не только к вызовам, но и к гражданским потребностям. При всей комплиментарности цифровизации для достижения гуманитарных целей ее развитие требует сглаживания дихотомии удобство/утилитарность vs. безопасность (государство — контроль при помощи видеонаблюдения; крупнейшие IT-компании, Big tech — контроль при помощи сбора данных). Заслуживают внимания принятые в Европейском союзе Общий регламент по защите данных (GDPR), Закон о цифровых рынках (DMA), Закон о цифровых услугах (DSA) и проект Закона об искусственном интеллекте (AI Act) в проекции на российское законодательное поле. Цифровизация может создать равные условия для финансиализации, образования, здравоохранения, профессионального ретренинга, социального и политического вовлечения в демократические процессы (DEV'ы — ваучеры демократического равенства).

Экономическая политика, нацеленная на общее благо

Мы подходим к переломному моменту, за которым невозможно будет не учитывать экологическую составляющую производства. Конкретные предложения в области экономики.

Критериями компетентности и эффективности деятельности исполнительной власти является не только способность создания и аккумуляции богатства, но и способа экологичной конверсии энергии. Любая деятельность, меняющая состояние экосистем, по сути, является экоцидом и паразитической моделью хозяйствования (М. Serrus и Уильям Харди Макнилл, сопоставляя макропаразитизм элит с микропаразитизмом бактерий и микробов, метафорически описали эти две скверны как жернова мельницы). Наш суверенитет — не только привилегия в отведенных фронтах, но и суверенные обязательства, включая ответственность за защиту общего достоинства — общего блага; права и свободы порождают гражданские обязательства и долг. Немного статистики: глобальная годовая стоимость услуг экосистем природы (фильтрация воды, круговорот питательных веществ, опыление, улавливание углерода) — \$120–145 трлн; при-

родный капитал Земли сократился на 40% на душу населения с 1992 году. Мы подходим к точке фазовой перколяции²/переломному моменту (когда больше — значит, иначе). Чем быстрее экономика конвергируется с экологией, тем конкурентоспособнее мы будем; паразитизм и меркантилизм должны быть заменены на коэволюционный комменсализм и устойчивый продуктивизм. Экономическая доктрина Нового начала выглядит укрупненно следующим образом:

— радикальное снижение доли государства с 70–75% в экономике до 25% в течение поколения (25 лет); приватизация начиная с 2025 до 2035 г.;

— упор на индустриальную модернизацию, продуктивизм с целью создания развитой и устойчивой экосистемы производства (акцент на регионы); расщитие узких мест в инфраструктуре/hardware и оптимизация software (таможенное законодательство — коррекция — радиочастотная идентификация (RFID) — дигитализация);

— принятие аналогов Закона о снижении инфляции (IRA), Закона о чипах и науке (Chips and science), Закона об инфраструктуре (Infrastructure Act) с целью эскалации «зеленого перехода» (green transition); принятие аналогов GDPR, DMA, DSA, AI Act с целью защиты персональных данных, борьбы с доксингом и т.д.;

— фокус на производительности/общей факторной производительности (ОФП/TFP), создании производствен-

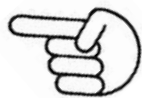
ной экосистемы, инженерного сообщества, новых технологических цепочках, эфемеризации/дематериализации производства;

— налоги/фискальная политика: прогрессивные налоги на доход и/или богатство; торговля эмиссионными квотами (cap and trade), введение углеродного налога с постепенным увеличением (например, с \$25/1 т в 2025 г. до \$80/1 т CO₂ в 2027 г. (в ЕС с 2026 г. — 75 на грязные товары));

— перманентные дивиденды с ФНБ ежегодные — как венчурная субсидия для миллениалов и Z-поколения (или для детей, достигших 18 лет, или для всех граждан);

— курсы переобучения; сильный акцент на STEM-образование (наука, технология, инженерия и математика) и на здравоохранение; социальное страхование, институты труда. Я обнаружил корреляции между неравенством и политической поляризацией; между высоким уровнем STEM и широким доступом к переобучению/повышению квалификации, с одной стороны, и положительным счетом текущих операций — с другой; между сильными публичными школами (индекс PISA) и уровнем образования в целом.

Гештальт силы и Новое начало

Региональное развитие, всеобъемлющая модернизация с устойчивым продуктивизмом (с инвестициями/стимулами в цели зеленого перехода), создание новых рабочих мест, секторов услуг — шаги на пути к подлинному и устойчивому федерализму; партисипаторное региональное и местное бюджетирование, вовлечение граждан в общественно значимые дискурсы и проекты — несомненные бустеры и социальной мобильности, и устойчивого роста.

В России очевидный отрыв экономических систем от социальных и экологических. Экономические успехи вряд ли заключаются в констелляции сырьевых монополий или цифровых монополиях³ — джаггернаутах; устойчивый рост экономики неразрывен с экологией, гармонией с Гайей, снижением неравенства, преодолением корпоративной жадности и экспоненциального консьюмеризма, большей умеренности — и с появлением новых нарративов как мощных стимулов социальных изменений и отказа от демонстративного потребления и показа собственного превосходства; их сила — в переосмыслении мира — в его преобразовании.

Россия в цифровом мире

Необходима санация медийного пространства

Новые цифровые медиа, пример беспрецедентного экспансионизма Homo dictyous (человека сетевого, network man): это метафорическая тривиальность «Вавилонской библиотеки» Хорхе Луиса Борхеса или это шаги на пути к ноосфере Тейяра де Шардена и холосу Кевина Келли?!

Мир Web 2.0 — это мир Закона о устойчивости в СМИ (Communication Decency Act), с его разделом 230⁴, но без Доктрины справедливости (Fairness Doctrine⁵), со стиранием границы между информацией и индоктринацией, с безграничным распространением дезинформации и ограниченностью ее юрисдикции, с предвзятостью подтвер-

ждения и кластеризованными мини-пабliками, с обилием обценного вокабуляра и активирующих эмоций (ненависть, гнев, страх, зависть), с порочной рекламной моделью и отсутствием релевантной модели безопасности персональных данных; но Web 2.0 — это и безграничный доступ к информации, общедоступным сведениям (common knowledge), инфраструктуре общественных благ (образованию/массовым открытым онлайн-курсам (МООС), здравоохранению, финансированию и т.д.).

Цифровые платформы обратной связи («огороженные сады»⁶, Walled Gardens, или «сирены»⁷ Джарона Ланье), являясь, по сути, базовыми элементами общественной инфраструктуры, представляют собой высокотехнологические, модернистские иерархии и искажающие зеркала по распространению знаний. Являясь по форме общественно-информационными форумами и обладая силой монополией, сирены управляются частными интересами. К сожалению, рекламная модель, которая лежит в основе экономики внимания и подпитывает целый сонм дефактологизаций, диффамаций, вмешательства в частную жизнь, кластеризации трайбалистских сообществ, — эта модель ведет к дальнейшей поляризации и декомпозиции социальной ткани общества, интенсифицируя пузыри коллективной посредственности с их нарративами постправды, апокрифическими теориями заговора и т.д. Монокультура ненависти проникла с российских телеканалов (этой политически армированной «власти номинации») в мини-пабliки агрессивного самозваного блюстителства, сливаясь с единым потоком оккультной лжи и седативных бромидов в cloaca maxima с токсич-

ным компостом на выходе (от suppressivo veridi suggestivo falsi, от умалчивания правды до высказывания лжи). Трайбалистская гомофилия и ксенофобия не являются модернистским и постмодернистским феноменами: технологические сдвиги (изобретение печатного станка, радио) всегда усугубляли пропаганду, образовывая целые социальные касты пропагандистов, без социальной функции. При этом в России возникли и оазисы правды — социальные парресанты⁸ (говорящие правду даже под угрозами) — блестящие интеллектуальные коллективы, нонконформисты, токены национальной элитности.

Четвертое сословие функционально и фундаментально — это медиумы объективной и универсальной правды, их миссия — внедрить в практику нормативность, фактчекинг и редактирование. Их размежевание с вышеупомянутыми пропагандистами проходит по той же демаркационной линии, что разделяет глубокой пропастью Лигу реставрации и Лигу трансформации, Партию реакции и консервации пустоты с Партией прогресса.

Перераспределение рекламных доходов с цифровых платформ и федеральных телеканалов в пользу региональной и местной журналистики, создание общественных, социальных платформ обратной связи, общественного регулирования «сирен» с похожим на Доктрину справедливости законом и ответственностью «сирен», промоутирование НМО (некоммерческих медиаорганизаций, Джулия Кейдж) — лишь немногие меры, предваряющие масштабные усилия общества по дезинфекции медийного пространства; «солнечный свет и прозрачность» — метафорически лучший очиститель

тель социальных и инфострат, равно как и перерождение гражданина — стороннего наблюдателя в гражданина с социальными навыками достоинства и бдительности.

Национальный интерес России — в агрегации кумулятивной силы, ее моральном этосе и приверженности закону. Это предполагает экзистенциальное расхождение с неомедиевистской исключительностью (в любых ее форматах — от религиозно-этнической исключительности до секулярного провиденциализма), с милитаризмом, экспансионизмом (ценности, не только границы; лучшая «экспансия» — в конверсию достижений в науке, культуре, спорте и в освоение космоса), с прославлением культуры страданий, стратотерпения и особого мессианизма.

В чем наша сила

Новое начало: быть, а не казаться. От культа смерти — к жизни, от централизации — к федерализации, от автократии — к свободе.

Путь к Новому началу требует не просто радикального декаплинга⁹ с перманентной идолизацией мумифицированных апокрифов прошлого (прошлое — живой источник нашей национальной памяти, а не бесформенная сдоба в токсичных руках необразованной и избирательной инженерии), а скорее мобилизации гражданского активизма, ежедневной готовности отстаивать демократию и обуздывать девиации лю-

бого антрепренера «хаоса и беспорядка», ослепленного реставрирующей ностальгией и смертельно опасной иррациональной слепотой и тщеславием. Новое начало — это отказ от кулуарного, кумовского капитализма, зашкаливающей бедности российских городов и деревень (великий народ не может влачить такое существование на фоне блестящих витрин Москвы, Санкт-Петербурга), демографического коллапса, бегства интеллектуальной элиты, стигматизации российской культуры и спорта, загрязнения среды обитания.

Новое начало — это кристаллизация идентичности с

возрождением национального духа и чувства, морали и ценностей, социальных институтов. В их основе — высшая ценность — россиянин с фундаментальными правами и свободами. Мораль, ценности и национальный дух создают силу, силу примера и привлекательности, наряду с экономической и военной мощью, системой альянсов, союзов с единомышленниками — демократиями.

В основе экономической и военной мощи — восходящий ОФП, конвергенция технологий с экономической динамикой, бизнес-активизмом, мощью университетских лабораторий и академическими

исследованиями/фундаментальной наукой, культурой инноваций и апробирования/внедрения, развитием венчурной экосистемы; интенсификация производственной экосистемы (с инженерами, институтами проектирования и оптимизации производственных цепочек). Решающими, формирующими элементами трансформации являются демонополизация, конкуренция, технологический прорыв, дерегулирование и уменьшение веса государства наряду с мощными нишевыми вложениями в продуктивизм, инфраструктуру и человеческий капитал.

Модернизация, технологический прорыв и трансформационные сдвиги невозможны без верховенства закона и примата безопасности гражданина и его собственности, без социальной мобильности (движение, kinesis, а не статичность, stasis), без приоритета прав и свобод гражданина, без зрелых систем сдержек и противовесов ветвей власти, без сбалансированного развития регионов и подлинной федерализации. Балансы ветвей власти традиционно основываются на горизонтальной подотчетности (институциональная состязательность, сдержки и противовесы, механизмы привлечения к ответственности) и вертикальной подотчетности с прозрачными выборами и эффективными способами привлечения гражданами к ответственности представителей ветвей власти (механизмы перманентной демократии, DEV¹⁰ способствуют этому).

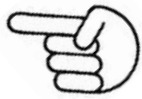
Сила не в «культуре декораций» (с фейерверками, парадами, блестящими стендами и форумами), драпирующей синдром ржавчины увядающей державы, и не в риторической и инфантильной эскалации, насыщенной манихейско-эсхатологическими экстерналиями. Сила — в ментальной экологии, умеренности и здоровом чувстве самоиронии (наша неспособность/неготовность к ней оборачивается обилием иронии со стороны наблюдающих, посторонних), умении отчетливо видеть себя, видеть конкурентов и видеть то, как тебя видят конкуренты. Сила и в наших деяниях, артефактах, нобелевских премиях, культурных достижениях, рейтингах WUR (мировой рейтинг университетов) и THE (рейтинг журнала Times — Times Higher Education), индексах HDI (индекс человеческого развития), IDI (индекс развития информационно-коммуникационных технологий), GNP (валовой национальный доход) и ERI (индекс электронной готовности), в индексе счастья и в гуманитарных/журналистских премиях, в олимпийских наградах и медалях чемпионатов.

Петр САРУХАНОВ

Сила привлекательности и примера — сила гравитации; умеренность, сдержанность и скромность — пример зрелости и ответственности великой нации, отказа от инфантильности и экстернальной культуры «показухи», а также бесконечно риторической культуры слов, а не дела. Форма коммуникации внутри страны и вовне во многом формирует и определяет наше общество, наши идеалы, ценности, культуру и политику (через школы, интернет, телевидение, книги, универы, массмедиа и т.д.), вокабуляр/лексикон — имеет значение.

Гештальт силы и Новое начало

Наша способность к трансформации зависит от фундаментального отхода от культов прославления смерти и рутинизации насилия (этих ступеней к некрополю Тартара), с безразличием и высокой толерантностью ко лжи, с ресентиментами 90-х и с потребительской мечтательностью и монотонным превращением в товар всей социальной ткани общества нулевых.

<...> Сегодняшние военные действия), сопровождаемые гротескной риторикой манихейского противостояния с коллективным Западом, стигматизацией и изоляцией страны, техническим и экономическим декадансом, массовым эскапизмом интеллектуального капитала, — радикально расходятся с национальным интересом России, ее ценностями, чувствами и духом.

Пульсирующая политическая мысль последних лет живописует блеклую и мрачную проекцию *post hoc bellum* («дня после войны»). Способность нации трансформировать и фундаментально омолодить демократическую Россию на основе подлинного федерализма (где регионы — «лаборатории демократии», по крылатому выражению Луиса Брандиса) и высшего блага свободного гражданина — зависит от каждого из нас как автономных, суверенных граждан (думающих, выбирающих, стремящихся, действующих суверенно), от нашей готовности бороться за все эти ценности и отстаивать правду, от социальной взаимосвязи всех нас, от движения «снизу вверх»/*vox populi*, от непримиримости к институционализированной лжи, нетерпимости к насилию, несправедливости, клептократизации ветвей власти.

Экзистенциальный выбор между свободой и автократией, автономией и гетерономией, гражданским активизмом и патерналистским конформизмом, между расчетом на длинную или на короткую дистанцию всегда составлял квинтэссенцию столкновения Лиги трансформации и прогресса с Лигой реставрации и консервации — и определялся в конечном счете социальным динамизмом и выбором гражданского общества, — равно как и трансформационным потенциалом

элиты. На протяжении всей дуги человеческой истории качество элиты и ее лидеров играло фундаментальную роль в направлении исторической бифуркации: одни позиционировали себя как катализаторов прогресса, другие как агентов декаданса и национального регресса. Любые формы плутократии, институционализированной системной лжи и насилия деформируют элиты в клептократию, какократию и тиранию соответственно. Элиты и лидеры нации — это прогрессивные индивидуумы, не отождествляющие частные интересы со своими политическими функциями, мыслящие и действующие не в горизонте ежеквартальных отчетов и электоральных циклов, а в проекции на столетия. Достоинства лидеров определяются политическими последствиями предпринятых действий и кумулятивной силой страны — как сигнатурой политического наследия, переданного в руки последующих поколений. Образование, социальная среда, нравственная сила, политическое благоразумие, интегральный интеллект и контекстуальная эффективность — составляющие политической и ментальной матрицы лидеров. Гражданский патриотизм определяется социальной ответственностью и динамизмом каждого из нас, как и этической компетенцией, способностью отличать хорошее от плохого (фронеизмом Аристотеля, то есть практической мудростью и гражданской добродетелью) выдающихся женщин и мужчин, создающих общее благо и направляющих стрелу прогресса на процветание нации. Долгосрочную траекторию этого полета великолепно сформулировал незабвен-

ный Мартин Лютер Кинг: «Дуга моральной вселенной длинна, но склоняется она к справедливости».

Россия потеряла империю, но может найти роль в этом мире на пути паломничества к сияющей вершине горы — Большому плато — роль примера привлекательности и справедливости, силы и чистоты.

P.S. Миф о Нессе и порочная петля регрессии

Мифология Древней Греции (равно как и блестящие трагедии Эсхила, Софокла и Еврипида) в определенной степени поучительна. В одном из мифов кентавр Несс пытался соблазнить жену Геракла Деяниру, и Геракл сразил кентавра стрелой, пропитанной ядом Лернейской гидры. Уже умирая, Несс убедил Деяниру пропитать его кровью одежду Геракла, чтобы эта туника стала приворотным зельем и помогла укрепить супружескую верность Геракла и отвратить его от Иолы. Пропитанная ядом туника доставила Гераклу страшные мучения и привела к его смерти; Деянира, осознав содеянное, покончила с собой. А умирающий Несс был преисполнен сатисфакции... Его останки еще долго испускали осмэ (в переводе с греческого — токсичную вонь), отравляя пасторальные красоты Греции.

Петр САРУХАНОВ

Последние два с половиной десятилетия были временем беспрецедентных возможностей для построения Нового начала: они характеризовались исторически пролонгированным мирным периодом и благожелательными отношениями по всему фронтиру, равно как и высокими ценами на все традиционные виды стратегического сырья и неограниченным доступом к рынкам технологий. Ретроспективно серфя по этим годам больших возможностей, я отметил последовательность факт-паттернов:

— Россия стала малочисленнее, беднее, хуже образованной, страной с запретельным неравенством, с самыми высокими выбросами на душу населения, с самым высоким домашним насилием и т.д.

— Россия, инвестируя десятки миллиардов долларов в сочинскую Олимпиаду 2014 года и чемпионат мира по футболу в 2018 году и с помпой их проведя, осталась со стигматизированным спортом, с невозможностью для великой нации испытывать приливы подъема, гордости, единения и сплоченности в моменты побед, поднятия флага и исполнения гимна.

— Имея все опции доминировать в среднесрочной перспективе (2023–2050 и даже до 2070-го) как энергетический мейджор (искусно используя циклические дефициты) и конвертируя свою мощь в «зеленый переход» (от зеленого водорода до энергии солнца, ветра, воды и т.д.) с долгосрочной проекцией на столетия, Россия осталась без европейского премиального рынка, скомпрометировав репутацию надежного игрока на рынке; «Северные потоки» обнулены, ежедневно газ сжига-

ется на десятки миллионов долларов на территории России.

— Россию исключили из G8, страна приобрела уже в последние годы образ глобального парии, нерукопожатного и одичавшего, наедине с риторической ядерной саблей.

— За 16 месяцев (военных действий) страна потеряла флагман Черноморского флота «Москва», ежедневно подвергается на приграничных с Украиной территориях многочисленным атакам, атакованы Крымский мост и (строения) Кремля, <...>; «Марш справедливости» 24 июня

с захватом города Ростова и танковым пробегом к Москве стал квинтэссенцией деградации и некомпетентности исполнительной власти. Обширная и доступная статистика позволила бы добавить сотни подобных эмблематических «достижений» в петлю пролонгированной деформации и девальвации национального позиционирования и самоуважения.

Отождествление нации с ее лидерами (и наоборот) возникло значительно ранее 1970 года, когда председатель партии Индиры Ганди в Конгрессе патетично постулировал «India is Indira, and Indira is India». <...> Без трезвой и исчерпывающей самореференции и интроспекции в себя, без оценки калейдоскопа неудач, стигматизации и высокой толерантности к самоповреждению великая страна (используя аллегорию греческого мифа) норовит повторить горькую судьбу великого Геракла — героя Древней Греции.

Пора сбросить с инфицированного и хворающего, но все еще сильного тела нации токсичную, ядовитую тунику и запустить процесс оздоровления и омоложения нации с фундаментально иным информационным обеспечением и человеческим фактором (soft-ware/wet-ware) — ментально здоровой идеологической и ценностной эпистемией.

С. Монтейн

Пояснения

¹ *Lex Ferenda* — «будущий Закон», «каким закон должен быть».

² *Перколяция* — протекание; в более широком понимании — ситуация, когда постепенные изменения приводят к критическому переходу (например, в какой момент протекающая через ящик с песком вода приведет к появлению электропроводности или сколько процентов населения должно заболеть новым вирусом, чтобы началась эпидемия).

³ *Моносония* — модель рынка, где при множестве продавцов есть только один покупатель.

⁴ Раздел 230 Закона о пристойности в СМИ защищает провайдера от обвинений в распространении информации, размещенной другим пользователем Сети.

⁵ Доктрина справедливости обязывает СМИ при обсуждении спорных вопросов предоставлять обе точки зрения.

⁶ «Огороженные сады» — сети, ограничивающие доступ пользователей к определенной информации.

⁷ «Серверы-сирены» — огромные облачные сервисы, которые накапливают богатство и влияние через сбор и использование персональных данных.

⁸ Слово «паррессант» происходит от греческого «паррессия» — правда под страхом смерти.

⁹ *Декаплинг* (от англ. *decoupling*) — явление в экономике, характеризующее тем, что в развиваемых странах (Россия, Китай, Бразилия) экономический рост превышает рост в развитых экономиках (США, Европа).

Новый мировой беспорядок

ВИДНА ЛИ
«РУКА МОСКВЫ»
ЗА РОСТОМ
ПОПУЛЯРНОСТИ
НА ЗАПАДЕ
НЕЛИБЕРАЛЬНЫХ
ИДЕОЛОГИЙ
И ДВИЖЕНИЙ

Три мировых кризиса

Сегодня мир столкнулся, как определяют это состояние некоторые эксперты, с мультикризисной ситуацией, содержащей в себе не менее трех планов.

На фоновом, заднем плане — чрезвычайная экологическая ситуация, исправлением которой ни одно правительство не готово заниматься в адекватных масштабах, продолжая работать по старым моделям экономического развития, нацеленным на рост производства и потребления.

Более видное место в информационной повестке занимает геополитический кризис, в ходе которого во многих

регионах мира вновь активизируются неурегулированные конфликты: Россия—Украина, Армения—Азербайджан, Израиль—Палестина, Китай—Тайвань, и это только самые заметные из них. Можно дискутировать о том, разрушило ли решение Москвы начать военные действия против Украины негласное табу на ведение войн по канонам прошлого, — однако для Запада, утратившего привычку не только готовиться к войне, но и просто допускать ее возможность, дело обстоит именно так. При этом на так называемом Глобальном Юге про войну никогда не

Анаис

Клементе,
независимый исследователь,
Прага

забывали. Можно также вести дискуссии о том, насколько способность российского режима противостоять санкциям и изоляции от Запада подтолкнула к рискованным шагам и другим международным акторам, которые сочли, что снижение западного влияния на международной арене даст им больше пространства для маневра. И даже, если российско-украинское противостояние продемонстрировало, по крайней мере на начальном этапе, единство Запада (в настоящее время подвергаемое испытанию на прочность), оно подтвердило и то, что у США все меньше возможностей диктовать правила международного поведения многим странам мира, которые отказались разорвать связи с Москвой и для которых поражение России неприемлемо, поскольку будет слишком явно воспринято как победа США.

И здесь возникает третий план кризиса — внутривластный. Сложившаяся на Западе либерально-демократическая система — многозначный термин, применимый не только к США и Европе, но и к миру Глобального Севера в целом, включая Японию и Южную Корею, а также к трансатлантическим институтам, таким как НАТО, и подразумевающий некий набор политических и философских ценностей, — переживает кризис беспрецедентного масштаба. Иногда его сравнивают с предшествующим большим кризисом, поразившим либеральные общества в тридцатые годы XX века, когда и политический кризис, особенно в Веймарской республике, и мировой экономический коллапс открыли путь нацизму и Второй мировой войне. На этот раз сюда следует добавить экологический кризис, а также то, что мы живем в глобализованном мире, где многие страны так называемого Глобального Юга тоже бросают вызов либеральной модели из-за ее провалов (реальных или мнимых), в том числе из-за того, что она была основным вектором колониализма.

Вызовы либерализму

Если сосредоточить внимание на Европе и США, то можно заметить конвергенцию разнообразных системных трансформаций, бросающих сегодня вызовы либерализму и часто обозначаемых такими понятиями, как «автократизация», «деградация демократии» и «нелиберальность» (illiberalism). Тот многоплановый кризис, который переживает либерально-демократическая система в Европе и США, сводится к следующим основным четырем процессам:

1 Начиная с восьмидесятых годов XX века неолиберальные экономические меры разорвали взаимосвязь между ростом экономики и благосостоянием средних классов, внося свой вклад в пауперизацию широких слоев населения — как в материальном, так и символическом смысле. Этот разрыв обострили процессы глобализации, в результате которых средние классы оказались зажаты между космополитическими глобализованными элитами, способными использовать преимущества «мира без границ» (но только для себя), и растущим развивающимся миром во главе с Китаем и другими странами, предлагающими более дешевую рабочую силу и конкурентные преимущества в производительности.

2 Начиная с 2000-х годов резко ускорившиеся технологические и медийные трансформации сформировали среду, в которой у граждан возник запрос на быстрые реакции, тогда как демократические механизмы по определению работают медленно, ибо нуждаются в достижении консенсуса и баланса интересов. Эта среда к тому же разрушает иерархию знаний и доверия, открывая широчайший рынок индивидуальных мнений, которые в социальных сетях представляются как равноценные друг другу. Это, в свою очередь, усугубляет недоверие к формальным институтам представительства, в том числе к науке, и создает контекст «постистины» — подчас в его худшем варианте, а именно в контексте конспирологических теорий. Коммерчески ориентированные алгоритмы больших технологических систем подчеркивают поляризацию и радикализм в высказываниях, способствуя тем

самым разрушению гражданского консенсуса и единства, на которых зиждется гражданское общество.

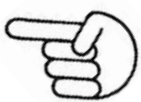
3 На собственно политическом уровне структуры представительной демократии, судя по всему, частично утратили привлекательность, а их самообновление затруднено: в большинстве западных демократий члены парламента избираются из верхних эшелонов общества, часто из семей с заведомо привилегированной траекторией жизни с точки зрения социального, а иногда и финансового капитала, в то время как нижние слои среднего класса, особенно рабочие — «синие воротнички» — и крестьяне почти полностью лишены политического представительства. Прежняя меритократическая система продвижения по социальной лестнице, существовавшая в течение трех десятилетий после Второй мировой войны, судя по всему, парализована. Отсутствие политических альтернатив и ощущение того, что социал-демократия не смогла бросить вызов неолиберализму, а лишь приспособилась к нему, породили политическую апатию и высокий уровень электоральной пассивности, особенно среди молодежи.

4 Наконец, феномен «культурных войн», возникший в политическом ландшафте США с 1970-х годов, был экспортирован в другие страны мира и особенно Европы. С одной стороны, левые движения призывают к созданию более инклюзивного общества в плане гендерного равенства, прав ЛГБТ+, интеграции мигрантов и предлагают глобальную критическую переоценку колониального прошлого Европы и иерархий неокониальных символов. С другой стороны, активизировались ультраправые и национал-популистские нелиберальные движения, призывающие затормозить изменения или даже обратить их вспять. Они отстаивают белую христианскую идентичность (пусть даже в виде светской христианско-культурной идентичности) и классическую иерархию ценностей в отношении гендерного баланса, гетеросексуального брака и семьи, а также существование ядерного государствообразующего этноса, с которым мигранты могут ассимилироваться, но не могут конкурировать.

Новый мировой беспорядок

Нелиберальная волна

Как видно из этого краткого обзора, существуют структурные причины, приводящие к серьезным проблемам западной либерально-демократической системы. Электоральный успех нелиберальных лидеров во многих ключевых странах Западной Европы и США — это лишь вершина айс-

берга, результат описанных трансформаций, но он в то же время ускоряет кризис, усугубляя поляризацию и нестабильность. Эта нелиберальная волна имеет свои контекстуальные особенности, связанные с политической культурой каждой страны.

В Западной Европе ультраправые лучше адаптируются к демократическому и либеральному контексту: они могут поддерживать гендерное равенство и даже порой права ЛГБТ+, выступая против мигрантов-мусульман, как, например, в Нидерландах; играть по правилам представительной демократии, как действует, например, «Национальное объединение» Марин Ле Пен в Национальном собрании Франции; следовать экономическим правилам ЕС, как правительство Джорджи Мелони в Италии.

После неудачного опыта «Брекзита» целью нелиберальных движений становится уже не выход из ЕС, а трансформация его изнутри при поддержке польского (*во всяком случае, до последних парламентских выборов. — Ред.*) и венгерского режимов, у которых для такой трансформации свои ресурсы. В более широком смысле во Франции, Италии, Испании, Германии, Швеции и некоторых других странах национал-популистские, нелиберальные или ультраправые партии в последние годы стали настолько сильны, что изменили преобладающий политический дискурс, вошли в правительственные коалиции, контролируют крупные министерства, влияют на политику своих стран, а где-то уже просто правят. Их воздействие на политическую культуру неоспоримо: западноевропейское общественное

мнение стало менее благосклонно к притоку мигрантов, активнее поддерживает ограничения на въезд и постоянное жительство, разделяет ощущение того, что оно больше не «контролирует» принятие политических решений как на национальном уровне, так и на уровне ЕС.

В США президентство Дональда Трампа подтвердило высокую степень сопротивляемости федеральных институтов нелиберальным преобразованиям (за вычетом судебной системы и в наибольшей степени затронутого ими института — Верховного суда). Однако на уровне штатов, а также на муниципальном и низовом уровнях осуществляются массовые попытки подрыва либерально-демократических устоев — их называют стратегией «медленной революции». Усугубилась застарелая поляризация американского общества и его традиция культурных войн, в том числе вокруг таких привычных тем, как контроль за оружием и аборт, к которым добавились

которых лидируют Россия, Польша (*опять же, по крайней мере, до последних парламентских выборов.* — Ред.) и Венгрия, свидетельствует о том, что политический проект установления европейского порядка после 1989 года, заключавшийся в быстром внедрении нелиберальных норм с перспективой реинтеграции Европы, провалился — по крайней мере, частично.

Конечно, нельзя сказать, что посткоммунистические общества не жаждали перемен. Они, безусловно, стремились к ним, но масштабы этой попытки перехода и ее социально-экономические и культурные последствия оказались куда серьезнее, чем предполагалось. Неоднозначность присоединения к «Западу» в институциональном, политическом, экономическом, стратегическом и философском плане, предполагающая интеграцию в постмодернистское либеральное общество, сделала его опасным идеологизированным предприятием с неопределенными результатами, сопряженным с противоречиями, разочарованиями и обидами.

Такой переход породил обратную реакцию — взгляд сквозь постколониальную призму: постмодернистские либеральные мировоззрение и ценности интерпретируются как навязанные из-за рубежа без учета символических и сущностных аспектов имеющихся в этих странах фундаментальных властных иерархий. В такой модели посткоммунистические общества рассматриваются в качестве учеников «Запада», а не сотворцов новой Европы. Для российской и центрально-европейской элиты это неприемлемо, поскольку они считают себя архитекторами порядка, сложившегося после окончания холодной войны, и хотят, чтобы их голос был услышан. Поэтому нынешнюю нелиберальную реакцию, исходящую из европейского региона, следует рассматривать как попытку фактически вернуть себе самостоятельность и субъектность. Несмотря на массовый характер, эта реакция наблюдается не во всем регионе; можно также (по крайней мере, в настоящее время) указать на те общества, что формулируют свою самостоятельность и субъектность с помощью и во имя западного либерального проекта, — например, на Украину.

Российский след

Примечательно, что российская реакция уникальна по своей глубине, масштабам и степени насилия — она ясно оформилась первой, и Путин, бесспорно, сыграл роль предвестника гораздо более широкой нелиберальности. Но на самом деле она не так уж и уникальна.

Во-первых, эта реакция имеет глубокие корни в собственных идеологических продуктах Запада; многое в современной российской позиции проистекает из палеоконсерватизма и идеи культурной войны как нового поля битвы для политических диверсий.

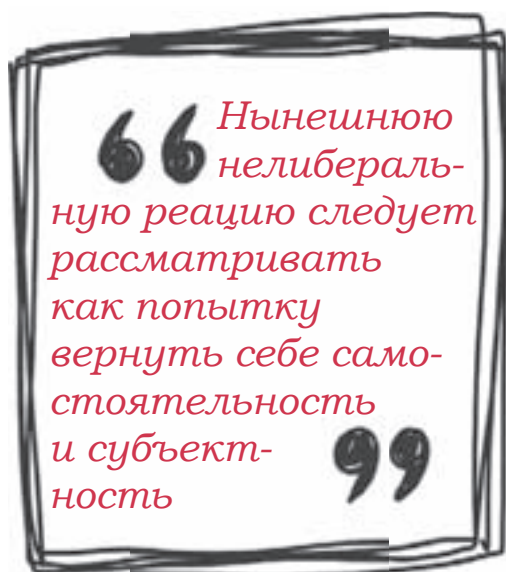
Во-вторых, хотя Россия, возможно, и уникальна по масштабам своего ревизионизма, дошедшего до вступления в боевые действия, но она не одинока в своих нелиберальных начинаниях. Польша, Венгрия и Сербия выступают с довольно схожим идеологическим репертуаром, чему не мешает, как в случае Польши, членство в абсолютно противостоящих России геополитических союзах. Словакия, Болгария и даже Словения и Хорватия в отдельные периоды проходили через аналогичные фазы, хотя и не консолидировались в нелиберальные авторитарные режимы.

Идеология и геополитика не пересекаются: нелиберальные Италия Мелони и Польша под «Правом и справедливостью» (PiS) твердо стояли на стороне трансатлантического Запада, тогда как другие нелиберальные проекты, от французского «Национального объединения» до «Альтернативы для Германии» (AfD) и от Будапешта до Белграда, демонстрировали более пророссийские симпатии.

Видеть за этим глобальным нелиберальным сдвигом «невидимую руку» России — ошибка, даже если в нем и отслеживаются в какой-то степени транснациональные связи, идеологические заимствования, зеркала и солидарность. Нарастающий протест против либерализма, предлагаемого в качестве наилучшей системы мирного управления миром, имеет куда более глубокие корни, чем предполагаемое влияние России. Важно, что западная модель в значительной степени утратила свою всеобщую привлекательность как в экономическом, так и в культурном плане. Хотя Кремль, безусловно, стал одним из первых образчиков автократизации и, возможно, показал путь некоторым другим акторам, причины ширящегося неприятия либерализма носят системный характер и не связаны с Россией. Происходит постоянная эрозия ценностей Просвещения и возврат к шмиттианской секулярной политической теологии, в которых нынешние (военные действия) между Россией и Украиной — лишь вершина айсберга. Путь к переосмыслению либерализма или постлиберализма будет еще долгим, а три измерения кризиса останутся глубоко взаимосвязанными.

Анаис Клементе

Перевод
Дмитрия Ермоловича

новые — изменение климата, критическая расовая теория (*ее сторонники настаивают на том, что расизм коренится не в биологических, а социальных предубеждениях и институтах.* — Ред.) и другие.

Нелиберальный проект бросил вызов даже конституционному порядку, вылившись в штурм Капитолия США 6 января 2021 года, и на сегодняшний день Республиканская партия не в состоянии сформулировать какую-то новую консервативную позицию, которая не была бы трампистской. Каковы бы ни оказались результаты президентских выборов в США в ноябре 2024 года, поддержка нелиберальных течений будет чрезвычайно высока и станет вызовом внутривнутриполитическому порядку.

Нелиберальный ответ, идущий из стран Центральной и Восточной Европы, среди

ДЕМИСТИ- ФИКАЦИЯ

ОДИНОКИЙ ОЛИМПИЕЦ

ГОРБАЧЕВ К СПОРТУ
ОТНОСИЛСЯ СПОКОЙНО.
ТЕМ НЕ МЕНЕЕ
НАИВЫСШЕГО
ОЛИМПИЙСКОГО
РЕЗУЛЬТАТА СТРАНА
ДОСТИГЛА
ИМЕННО
В ГОДЫ ЕГО
ПРАВЛЕНИЯ

Феноменальный успех двух последних Олимпиад с участием сборных СССР по-настоящему не исследован — слишком много наслышались других событий, оставивших где-то далеко позади, на периферии внимания и Калгари, и Сеул-1988. Тем более никто даже и не заикнулся о том, какую роль сыграл в последнем олимпийском, и не только олимпийском, советском сверхгромком аккорде Михаил Горбачев. В самом деле, вроде бы что тут анализировать и при чем здесь Горбачев, никогда не подчеркивавший особую роль спорта,

никогда не изображавший из себя мачо, никогда не пиарившийся на спорте, относившийся к этому роду человеческих развлечений без приличествующего руководителю страны почтения? Горбачева и били, и славили совсем за другое. Тем не менее, не будь Михаила Сергеевича, не было бы датированных 1988 годом олимпийских медальных рекордов, и одного этого вполне достаточно, чтобы воздать последнему генсеку ЦК КПСС и первому президенту страны под названием СССР должное и в этой области.

Владимир Мозговой

Скептики и критики считают, что Горбачев «развалил страну» и спорт в том числе, а последние спортивные успехи СССР случились не благодаря руководителю, а вопреки его усилиям, исключительно на десятилетиями заложенной базе. Но есть факты, против которых не попрешь. Потому что не будь пресловутой перестройки, не видать бы нам ни зимних Игр в Калгари, ни летних Игр в Сеуле. Участие в тех и других, прежде всего в Сеуле, было под большим вопросом — с того момента, как 84-я сессия МОК избрала в 1981-м эти города местом проведения главных спортивных форумов, вплоть до середины десятилетия никто не мог поручиться,

что советский флаг взвезется на Играх. Олимпиаду-1984 СССР и его союзники по Варшавскому блоку пропускали в качестве симметричного ответа на бойкот Западом Игр-1980 в Москве, советский «ограниченный контингент» все больше увязал в Афганистане, в 1983-м был сбит южнокорейский «Боинг», международная обстановка оставалась напряженной, и никто не мог предполагать, к чему приведет начавшаяся в ноябре 1982-го в силу естественных причин смена генеральных секретарей.

В апреле 1985-го после избрания М.С. Горбачева генеральным секретарем ЦК все не могло измениться как по маговению волшебной палочки, но агрессивная риторика по отношению к той же Южной Корее звучала приглушеннее, пока почти не сошла на нет. Правда, оставалось серьезное препятствие — у СССР не было дипломатических отношений со столицей страны-хозяйки летней Олимпиады, да и память о трагическом инциденте была совсем свежа. Но не при-

помню ни одного протестного заявления даже после того, как КНДР из-за отказа оргкомитета перенести часть состязаний в Северную Корею призвала к бойкоту Игр «дружественные страны».

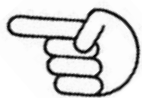
Уже набирала обороты горбачевская перестройка, и в какой-то момент стало понятно: участию СССР в Играх могут помешать разве что экстраординарные обстоятельства, в основном внутреннего характера. Намеки на них были, но инициатор перемен на своем стоял твердо. И когда пришла пора отбираться, а потом и собираться в Калгари, а потом и в Сеул, страна восприняла происходящее как совершенно нормальное явление, не требующее всенародного празднования и широких заявлений о победе над мраком и косностью. На самом деле, конечно, требовалось решение на самом высоком уровне, как это было перед Играми-1980 в Москве и перед «ответными» в Лос-Анджелесе-1984. Решение было положительным, такой итог страна восприняла буднично — словно другого варианта не существовало. И только самые упертые сильно переживали за оставшегося с минимумом союзников товарища Ким Ир Сена, которого поддержали Албания, Куба, Никарагуа и Эфиопия.

Те, кто нещадно ругал Горбачева тогда и еще нещаднее ругает сейчас за «антипатриотическую» позицию, видимо, забыли, как аплодировали своим хоккеистам, лыжникам, биатлонистам и фигуристам, блестяще выступавшим в Калгари. Как обнимались, видя на пьедестале почета сразу трех наших шестовиков во главе с Сергеем Бубкой. Какое чувство истинного восторга испытывали после невероятной победы волейболисток в финале. Как только с финальным свистком поверили в успех футболистов, повергших в финале самих бразильцев, — это я уже про Сеул, откуда сборная СССР увозила 55 золотых наград.

У людей, увы, короткая память, в последнее время значительно ослабленная потерей простых логических связей. Повторюсь — не было бы вектора, обозначенного Горбачевым, не видать бы нам спортивных триумфов последних советских лет. Да, это были именно последние триумфы великой несчастной страны, рухнувшей в начале 90-х, но рухнувшей отнюдь не по милости первого и последнего ее президента. Но я не про глобальное, а про часть, лишь про одну из составляющих содержание жизни.

Советские
баскетболисты —
чемпионы
Олимпиады-88

ОДИНОКИЙ ОЛИМПИЕЦ

Советский спорт высших достижений в короткий постзастойный период, вплоть до конца 80-х, счастливо избежал состояния растерянности и смог творчески воспользоваться нежданно свалившейся и еще не достигнутой безраздельности свободой. Собственно, это был правильный и именно заданный Михаилом Горбачевым вектор развития — не ломая механизмов, особенно горизонтальных, придать творческий импульс любой сфере деятельности. Избавиться от плохого и сохранить хорошее в короткий срок, с тем же контингентом и с теми же застарелыми проблемами во всем, от экономики до повседневной жизни, — задача утопическая, но в какой-то период она казалась вполне решаемой.

Страна стремительно теряла почву под ногами от ужаса и восторга перед неизведанными перспективами, страна если еще не голодала, то была близка к исчезновению даже продуктов первой необходимости, а спорт брал высоту за высотой. Это был какой-то странный выплеск энергии, и еще не энергии отчаяния. Основой его была, безусловно, система — да, однобокая, да, ущербная, да, несовершенная, но система, бесперебойно поставляющая ценные экспонаты на витрину достижений державы. Эта система работала именно на витрину, что составляло и главное ее достоинство, и главный же недостаток. Достаточно сказать, что подготовка и проведение Олимпиады-1980 как минимум на пару десятилетий остановили развитие спортивной инфраструктуры по всему СССР, второе рождение комплекса ГТО оказалось грандиозной показухой, безудержная погоня за медалями оборачивалась не только огорчительными неудачами, но и трагедиями. Пропаганда, причем в каких-то вещах талантливая, все проблемное игнорировала, оставляя все издержки капиталистическому образу жизни.

Во второй половине 80-х выяснилось, что побеждать можно и без накачек и требований свыше. Нет, это по инерции еще оставалось, но идеологическая составляющая неминуемо теряла силу, атлетов не приговаривали к обязательной победе, человек волен сам был определять степень своей ответственности, амбиций и, не говоря худого слова, патриотизма. Это было предчувствие свободы в тех структурных рамках, которые позволяли быть готовыми к свершениям. Самые высокие результаты достигаются при максимальной концент-

рации и одновременно раскованности. Вот это для многих и было попаданием в момент, что касается как индивидуальных, так и командных видов.

Тот же советский футбол, последние успехи сборной которого оставались далеко позади, вдруг выстрелил дуплетом на двух главных турнирах 1988 года — чемпионате Европы и Олимпиаде. Серебро Еврокоманды Валерия Лобановского отливалось золотом, олимпийское золото команды Анатолия Бышовца (это были разные сборные, что, безусловно, усиливало эффект прорыва) было беспримесным. В историю мирового футбола как образец «игры будущего» вошел полуфинал Евро СССР—Италия, а возглас комментатора олимпийского финала СССР—Бразилия, в прошлом великолепного вратаря Владимира Маслаченко: «Савичев, забей!» — услышала вся страна. Юрий Савичев забил в конце первого экстратайма, потом наши как-то отбились (бразильцы ни разу не были олимпийскими чемпионами, команда у них была собрана именно под золото), и двойной успех стал высшим достижением советского футбола за всю его историю. После финала тренер бразильской суперкоманды Карлос Альберто плакал, и его можно было понять.

За тем, как Николай Карпиль сподвигнул своих девчонок на подвиг в финальном матче с волейболистками Перу, следила вся страна — 0:2 по сетам и 6:12 в третьей партии, казалось, не оставляли никаких надежд. Не так давно принявший сборную Карпиль был взвинчен до предела, но каким-то образом поднял дух команды, и мы стали свидетелями чуда. Таких чудес от спортсменов сборной СССР в Сеуле случилось немало. Достаточно сказать, что так синхронно сильно в командных видах советские команды не выступали никогда — собственно, только в хоккее на траве мы остались без наград. Удивительной была и победа баскетболистов — и в полуфинале над законодательницей мод сборной США, и в финале над самой, пожалуй, мощной в истории сборной Югославии.

Вячеслав Фетисов — чемпион Калгари

Основу команды Владимира Гомельского составляли литовские баскетболисты во главе с непревзойденным центровым Арвидасом Сабонисом, никаких разделений по национальному признаку, по свидетельству всех участников, и никаких внутренних конфликтов на этой почве не было — была дружеская спайка и общее понимание цели. Так было в каждой сборной, благодаря чему и гимнасты, и легкоатлеты, принесшие в общую копилку по десять золотых наград, борцы, тяжелоатлеты, стрелки, велосипедисты и представители других видов спорта добивались максимальных результатов. Медали в 21 из представленных на Играх 27 видах спорта (всего медалей оказалось 132) брались не по разрядке, победа, пусть и неофициальная, пришла по заслугам. Да, она была плодом системы, но впервые в ее составляющей явственно присутствовал дух свободы.

Да, на двух предыдущих летних Олимпиадах победители в неофициальном командном зачете достигали небывалых золотых рубежей — сборная СССР в Москве-1980 взяла 80 золотых наград, сборная США в Лос-Анджелесе превзошла этот результат на три пункта, но все понимали, что достигнуты эти результаты были при отсутствии основных соперников. Так что 55 наград советской сборной на Олимпиаде в Сеуле-1988, которую можно было назвать «Олимпиадой равных возможностей», стали поистине выдающимся достижением. Сборная США завоевала 36 золотых медалей — на одну меньше, чем спортсмены ГДР, через некоторое время исчезнувшей, как и СССР, страны.

Но тогда об этом еще никто не знал. Победителей встречали радостно, фраз о «преимущество социалистического образа жизни» не припомню — и это было, пожалуй, впервые за всю историю участия СССР в олимпийском движении. Ранее в случае успеха подобные заявления считались нормой. Вообще, все спортивные достижения того памятного года воспринимались достойно, но без ажиотажа, и тем более без идеологической подоплеки, что от внимания проницательных наблюдателей, конечно же, не ускользнуло.

Хоккеисты, если исходить из слов одного из самых ярких форвардов золотой команды-1988 Валерия Каменского, даже слегка обиделись на будничность торжественного приема победителей в Кремле — вроде как Михаил Сергеевич Горбачев сказал несколько приветственных слов, пожал им руки, на чем все и закончилось. До больших премиальных и дарения «Мерседесов» должно было пройти 20 лет, и эта традиция, равно как и молебны при проводах на соревнования, полагаю, стала не самым лучшим знаменем новых времен.

Сеул. Футбольный финал

Горбачеву в голову не могло прийти устраивать и из проводов, и из награждения спортсменов шоу, хотя, наверное, в силу своего положения он мог бы себе позволить нечто подобное.

Забавная получилась история с американским промоутером и мастером эпатажа Доном Кингом, который очень хотел встретиться с руководителем СССР: «Я собираюсь обсудить бизнес, развлечения, спорт и культурный обмен с русскими под новым динамичным руководством Михаила Горбачева. Это девственная территория для капитализма, и вы видите, что они к этому идут. Мы покажем, что можем работать вместе и делать деньги». Но Михаил Сергеевич ни о каком бизнесе на спорте не то что не думал — ему это было абсолютно чуждо, он был воспитан на совсем иных идеалах, преследовал совсем иные цели, он воспринимал спорт и соперничество как чистое и благородное увлечение, согласно олимпийской хартии, вне политических категорий и идеологических штампов. И вполне понятно, почему встреча с «прогрессивным капиталистом» от спорта не состоялась.

Тем не менее некая прозорливость в тираде промоутера (кстати, датированной тем же 1988 годом) присутствовала. Отнюдь не в диком капитализме видел Горбачев будущее СССР, но «девственная территория» была готова для чего угодно, ростки перемен уже проросли, и они не всегда благоухали. Свобода прекрасна — ее

использование может быть ужасным. И со спортом в конце 80-х начинало происходить то же самое, что и со всей страной. В августе 1988-го было принято историческое постановление Совмина, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ, де-факто узаконившее профессию «спортсмен», и это открывало как перспективы, так и — касательно советской спортивной системы — бездны.

Одними из первых плодов перестройки воспользовалась та категория спортсменов высокого класса, которая была наряду с теннисистами сильнее всех востребована на мировом рынке. Брешь пробивали великие лидеры хоккейного ЦСКА, за ними за океан и в Европу хлынули десятки мастеров. Подобного исхода не знал ни один вид спорта, и за год-два советский хоккей, котировавшийся в массовом сознании не ниже, чем космос, приказал долго жить. Для игроков, вырвавшихся из железных объятий системы, это было невиданным благом (осознание того, что за ту же работу тебе будут платить в сто раз больше, было фактором убийным). Для того хоккея, который обожала страна, — драмой, едва не перешедшей в трагедию. Кстати, большинство из «первооткрывателей» забудут, кому они обязаны возможностью открыть для себя другую жизнь.

Владимир Мозговой

«Требую смерти для моего отца»

*Памятник Сталину
в районе Голешовице
Праги*

ПОХОРОНЫ СТАЛИНА
70 ЛЕТ НАЗАД ОЗНАЧАЛИ
КОНЕЦ ТЕРРОРА В СТРАНАХ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.
ФИНАЛЬНЫЙ АККОРД
БЕСПОЩАДНЫХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПРОЦЕССОВ
ПРОЗВУЧАЛ
В ПРАГЕ

Виталий
Ярошевский

В декабре 1934 года лауреат Нобелевской премии академик Иван Павлов направил письмо в СНК СССР:

«Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным успехом фашизм. До Вашей революции фашизма не было.

Но мне тяжело не оттого, что мировой фашизм попридержит на известный срок темп естественного человеческого прогресса, а оттого, что делается у нас и что, по моему мнению, грозит серьезной опасностью моей родине.

Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия. Если бы нашу бытовую действительность воспроизвели целиком, без пропусков, со всеми ежедневными подробностями, — это была бы ужасающая картина, потрясающее впечатление от которой на настоящих людей едва ли бы значительно смягчилось, если рядом с ней поставить и другую нашу картину с чудесно как бы вновь вырастающими городами, днепростроями, гигантами-заводами и бесчисленными учеными и учебными заведениями. Пусть, может быть, это временно. Но надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны. Тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства».

Письмо «народным комиссарам», написанное в Ленинграде, академик Павлов послал 21 декабря. За 20 дней до этого, 1 декабря, в Ленинграде был убит Киров.

И первого же декабря президиум ЦИК СССР принял постановление, согласно которому следственным органам предписывалось вести дела обвиняемых в подготовке террористических актов в ускоренном порядке, в десятидневный срок, с немедленным исполнением приговора. Обвинительное заключение вручалось за день до суда. Присутствие адвоката, открытость процесса и право на обжалование приговора не допускались.

1934-й... точка отсчета. Потом были «другие годы».

Двадцать лет спустя в Праге прозвучал финальный аккорд катастрофы.

Лавина террора тронулась в ноябре 1952 года, когда начался суд над «группой Рудольфа Сланского» — генсека КПЧ. Кульминация наступила в 1954-м: Мария Швермова, стоявшая у истоков создания КПЧ, была приговорена к пожизненному заключению, шестеро ее соратников из высшего партруководства получили в общей сложности 113 лет тюрьмы.

Сталин был уже год как мертв, его верный «оруженосец» — чехословацкий президент-коммунист Клемент Готвальд — тоже, а костры инквизиции все еще продолжали гореть в Европе.

Три года спустя после казни руководителей компартии (дело Сланского и его окружения) в Праге 1 мая 1955-го торжественно открыли памятник... Сталину, который нависал над Влтавой вплоть до 1962 года. Чехословацкие коммунисты не спешили расставаться с прошлым даже после XX съезда КПСС, даже после первых дуновений советской оттепели. Глубина их верности идеалам, видимо, не уступала размерам памятника «отцу всех народов» — самого большого за пределами СССР: вес 14 000 тонн, длина 22, ширина 12 и высота — 15 метров.

И это после того, что произошло с благополучной культурной жизнерадостной («что ни чех, то музыкант») нацией в течение неполного послевоенного десятилетия...

Политические процессы в Чехословакии были почти точной копией судебных расправ 30-х годов в нашей стране. Масштабы, конечно, другие, но в целом... Те же картины произвола, всеислия палачей и какой-то фатальной обреченности жертв.

**«Путь диверсий
и бандитизма»**

— Каким вам запомнился Сталин? — спросили умирающего.

— Он страшный...

Возможно, это были прощальные слова Алексея Чепички. Бывший министр юстиции, министр национальной обороны Чехословакии, зять Готвальда, обладавший когда-то фактически неограниченной властью, скончался на исходе 80-х годов прошлого века в доме престарелых в предместье Праги. Закат его жизни был освещен страхом — страхом перед человеком, с которым он встретился лишь однажды.

...Чехословакия сдалась своему «лучшему другу и освободителю» последней. Уже «отлучили» Югославию (с нее все началось), уже были «обезврежены банды гнусных предателей, титовских и англоамериканских шпионов» в Венгрии, Болгарии, Албании, Румынии, Польше. Процесс над «группой Сланского» в конце 1952 года стал завершающей операцией сталинских «хирургов» по стерилизации стран Восточной Европы. Операцией беспрецедентно жестокой — 11 смертных приговоров через повешение.

Подкрадывались исподволь. В феврале 1948 года в Прагу прибыл заместитель министра иностранных дел СССР, бывший посол в Чехословакии Валериан Зорин. Сталинский эмиссар привез высочайшее пожелание Кремля, чтобы коммунисты Чехословакии воспользовались разразившимся тогда правительственным кризисом для захвата власти. Во избежание неожиданностей предлагалось призвать на помощь Советскую армию. От последнего предложения Готвальд отбил: «...Компартия справится собственными силами».

Горькая ирония: то, от чего отказался «знаменосец мира» Сталин, осуществил спустя 20 лет «миротворец» Брежнев, направив танки на подавление Пражской весны. Впрочем, это уже другая история. Хотя почему другая? История все та же — наша.

Отказ от «добраго совета» Сталин Готвальду не простит и при первом же удобном случае выскажет свое недовольство в самом резком тоне. Президент Чехословакии будет постоянно чувствовать на себе это леденящее дыхание, а летом 1952 года, когда в его квартире обнаружат подслушивающее устройство, он поймет, что впал в такую немилость, из которой исхода нет.

Но тогда, в феврале 1948 года, Готвальд держался, хотя и на него, и на генсека КПЧ Сланского давили крепко, считая, что сами чехословацкие коммунисты с ситуацией не справятся. И если уж не целую армию, то хотя бы советников госбезопасности из СССР следует пригласить непременно.

Слом произошел осенью 49-го. Третьего сентября Матьяш Ракоши, руководитель Венгерской партии трудящихся, предупредил Готвальда: в Чехословакии в высших эшелонах власти действуют шпионы. Ракоши передал председателю КПЧ список из 60 фамилий чехословацких государственных и партийных деятелей, всплывших в ходе расследования дела главы МИД Венгрии Ласло Райка. Его обвинили в шпионаже в пользу США и Югославии, а также в подготовке заговора с целью свержения коммунистического строя. Казнен 16 октября 1949 года.

Особое внимание, сигнализировали Праге из Москвы, следует обратить на чехословацких коммунистов, оказавшихся в годы Второй мировой войны на Западе. Прага услышала. Осенью 1949 года по инициативе руководства КПЧ было создано спецподразделение службы госбезопасности для «выявления врагов внутри партии».

17 сентября из Праги в Москву ушла шифрограмма: «Тов. Маленкову (*член президиума, секретарь ЦК ВКП (б)*). — В. Я.). После раскрытия подрывной банды в Венгрии было выявлено, что ее нити ведут в Чехословакию. Просим ЦК ВКП (б) направить к нам специалистов, знакомых с результатами судебного расследования в Венгрии, которые помогли бы нам вести следствие в этом направлении».

Помощь была оказана незамедлительно: «отработав» дело Райка, сталинские «хирурги» прибыли из Будапешта, обогащенные не только домашними «заготовками», но и необходимыми международными навыками. Незадолго до этой роковой просьбы Сланский заявил: «Дальнейший путь к социализму будет сопровождаться обострением классовой борьбы против остатков капитализма. Ушедшая в подполье реакция еще теснее сплотилась с внешними врагами и, прислуживая им, идет по пути диверсий, шпионажа и бандитизма».

Мог ли генеральный секретарь КПЧ предположить тогда, что всего через два года костоломы в следственных кабинетах пражской тюрьмы Рузине «попросят» и его разоружиться перед партией и, ничего не тая, рассказать, как он сам шел по этому «пути диверсий, шпионажа и бандитизма».

«Требую смерти

ДЛЯ МОЕГО ОТЦА»

«Рассмотрение дел приостановить»

У процесса над коммунистами был кровавый пролог. С 31 мая по 8 июня 1950 года в Праге прошел суд над активистами Национал-социалистической партии Чехословакии (не имела никакого отношения к НСДАП), «главарями вредительского заговора против республики». Итог — четыре смертных приговора. Впервые в истории Чехословакии за убеждения казнили женщину.

Был в биографии Милады Гораковой эпизод, который «власть тьмы» простить ей не могла: 10 марта 1948 года, узнав о таинственной гибели министра иностранных дел республики Яна Масарика (официальная версия — выбросился из окна), она сдала мандат и сложила с себя полномочия депутата парламента.

В начале 2000-х уже нынешнего столетия эксперты-криминалисты, изучавшие причины загадочной смерти министра, пришли к выводу, что Масарик был убит. Оттолкнувшись от экспертного заключения и свидетельских показаний, чешские следователи предположили, что министра убили агенты МГБ СССР. Но эта версия не нашла подтверждения. На запрос Праги представить документы по «делу Масарика» Генпрокуратура РФ ответила отказом: «Архивные материалы, к которым проявлен интерес, до сих пор являются государственной тайной».

...На суде Милада Горакова, прошедшая через нацистские концлагеря, держалась спокойно и мужественно, спокойно и мужественно выслушала

судебный вердикт. Перед казнью сказала в лицо палачам: «Ухожу без ненависти к вам». Помилования Гораковой добивались Альберт Эйнштейн, Бертран Рассел, Джон Десмонд Бернал. Тщетно. Повешена 27 июня 1950 года, реабилитирована 40 лет спустя.

Чешский историк Карел Каплан назвал судилище над Гораковой «грандиозным спектаклем». Это был первый процесс, подготовленный непосредственно «советскими консультантами», управлявшими машиной репрессий по «классическому» сценарию: возбужденные жертвами «признания» вины, пропагандистская кампания, гнев широких народных масс...

Расчищая путь к светлому будущему, «карающий меч» трудового народа не щадил никого: монахов и генералов, участников антифашистского Сопротивления и крестьян-единоличников, ученых

Архив

Готвальд и Сталин

Милада Горакова

Архив

и деятелей культуры. С октября 1948-го по декабрь 1952-го суд вынес 233 смертных приговора. Дошло до того, что министерство юстиции рекомендовало временно остановить рассмотрение дел, «потому что приговоры к высшей мере могли бы достичь высокой степени концентрации на коротком временном отрезке». «Чужие» были повержены. Пришла очередь своих.

«Что вы так печетесь об этом еврейском дерьме?»

14 марта 1950 года был снят с поста министра иностранных дел Чехословакии Владимир Клементис. 6 мая нью-йоркское радио (пражское хранило молчание) сообщило о тесных связях словака Клементиса с бывшим председателем корпуса уполномоченных Словацкого национального совета Густавом Гусаком. Советские товарищи помогли чехословацким друзьям «выкорчевать корни словацкого буржуазного национализма».

24 мая председатель компартии Словакии Вильям Широкий выступит на IX съезде КПС: «В 1939 году, после подписания советско-германского договора, который имел огромное значение для прогресса человечества, потому что срывал планы англо-американских империалистов, Клементис занял антисоветскую позицию, позицию классового врага.

На этих позициях он стоял и в период советско-финляндского конфликта, в момент освобождения Западной Украины и Западной Белоруссии советскими войсками».

Это уже было посерьезнее, чем «буржуазно-националистический уклон».

Владимир (Владо) Клементис до войны избирался депутатом чехословацкого парламента от компартии. С 1942 года жил в эмиграции в Англии (правительство Чехословакии в изгнании во главе с Эдвардом Бенешем находилось в Лондоне). После февральского коммунистического переворота 1948 года стал министром иностранных дел правительства Клемента Готвальда. Казнен в 1952 году. После реабилитации Клементису посмертно было присвоено звание Героя ЧССР.

По сути, чехословацким следователям была отведена роль статистов в зловещей игре. «Режиссеров» пригласили со стороны. Они держали слово, данное заместителем начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР Михаилом Лихачевым сразу по прибытии в Чехословакию: «Меня сюда послал сам Сталин, и я не намерен терять время. Я приехал в Чехословакию не дискутировать, а снимать головы. Не позволю свернуть себе шею, предпочитаю свернуть 150 чужих шей».

Кроме Лихачева (в 1954 году приговорен к высшей мере за участие в фабрикации уголовных дел против советских граждан, не реабилитирован) особым усердием отличался советник Владимир Боярский. В докладе комиссии ЦК КПЧ, которая в 1968 году под началом Яна Пиллера занималась реабилитацией политзаключенных, на странице 53 говорится: «При Боярском жестокость допросов достигла наивысшей степени. При личной чрезвычайной активности советников из СССР людей подвергали непрерывным допросам, которые сопровождались жестокими избиениями. Подследственных пытали голодом, мучили жаждой...»

Ярмила Тауссигова, которая в конце 40-х по линии партийного контроля собирала компромат на сотрудников чехословацкой госбезопасности, хорошо знала Владимира Боярского (впрочем, «знакомство» не спасло ее от лагерей). Впоследствии она свидетельствовала: «Я сказала ему, что разделяю точку зрения Сланского: у нас не может быть того, что было в Венгрии. Тогда он напомнил о раскрытых шпионах и спросил: кто является нашим главным врагом? «Западные империалисты», — ответила я. «Ошибаетесь, — сказал Боярский. — Нашим главным врагом является международный сионизм и его шпионские организации». А упомянутый выше товарищ Лихачев, по свидетельству чехословацкого следователя, однажды заявил: «Мне плевать, откуда вы их (сведения) извлекли. И безразлично, достоверны ли они. Я готов в них поверить, а уж как я ими распоряжусь — мое дело. Непонятно, отчего вы так печетесь об этом еврейском дерьме».

Боярский добился согласия Готвальда на создание в структуре чехословацкой госбезопасности специального антисюионистского отдела. На эту версию — версию еврейского буржуазного заговора — без устали работали все «советские советники». Забегая вперед, скажем — работали не впустую. Спустя годы Ярмила Тауссигова напишет в показаниях для комиссии Яна Пиллера: «Только после ареста и впоследствии на суде мне стало ясно, что Боярский играл со мной в кошки-мышки для достижения сверхцели — раскрытия в Чехословакии шпионско-заговорщического центра, которому по масштабам не было бы равных в странах народной демократии».

Владимир Боярский вернется в Прагу в январе 1970 года — «консультировать» чехословацких коллег. На смену Пражской весне пришла «нормализация», обернувшаяся преследованием инакомыслящих и грандиозными чистками в компартии («неблагонадежных» даже не исключали, а попросту вычеркивали из рядов).

Миссия Микояна

К июню 1951 года Боярский собрал и отправил в Москву материалы на Рудольфа Сланского. Но Сталин не спешил давать санкцию на арест генсека братской партии. Более того, в письме Готвальду властелин заметил, что для обвинения «нет никаких оснований». Пусть, мол, живет, но с поста руководителя КПЧ его лучше бы снять. Так и сделали. 23 июля в Кремле прошло совещание с участием Сталина, Молотова и министра национальной обороны Чехословакии Алексея Чепички. Ждали Готвальда, но он не приехал, сославшись на недомогание. «Недугом», терзавшим президента, был страх. Готвальд не сомневался: если он приедет на поклон к Сталину, то домой уже не вернется.

Чепичка привез из Москвы обнадеживающую весть: Иосиф Виссарионович считает, что Сланский невиновен. В Праге это восприняли как доброе знамение и по случаю 50-летия со дня рождения вручили генсеку КПЧ высшую государственную награду — орден Белого льва. Правда, бдительный Готвальд в последнюю минуту вычеркнул из правительственного адреса упоминание о том, что юбиляр принадлежит к числу его самых верных соратников. И точно: обостренная страхом интуиция не подвела президента. Все ждали поздравлений из Москвы, но их-то как раз и не последовало. Москва молчала, и это было гробовое молчание.

Юбилей отмечали в конце июля, а 11 ноября в Прагу прибыл член президиума ЦК ВКП (б)

Анастас Иванович Микоян с личным посланием Сталина, которым предписывалось арестовать Рудольфа Сланского. Чтобы не сбежал за границу.

Рудольф Сланский родился в 1901 году в семье коммерсанта. В 19 лет вступил в компартию, в 25 стал секретарем областной парторганизации в Остраве.

После запрета КПЧ в 1938 году эмигрировал в Советский Союз. В 1944 году из Москвы был направлен на Украину для подготовки и переброски в Чехословакию диверсантов. После возвращения на родину в 1945-м избран генеральным секретарем КПЧ. Возглавлял «Группу пяти», созданную для наблюдения за ходом репрессий после февральского коммунистического переворота 1948 года. На этом посту лично утвердил десятки смертных приговоров. Когда по «делу о буржуазном национализме» арестовали Клементиса, Гусака и других, Сланский заявил, что «партия сорвала планы преступной банды шпионов и заговорщиков».

«Эти крысы...»

Богумил Доубек, руководивший следствием в пражской тюрьме Рузине, где допрашивали «титовских шпионов, предателей, троцкистов и сионистов», принял близко к сердцу любимую поговорку Владимира Боярского: «Лес рубят — щепки летят». Доубек повторял ее всякий раз, когда позволял себе усомниться в виновности подсудимых. И все мгновенно становилось на свои места: «...В этих делах есть высшая цель». Воистину «железные дровосеки», направленные в Чехословакию ее лучшим другом, занимались «рубкой леса». Фемиду преспокойно изгнали, а в следственных кабинетах утвердили «царицу доказательств». В «ежовых рукавицах», подогнанных специально для рук рузинских следователей, ломались даже самые стойкие. Люди, сражавшиеся с фашизмом в Испании еще на дальних подступах к «большой войне», а потом и на самой этой войне, прошедшие ад нацистских лагерей, признавались в чудовищных

«Требую смерти

для моего отца»

преступлениях, которых никогда не совершали...

Партии был нужен политический процесс большого масштаба, и он начался 20 ноября 1952 года. Читая в «Правде» отчеты о пражском судилище, начинаешь проваливаться в бездну: «Следствием установлено, что Сланский предпринимал активные шаги к сокращению жизни президента республики Клемента Готвальда. В этих целях он подобрал для него лечащих врачей из враждебной среды, с темным прошлым, установил с ними тесную связь, рассчитывая использовать их в своих вражеских планах».

Дух Вышинского витал в зале суда старинной пражской тюрьмы Панкрац. Государственный обвинитель Йозеф Урвалек не стеснялся пафоса: «Почему сегодня эта банда заговорщиков, эти крысы, презираемые всеми честными людьми нашей страны, сидят на скамье подсудимых? Потому что сила идей социализма, безграничное доверие нашего народа к руководству партии и лично к товарищу Готвальду, горячая любовь к Советскому Союзу неодолимы!»

«Уважаемый товарищ! Требую для моего отца смертной казни. Только сейчас я осознал, что это существо недостойно называться человеком, потому что в нем не было ничего человеческого. Он был и остается моим закоренелым, моим самым страшным врагом», — писал прокурору сын одного из обвиняемых по «делу Сланского».

Процесс проходил по выверенному до мелочей сценарию, который предложили московские «советники». Судьи, прокуроры и адвокаты выучили наизусть свои речи. И обвиняемые по настоянию «советников» должны были знать свои выступления на память. На всякий случай их записали на магнитофонную ленту, а запись предварительно прослушали на заседании президиума ЦК КПЧ.

Все шло как по маслу. Лишь однажды обвинитель перепутал последовательность вопросов, и подсудимый, как его учили, начал отвечать не на тот вопрос, что прозвучал, а на тот, который был предусмотрен сценарием. Но такая мелочь, конечно, не

могла остановить триумфального шествия правосудия.

Бывший член президиума ЦК КПЧ Йозеф Франк рассказал, как, «попав в 1939 году в немецкий лагерь смерти в Бухенвальде, быстро вошел в доверие к гитлеровцам, избивал русских и французских военнопленных, составлял списки заключенных, которых фашисты потом расстреливали». После реабилитации Йозефу Франку присвоили звание Героя ЧССР посмертно, а газета «Руде право» 15 февраля 1968 года опубликует к 60-летию со дня его рождения статью под заголовком «Трагедия революционера».

Подсудимый Бедржих Райцин, бывший заместитель министра национальной обороны, признал, что «в апреле 1939 года стал агентом гестапо и организовал ряд провокаций, в результате которых были арестованы и казнены члены подпольного ЦК КПЧ». Обвинитель беспощаден: «Райцин выдал гитлеровцам также национального героя Чехословакии Юлиуса Фучика». Свидетелем по делу «предателя» Райцина выступила Густа Фучикова. Свои показания вдова закончила цитатой из «Репортажа с петлей на шее». Призыв «Люди я любил вас! Будьте бдительны!» зал встретил яростными аплодисментами, стоя.

Из предсмертного письма осужденного Людвика Фрейки Клементу Готвальду: «Когда я понял, что Вы, господин президент, меня считаете вредителем и предателем и что подобной точки зрения придерживаются органы госбезопасности, которые во время следствия представляли трудовой народ, я подумал, что, по всей вероятности, мое субъективное представление о самом себе неверно. С этого дня, господин президент, я честно и беспощадно встал на

позицию чехословацкого трудового народа и заставил себя видеть всю свою деятельность глазами следственных органов».

Одиннадцать «шпагатов»

В Советском Союзе полным ходом шла кампания по выявлению «безродных космополитов», а доктор Лидия Федосеевна Тимашук готовилась получить орден Ленина «за помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-убийц». Среди них были шесть известных медиков «еврейского происхождения». В Чехословакии не хотели отставать от «большого брата» (не зря ста-

десять метров, вот куда мы вас загоним — вас и ваше паршивое отродье!»

Из 14 обвиняемых по «делу Сланского» 11 представляли «паршивое отродье». В «Литературной газете» их назвали «жабами у чистого родника», которые «мечтали превратить Чехословакию в космополитическую вотчину Уолл-стрит, где властвовали бы американские монополии, буржуазные националисты, сионисты со всяким сбродом, погрязшим в преступлениях».

Пражское судилище стало последним из «монстр-процессов», прокатившихся по странам народной демократии. Сталин осуществил «экспорт террора».

У «судебной трагедии» в Праге — беспрецедентно жестокий финал. Задолго до приговора Готвальд обмолвился в кругу близких соратников: «Дадим одиннадцать «шпагатов» и три пожизненных». И был услышан. «Наказание обосновано глубиной измены трудовому народу, большими масштабами преступления для общества, строящего социализм, и всех народов, борющихся за мир во всем мире», — писали чехословацкие газеты.

Осужденных повесили 3 декабря 1952 года в тюрьме Панкрац. Казнить начали в 3 часа ночи, закончили в 5 часов 45 минут утра. Тела сожгли, пепел развеяли по ветру. Лишили гражданства, конфисковали имущество. Стерли, как ненужную карандашную пометку на полях.

Ровно 11 лет спустя пленум ЦК КПЧ восстановит их в партии, а Верховный суд республики реабилитирует убитых, полностью сняв с них обвинения.

Один мудрец предупреждал: «Потомки не смогут понять, почему нам снова пришлось жить в такой густой тьме, после того как однажды уже настал свет». Короток у памяти век...

Суд над Рудольфом Сланским

рался Владимир Ананьевич Боярский). Из обвинительного заключения: «Особенно заботливо Сланским, Геминдером и другими заговорщиками поддерживалась подрывная деятельность сионистов, этой надежной агентуры американского империализма».

На одном из допросов майор Смола скажет своему подследственному, бывшему заместителю министра иностранных дел Артуру Лондону: «Мы сумеем уничтожить вас и вашу паршивую расу! Не все, что делал Гитлер, было хорошо, но с жидами он справлялся отлично. Жаль, что не все они попали в газовые камеры, многие улизнули. Но то, что он недоделал, завершим мы... На

Кстати, в Праге есть площадь академика Павлова. Именем великого ученого ее назвали аккурат в год смерти Сталина (все же истории не откажешь в иронии). Площадь не переименовали даже после «бархатной революции» 1989 года, когда новые городские власти восстанавливали топонимику столицы, изрядно пострадавшую во времена правления коммунистов. А вот площадей и памятников в честь палачей — Сталина и Готвальда — в Праге нет. И не будет. Истории и в справедливости не откажешь.

Виталий Ярошевский

Досье

К смертной казни через повешение были приговорены:

Рудольф СЛАНСКИЙ — генсек КПЧ.

Владимир КЛЕМЕНТИС — министр иностранных дел Чехословакии до 1950 года.

Бедржих ГЕМИНДЕР — заместитель генерального секретаря. В годы Второй мировой войны — участник антифашистского Сопротивления.

Йозеф ФРАНК — заместитель генерального секретаря.

Участник антифашистского Сопротивления.

Людовик ФРЕЙКА — руководитель экономического отдела Канцелярии (администрации) президента республики Клемента Готвальда. Участник антифашистского Сопротивления.

Бедржих РАЙЦИН — заместитель министра обороны.

Карел ШВАБ — заместитель министра национальной безопасности. Узник нацистских концлагерей.

Отто ШЛИНГ — первый секретарь горкома КПЧ в Брно.

Рудольф МАРГОЛИС — заместитель министра внешней торговли.

Отто ФИШЛ — заместитель министра финансов.

Андре СИМОН — редактор газеты «Руде право».

К пожизненному заключению были приговорены:

Вавро ГАЙДУ — заместитель министра иностранных дел.

Эвжен ЛЕБЛ — заместитель министра внешней торговли.

Артур ЛОНДОН — участник Сопротивления во Франции.

С 1949 года — заместитель министра иностранных дел Чехословакии, автор книги о политических репрессиях «Признание».

СМЫСЛОВАЯ НАГРУЗКА

Евгений
ДОБРЕНКО:

«**Россией
надо заниматься
не историкам,
а стиховедам**

ЧТОБЫ ЛУЧШЕ
ПОНИМАТЬ,
ГДЕ В ЕЕ ИСТОРИИ
ПЕРЕКРЕСТНАЯ
РИФМА, А ГДЕ
ПАРАЛЛЕЛЬНАЯ

Соцсети

Ольга Тимофеева

— В своем исследовании позднесталинского периода вы показываете, как формировался миф о войне и советском величии, о всепобеждающем вожде и величайшем государстве, о враждебности Запада и русской национальной исключительности, об обидах, украденной славе, мессианстве. Выходит, что нынешней власти не пришлось изобретать ничего нового? А требовалось только одно — затоптать те достижения перестройки, которые были направлены на формирование другого мировосприятия нации. Кажется, у нее это получается в результате незатейливого приема — объяснить большинству, что проводник этих гуманистических идей Горбачев — слабак, который развалил, допустил, не удержал... А поднял страну с колен совсем другой правитель. Миропонимание нации определяет запрос на определенный тип политического лидера?

— Мое отношение к Горбачеву я высказывал уже много раз, оно очень простое и сводится, в принципе, к тому, что Горбачев — это лучшее, что случилось с этой страной за полтора столетия после правления Александра II. И здесь есть историческая рифма. Россией вообще надо заниматься не

Не имея представления, что нас ждет в будущем, поскольку настоящее мешает его спрогнозировать, мы все пристальнее взглядываемся в недалекое прошлое. Власти — в позднесталинский период, когда творился миф о войне и новом советском человеке. Граждане, вкусившие плоды свободы, — в перестроечные времена, в надежде разобраться, когда и почему они промахнулись

мимо цели, мимо достижения цивилизованной, достойной, мирной и благополучной жизни. А добросовестные ученые пытаются собрать этот сложный пазл, чтобы увидеть картину в целом. Среди них Евгений Добренко, известный историк культуры, профессор Венецианского университета, автор фундаментального двухтомника «Поздний сталинизм. Эстетика политики» (НЛО), с которым обсуждаем корни этой одержимости историей.

историкам, а стиховедам, чтобы лучше понимать, где в ней перекрестная рифма, где параллельная.

— История не повторяется, она рифмуется, как сказал Марк Твен.

— Александр тоже приступил к реформированию, когда реформы не просто назрели, но перезрели. И так же эти реформы воспринимались как далеко несовершенные. И так же оказались трагически сорванными. Я говорю, «трагически» не только в персональном смысле — слава богу, Горбачев дожил до преклонных лет, в отличие от убитого царя, — а трагически для истории страны. Потому что его наследники — Александр III и Николай II эту страну успешно угробили.

Приблизительно то же самое происходит после Горбачева. Его кардинально важные реформы оказались в общем-то сорваны. Одним они казались недостаточно радикальными, другим, наоборот, — слишком радикальными и лишившими их тех привилегий и материальных благ, которыми они располагали до реформ. В этом выразительное сходство судеб этих двух политических фигур. Точно та же параллельная рифма с Николаем I и нынешним правителем. Когда меня спрашивают о том, когда страна прошла точку невозврата, я, отматывая время назад, прихожу к одной и той же точке, а именно к Николаю I.

— Я понимаю, что для историка важно видеть связь между историческими явлениями, но и человек, далекий от науки, все время ищет

эти переключки с прошлым, гадают, с какими временами связана наша действительность. Почему это важно делать?

— Потому, что важно понимать роль личности в истории страны, а также на примере вот этих временных сопоставлений прогнозировать будущее.

Именно Николай I нанес дореволюционной России удар, от которого она уже никогда не оправилась. Его правление было мрачным, совершенно бездарным и закончилось позорной Крымской войной, это все признают, однако, мне кажется, нет понимания роли этой личности в масштабах истории страны. Тот факт, что Николай не предпринял необходимых реформ и заморозил страну на 30 лет, оказался абсолютно роковым. Эти 30 николаевских лет не позволили сформироваться двум поколениям свободных людей, способным составить основу среднего класса и удержать Россию от катастрофы, случившейся в 1917 году. Одним словом, если вы меня спросите: кто та Аннушка, которая разлила масло, — я отвечу: Николай I. Голова Берлиоза, которая покатила в 1917 году, — это уже последствия. Когда ты находишься внутри истории, ты этого не видишь. Но когда смотришь в исторической перспективе, то понимаешь, где была точка невозврата и где — окно возможностей.

«Россией надо заниматься не историкам, а стиховедам»

— Если бы элита не сопротивлялась назревшей модернизации страны, то модернизация и 1861 года, и 1905 года могла бы быть еще успешней. На наших глазах свернулись реформы, начатые Горбачевым. Какова природа противодействия властных элит развитию России?

— За спиной у Горбачева не было ни исторической опоры в виде устойчивой демократической традиции, ни широкой поддержки даже интеллигенции — у нее недоверие вызывает всякий политик, ориентирующийся на логику политического, а не на интеллигентские ценности. Мне кажется важным понимать, что значение, роль, ум, искусство политического деятеля состоят не в том, чтобы прислушиваться к голосу народа, чувствовать настроения людей, быть искусным дипломатом. Это все инструменты. Главное не в этом. Главное — в том, чтобы политический деятель понимал логику и динамику исторического процесса. И искусство политика — как искусство возможного в том, чтобы... К сожалению, трудно подобрать слово в русском языке, вот в английском есть слово negotiate; если грубо переводить, то оно означает «торговаться» — найти возможность встроиться в процесс

таким образом, чтобы страна прошла неизбежный исторический период с наименьшими потерями, а возможно, и приобретя что-то.

Редчайшее качество, но самое главное. Поэтому как политическая фигура Горбачев на голову выше Путина.

— Много ли в XX веке было успешных политиков с таким мышлением?

— Единицы. Черчилль был такой, Рейган. Они обладали чутьем, в каком направлении надо двигаться. Черчилль совершенно не хотел делать как политик то, что вынужден был делать как премьер-министр Великобритании. Человек, всю свою политическую карьеру построивший на укреплении Британской империи,

оказался в роли главы государства, вынужденного входить в процесс распада империи. И он делал это не потому, что разделял эти взгляды, а потому, что понимал: это исторический процесс, поменять его не может никто. Если ты капитан на «Титанике» и судно движется на айсберг, то твоя задача не в том, чтобы бороться с айсбергом, а в том, чтобы его обойти. И Горбачев это прекрасно понимал, даже, может, и не понимал, но чувствовал. У него было это чутье политика, сделавшее его ключевой фигурой своей эпохи.

— Страна много раз признавала необходимость перемен, но каждый раз попытка реформ заканчивалась

закручиванием гаек, усилением реакции. Это наш «особый путь» или есть объективные причины для этого?

— Знаете, у меня есть очень хороший друг и коллега, американский историк Джеффри Брукс, автор многих интересных и важных книг по русской истории. Мы как-то с ним разговорились, и я спросил: «Джефф, почему вы занялись русской историей?» Он сказал: «Понимаете, мне ужасно жалко эту страну, мне ужасно

— Тем не менее цифры показывают, что в конце XIX — начале XX века Россия развивалась быстрее ведущих европейских стран, среднегодовой темп промышленного развития в 6,65% не снился нам и сегодня.

— Ну отскок ото дна всегда дает большой рост. Главное, сделать его устойчивым. Кроме того, экономический рост — лишь одна из предпосылок развития страны. В ее истории, конечно,

— Вы в своем двухтомнике «Поздний сталинизм» написали критическую биографию эпохи, отойдя от канонов и концентрируясь на неочевидном. Говоря о наших временах, на чем неочевидном вы бы сосредоточились?

— Дело в том, что я писал книгу о позднем сталинизме как об исторической эпохе, закончившейся несколько поколений назад. Это значит, что мы можем на нее смотреть с высоты или со дна нашего исторического опыта.

Современная эпоха работает иначе, потому что ты не знаешь о ней самого в ней главного. Как в старой шутке про древних греков, которые не знали о себе главного — что они древние. Наша эпоха — сюжет развивающийся, незавершенный. Конечно, нынешняя ситуация во многом вылилась из позднесталинской эпохи, во многом продолжает ее, и поэтому можно сравнить, что похоже, что не похоже, но очевидно, что по целому ряду параметров она уникальна. Надо иметь в виду, что дореволюционная Россия была встроена в европейский оркестр, а Советский Союз был основой биполярного мира.

Нынешняя же Россия никакой не полюс, она выглядит как полноценная страна-изгой. И последняя встреча президента с лидером Северной Кореи, одной из самых, если не самой одиозной диктатуры — вот нынешний уровень страны. Советский Союз никогда в таком положении не был. Он был страной, которую уважала, пусть не самая демократическая, половина мира. У него была масса симпатизантов в Западной Европе, особенно среди интеллектуалов левых убеждений. У современной России нет даже партнеров, кроме популистских партий на Западе и иранских аятолл на Востоке.

жалко Россию». Спрашиваю: «Почему вам ее жалко?» — «Это несчастная страна, это такой кентавр, который борется сам с собой: европейская христианская страна, которую засунули в азиатское государство».

И вот эта внутренняя дихотомия, заложенная в российской государственности изначально, искривляет все ее начинания. Ведь Российское государство — это разросшееся Московское княжество, созданное Ордой для определенных целей на оккупированных территориях, которое худо-бедно европеизировалось, но сами основания этого государства сохранились. В этом уникальность русской государственности. С одной стороны, этнически и культурно европейское население, христианское по вере, а с другой — настоящая восточная деспотия в форме государства.

возникали развилки, когда правитель был достаточно силен и амбициозен, чтобы выбить страну из этой колеи. Самый яркий из них Петр Первый. Но мы знаем природу петровских реформ — он страну хотел реформировать экономически, при этом сохранив политическое управление в прежнем режиме. Ну вот и сохранил на века. Давно понятно, что между политикой и благосостоянием страны существует прямая связь, а российское государство пытается модернизировать страну, сохраняя политический статус-кво. И все предсказуемо заканчивается катастрофой. Никуда не деться от политической культуры, сформированной столетиями. Моисей 40 лет водил евреев по пустыне, чтобы появилось поколение, не рожденное в рабстве. Несколько лет либерального правления для формирования другого менталитета явно не хватит.

«Россией надо заниматься не историкам, а стиховедам»

— Путин вроде бы не был откровенным поклонником Сталина, но теперь он защищает советское прошлое и, похоже, собирается стать «отцом нации». Значит ли это, что он маскировал свой сталинизм, пока было неприлично в нем признаваться, или это неизбежное изменение сознания?

— Понятно, что политическая философия Путина произрастает из сталинской. Но есть здесь и другой аспект. Понимаете, он прежде всего гэбист. Отсюда его картина мира с обманом и самообманом, ностальгией по величю, конспирологической картиной реальности, с простыми ответами на сложные вопросы, навязчивые фантазии с образом врага на Западе — высокомерного, коварного, всесильного, вездесущего... Но сталинизм не только в этом.

Специфика ЧК-ГПУ-НКВД-МГБ-КГБ-ФСБ состояла (и вновь состоит) в том, что никогда ранее ни в одной стране мира секретная полиция не управлялась главой государства непосредственно. Такой ее сделал Сталин. Конечно, он не был формальным главой этой «конторы». У нее были свои начальники. Имена некоторых из них даже стали нарицательными (ежовщина, бериешина). На самом деле все эти люди были лишь сталинскими порученцами. Ничем Сталин не занимался более тщательно, вникая во все детали, зная имена едва ли не всех основных следователей этого ведомства и ведущих ими дел, как ГПУ-НКВД-МГБ. Он не только читал их сводки и отчеты, но редактировал стенограммы допросов, придумывал заговоры, дела и их сюжеты, следил за их ходом, назначал конкретных людей на конкретные операции, рассказывал, с кем и как следует «работать». Причем с самого начала до последних дней жизни.

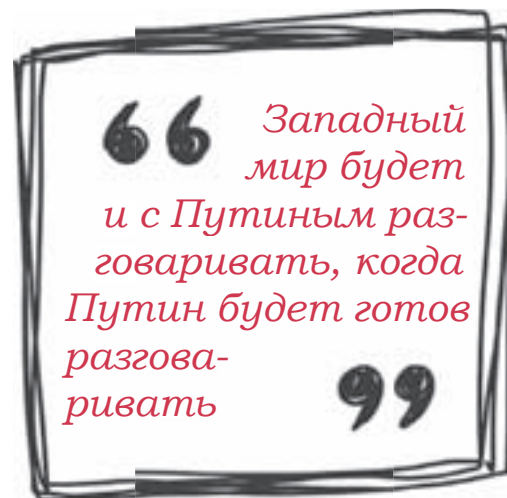
Если бы кто-нибудь захотел представить себе, как были устроены сталинские мозги в виде помещения — с коридорами, проходами, кабинетами, лабиринтами, застенками, пыточными камерами, — у него получилось бы здание на Лубянке. Поэтому каждый человек в этом ведомстве является сколком сталинских мозгов. Каждый — хотя бы в малой степени — Сталин. Подобно тому, как Ленин лишь инаугурировал советский строй, а Сталин создал его экономические, политические, идеологические, культурные и иные основания, так же и с ЧК — Дзержинский лишь создал эту институцию и остался ее символом, а реальным создателем гэбизма был Сталин. Поэтому путинский «сталинизм» — просто часть его идентичности.

— Точно так же Путина было трудно заподозрить в антисемитизме, но последние события явно что-то сдвинули?

— Думаю, что антисемитом Путин не был и им не стал. Помните, когда он говорил про западных кураторов, поставивших этнического еврея президентом Украины для того, чтобы скрыть нацистскую суть режима, он так себя распалил, что начал выступать с филосемитскими заявлениями, типа — весь мир нацисты, а мы тут одни встали на защиту евреев от украинцев, виновных в Холокосте. Да и вообще, мы больше не Третий Рим, а мы второй Иерусалим, теперь мы сами будем защищать евреев. Вся его риторика, связанная с бандеровцами, строилась на том, что они чуть ли не более немцев виноваты в убийстве полутора миллионов украинских евреев. И объявляя это военным преступлением, довольно сложно вырваться на антисемитскую

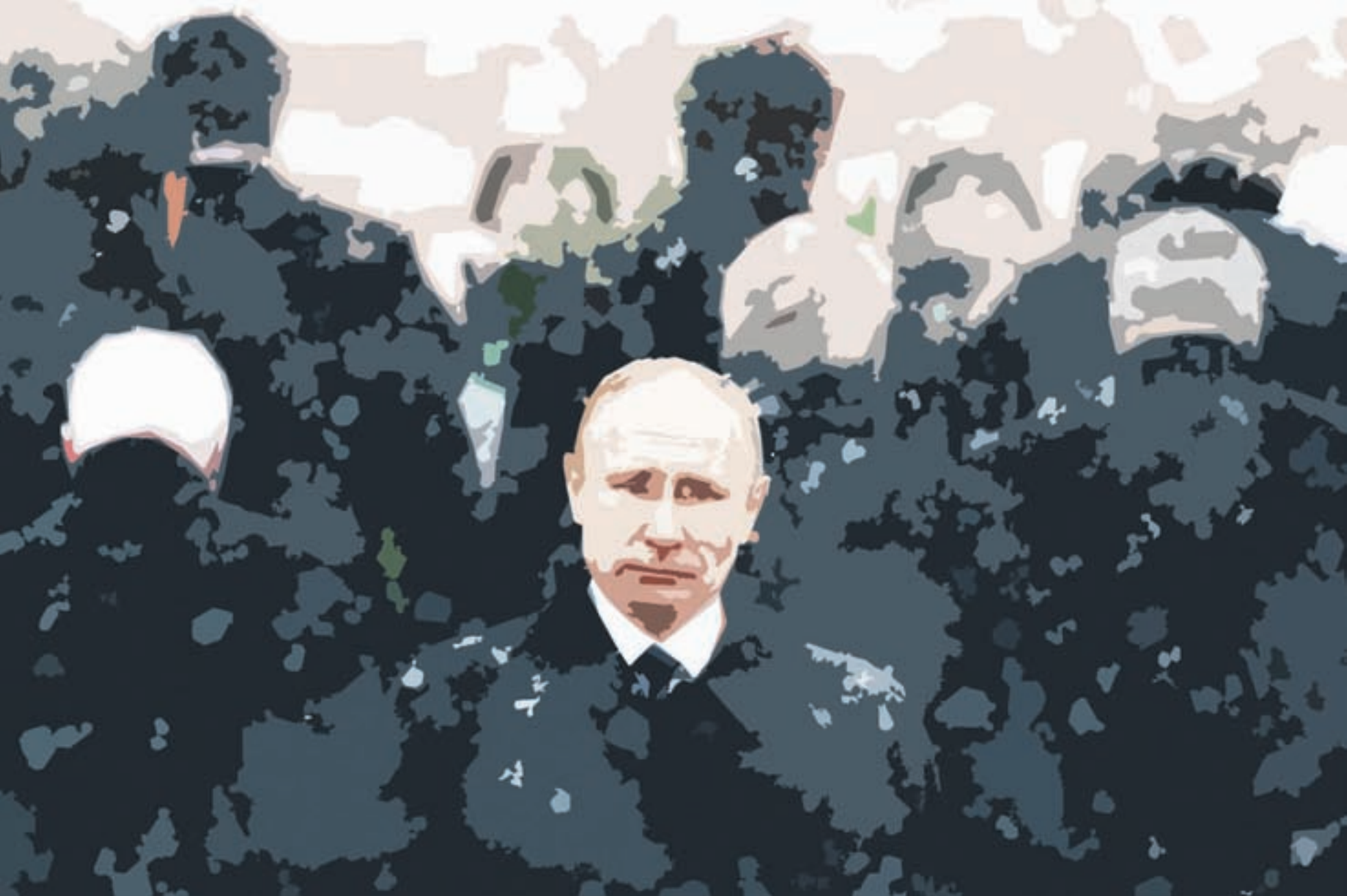
риторику, которую от него, конечно, уже давно ждут.

Последние события на Северном Кавказе, еврейский погром в Махачкале — это проявления бытового антисемитизма. Они нисколько не удивляют. Бытовой антисемитизм — обязательный атрибут патриархальных обществ. Вопрос не в том, есть ли он. Разумеется, есть и на Кавказе, и в глубинной России. Вопрос в том, станет ли он государственной политикой, системным явлением. Сегодня Путин использует антиизраильскую риторику. Но пока неубедительно и недостаточно системно. Все видят, что это чисто политическое маневрирование. Привечать ХАМАС в Москве назло Западу — это одно, а проводить антисемитскую

государственную политику — совсем иное.

— Вы считаете, что сфера политики сама по себе глубоко эстетична. Как

бы вы описали эстетику сегодняшней официальной политики?

— Она менялась и меняется на наших глазах, хотя с самого начала строилась на убеждении, что Запад должен нас принять такими, какие мы есть. Да, мы не белые и не пушистые, но мы вам полезны. И действительно, Запад сильно кривил нос, но как-то принимал: деньги не пахнут, альтернативы нет и т.п. Это возбуждало аппетиты, режим становился все более отвязным, все смелее и смелее позволял себе делать вещи, в цивилизованном мире не принятые.

Интересно наблюдать эту деградацию режима, связанную с отказом от типичной для России симуляции цивилизованности. То есть вот у нас была дипломатия, вот у нас был рост сотрудничества, наращивание мягкой силы, культурные центры разные. Притом, конечно, что на Западе знали цену этим культурным центрам, понимали, кто сидит под зонтиком этих культурных центров.

— Тем не менее власти понимали нужду в респектабельности.

— Здесь что интересно. После войны Сталин решил переделать «Литературную газету». Он пригласил к себе руководство Союза писателей и начал им объяснять (как раз начиналась холодная война), что мы не можем в официальной печати сказать все, что хотим. А вот «Литературная газета» — орган Союза писателей, как

бы общественной организации — может себе позволить говорить то, чего мы не можем. И это работало так: в газете «Известия» или в «Правде» писались тяжеловесные дипломатические тексты, ноты протеста, а «Литературная газета» печатала Кукрыниксов, фельетоны Давида Заславского, карикатуры на Трумэна в коротких штанишках... То есть Сталин понимал: это один регистр, а это другой регистр, и важно уметь их переключать.

В нынешней России этого уже не нужно. А зачем? Дипломатии же не стало. Дипломатия — это процесс общения с партнерами. А если у тебя партнеров нет, говорить не с кем, тебе остается только площадная брань, так называемая мегафонная дипломатия, доступная твоим избирателям, и довольные ухмылки на заявления Северной Кореи, которая в официальных заявлениях называет экс-президента Америки Обаму обезьяной с нечистой кровью.

— Примерно на таком уровне начало говорить и наше Министерство иностранных дел.

— Когда ты теряешь цивилизованного собеседника, то сам начинаешь говорить на каком-то пещерном уровне, потому что не можешь ни до кого докричаться, тебя никто не хочет слушать, ты становишься настолько токсичным, что люди от тебя просто шарахаются. Поэтому единственный

способ привлечь внимание — сделать что-то возмутительное, что-то такое, что заставит обратить на тебя внимание. Это положение не просто унижительно, это поведение обиженного подростка, который спасается за бравадой, а на него все смотрят с сожалением.

— Допустим, «цивилизованный мир» перестал разговаривать с нашей властью, но готов ли он разговаривать с людьми, которые за границей выступают от имени России?

— Я вам так отвечу: западный мир будет и с Путиным разговаривать, когда Путин будет готов разговаривать. Мы же все это проходили. До 1939 года Советский Союз знать не знал никакой нацистской Германии — враг и все. После 1939 года он стал вдруг с пониманием относиться к ней, а с 1941 года он опять стал не знать ничего про Германию, кроме того, что это враг. Лучшими его друзьями стали США и Великобритания, которые до 1946 года были прекрасными союзниками, а потом опять стали врагами, и т.д. Это и есть политика, и это как раз нормально, здесь удивляться не стоит. А когда это произойдет? Ну это уже зависит от руководства России.

«Россией надо заниматься не историкам, а стиховедам»

— Зинаида Гиппиус, впрочем, эти слова не только ей приписываются, говорила об эмиграции: «Мы не в изгнании, мы в послании». Ощущает ли нынешняя эмиграция свою миссию, как ее ощущала первая волна?

— Эмиграция — это всегда конкретные люди, по-разному относящиеся к стране, из которой уехали. Есть люди, полагающие, что у эмиграции есть миссия, и это убеждение особенно сильным было у эмиграции первой волны. Она была объединена общим ощущением потерянного рая и хотела

донести это ощущение, сохранить его в культуре.

Вторая эмиграция, послевоенная, в основном военнопленные, люди, ушедшие с немцами с оккупированных территорий, была наименее продуктивна в творческом смысле. Но вот третья волна, творчески очень заряженная, отвергла идею миссионерства. Отчасти она сохранялась в правонационалистическом лагере, который возглавлял Солженицын, но даже в этом лагере было такое отвращение к существовавшему режиму в СССР, что они апеллировали

к дореволюционной России, считали ее настоящим прошлым страны, отказывались от советского наследия в любой форме.

А в нынешней эмиграции прошлым являются либо последние 30 лет, которые потерянным раем назвать трудно, либо советское прошлое, которое потерянным раем назвать еще труднее. Понятно, что картинка, нарисованная Солженицыным и визуализированная Говорухиным в знаменитом фильме «Россия, которую мы потеряли», — это мифологизированная страна, которую

САРУХАНОВ

“ **Как может культура
накапливать, когда эта
страна все накопленное
тут же разрушает?
Культура в таких условиях
не работает** ”

можно принять в качестве идеала, если забыть, что это та же самая страна, где организовывались еврейские погромы, где было 90% неграмотного населения, где большая часть населения жила в скотских условиях... О каком послании здесь можно говорить? Собственно, мы в послании чего? Ничего. Мы ничего на своих, условно говоря, подошвах в новый мир не принесли.

— **Как думаете, почему русская литература, пронизанная состраданием, идеей равенства и самопожертвования, не смогла уберечь нацию от презрения к гуманности и преклонения перед силой?**

— Понимаете, литература никогда никого ни от чего не уберегала и не спасала. Это мы воспитаны на идее, что литература должна учить и воспитывать. Но она никогда никого ничему не учила и не научила. Вся литература, не только русская, пронизана состраданием — Сервантес, Гюго, Диккенс... Гете не спас немцев от нацизма, а Сервантес испанцев от франкизма. Знаменитые слова Герцена о литературе — «Мы не врачи. Мы боль» — напоминают об этом. Нельзя ожидать от культуры, чтобы она научила людей чему-то. Культура так не работает. Это сложный аккумулятивный процесс. А вся русская история противится какой бы то ни было аккумуляции. Она вся дискретна. Взгляните на XX век: четыре революции, две опустошительные мировые войны, несколько гражданских войн (если считать таковыми коллективизацию и Большой террор), смена трех экономических формаций... Как может культура накапливать, когда эта страна все накопленное тут же разрушает? Культура в таких условиях не работает. И потом, литература — это только часть культуры. А культура — это ведь не только искусство. Есть, например, такая вещь, как политическая культура. Насилие, презрение к личности, подчинение

интересов индивида интересам государства — отличительные черты этой политической культуры. Что литература может сделать с ней? Ровным счетом ничего. Сострадать человеку, указать на угрозы, но не предотвратить или изменить.

— **Сейчас принято цитировать Ясперса по поводу личной и коллективной ответственности, но я вспомню его по другому поводу: «Человек становится тем, что он есть, благодаря делу, которое делает своим. И что бы ни происходило вокруг вас, в своем деле вы находите смысл жизни, опору для человеческого достоинства». Как вы относитесь к спорам о том, что должны делать актеры, музыканты, писатели, не имеющие возможности заниматься своим делом за пределами своей страны?**

— Здесь следует различать два вопроса. Социальное поведение/ позиция и ответственность за нее. И дело, которым человек занимается. Очень часто они расходятся. Сегодня мы являемся свидетелями этого. Хорошие актеры, музыканты, деятели культуры оказываются на «стороне зла». И я считаю правильным, что им закрывается выход к западной аудитории. Не в том только дело, что, раз они выбрали поддержку *режима*, им нечего делать в «недружественных странах», а в том, что культура несовместима с военными действиями. Нельзя нести со сцены идеалы гуманизма и поддерживать варварство. Другой вопрос — положение свободного художника в России. Мы видим, что оно становится невозможным. И страну покинули крупнейшие писатели, режиссеры, актеры, спортсмены. Они находят себе применение на Западе. Это чрезвычайно сложный и болезненный процесс. Но, видимо, таков выбор этих людей. Тот, кто может покинуть Россию, тот это сделал. Те, кто остался, сделали свой выбор. Это всегда индивидуальный выбор, где надо сбалансировать профессиональное и гражданское, что бывает очень сложно сделать. А значит, никакого универсального ответа на этот вопрос нет.

— **Зайдя в книжный магазин в Лондоне, я увидела три стеллажа книг, посвященных России, среди которых много новых. Растет ли интерес к ней, как рос во времена холодной войны, могут ли наши уехавшие слависты рассчитывать на работу по специальности?**

— Думаю, бума не произойдет, хотя многое будет зависеть от того, как будет развиваться нынешний режим. Но, конечно, экспертиза по России будет нужна. Не знаю, насколько удастся людям рассосаться здесь на всяких кафедрах, потому что места сокращаются, и сокращаются не только русисты, в тяжелом упадке находится вся гуманитаристика. Кризис *liberal arts* и *liberal education* в целом — это общий процесс на Западе, связанный с целым рядом причин, в том числе и финансовых. И я не ожидаю ренессанса русистики, полагаю, что она будет в общем нишевая. Холодная война, конечно, никуда не денется, но мне кажется, что она не будет сфокусирована на России. Как только горячая фаза противостояния пройдет, она перефокусируется на что-то другое, на Китай, например.

— **Сокращение мест и финансирования связано с падением интереса к гуманитарным наукам?**

— Конечно. Образование дорожает, особенно частные колледжи. Оно все больше превращается в профессионально ориентированное — я иду учиться на программиста, я иду учиться на врача, инженера, поскольку образование рассматривается как инвестиция. И, естественно, гуманитаристика просто вытесняется как не приносящая не то что больших доходов, но даже не окупается. Процесс займет много времени и не везде закончится так плачевно. В Гарварде, в Оксфорде всегда будут сильные кафедры, но, например, в Англии уже на моем веку закрылось больше половины программ, департаментов славистики.

— **Не грозит ли это дегуманизацией общества?**

— Несомненно, кризис гуманитарного образования, падения интереса к нему — это серьезный индикатор неблагополучия, но в итоге, я уверен, будет найден новый баланс.

Беседовала
Ольга Тимофеева

Тени забытых потомков

КАК СОВРЕМЕННОЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЕ
КИНО ОПИСЫВАЕТ МИР ВОКРУГ?
КАКИЕ У НИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ?
КАКАЯ МЕЖДУ НИМИ ДИСТАНЦИЯ?

ВОПРОСЫ НЕПРОСТЫЕ.
ТЕМ БОЛЕЕ КОГДА РЕЧЬ ИДЕТ
НЕ О ДОКУМЕНТАЛЬНОМ КИНО,
А ИГРОВОМ. МЫ ПОПЫТАЛИСЬ
В ЭТИХ ВОПРОСАХ РАЗОБРАТЬСЯ.

Лариса
Малюкова

«Этот Полифем не может
жить без патриотизма.
Братья Стругацкие

Не секрет, что экран способен менять наше отношение к действительности. Придуманная Лукасом религия джедаизм официально признана в Британии и насчитывает, согласно переписи 2003-го, больше адептов, чем иудаизм и буддизм. Экран способен поляризовать общественное мнение, переписывать историю. И давнюю (примеров тому множество), и современную, как в фильме «Свидетель», в котором музыкант, герой Карена Бадалова, становится «очевидцем преступлений, которые совершает украинская «военщина». Или вагнеровские боевики, вроде «Лучших в аду» или «Солнцепака» с Алексеем Кравченко, которые и по сей день лежат на платформах, призывая к ненависти.

Образ, просуфлированный идеологией, господствует над действительностью, вытесняя, перекрашивая реальность. Сегодня выделяются огромные средства на утверждение сформулированного партией, правительством и «Историческим обществом» миропонимания. Снимаются фильмы про СВО. Про ее героев, противостоящих «бандеровцам». Срочно корректируются уже идущие популярные у молодежи проекты. Например, хитовый сериал «Реальные пацаны», 13 лет выходивший на ТНТ, завершился поддержкой российских военных: главный герой вместе с женой едет навестить в госпитале раненых солдат.

«Потому что идеология и есть питательный бульон, — говорит Юрий Норштейн, — для отыскивания врагов, ее крикливость поглощает личность, порождая боязнь собственных мыслей». Кинематограф объединяет? Так соединим зрительскую аудиторию взаимным

«Летом асфальт теплый»

«Привет, мама»

«Край надломленной луны»

страхом, который, по мнению древних? — едва ли не самый надежный из союзов.

«Будем убежать быстро,
но мужественно.
«Мадагаскар»

Если говорить о кинопотоке в целом, то очевидно: бегство от реальности охватило и коммерческое кино, и авторское.

Просто способы побега у всех разные. Авторское кино в еще большей степени, чем раньше, сосредоточилось на глубоко интимных, личных признаниях. Словно мир сузился до комнаты, из которой боятся выйти герои. Точнее, героини.

У кинематографа последних лет — женское лицо и женская оптика. Если говорить о главных режиссерских именах этого года, то это Наталья Мещанинова, Иля Малахова, Любовь Мухоменова, Малика Мусаева, Светлана Самошина, Оксана Бычкова, Анна Кузнецова, Ирина Бас. И разумеется, их героини — женщины. Пережившая насилие тинейджерка и ее забытая мама в «Маленьком ночном секрете» у Мещаниновой. Смирившаяся с устоями патриархального общества мечтательная девушка из фильма «Клетка ищет птицу» Малики Мусаевой. А у Или Малаховой в «Привет, мама» сразу четыре потерянных в питерском сумраке сестры. И едва ли не во всех картинах — конфликт младших со старшим поколением — и в этом противостоянии попытка обрести самостоятельность... во время, когда самостоятельность практически отменяется («Летом асфальт теплый», «Привет, мама», «Край надломленной луны», «Каникулы»).

Узловой конфликт этих и многих других фестивальных картин — попытка самоидентификации, поиск ответа на вечный, как мир, вопрос: «Но кто мы и откуда?».

Формально события картин развиваются в разных городах и весях: Петербурге, Перми, Тбилиси, Сочи, но внешний пейзаж, как и сама шершавая, путаная, неопределенная современность, — словно размыты, линза авторского внимания сфокусирована исключительно на внутреннем состоянии.

Вы спросите, почему подавляющее число историй про женщин? Потому что с мужчинами непонятно-невнятно. Кажется, что у героев пропал голос, внутренний текст. У женщин более очевидная биологическая связь с действительностью.

Тени забытых потомков

Ей надо накормить и отправить в школу ребенка («Привет, мама», «Край надломленной луны»), вытащить из черной дыры увязшего в кризисе среднего возраста мужчину («Нина»), как-то объяснить детям, что мир несправедлив и надежда на будущее исключительно в собственных резервах («Каникулы»). Нужно найти слова, силы жить и дышать. Эти героини — в отсутствие героев — сами блуждают в тумане, скрывающем ясные жизненные ориентиры, вне системы координат пытаются сохранить равновесие, искру собственной уникальности.

Мужчины в нынешнем молодом арт-кино, выражающем самочувствие поколения, — всадники без головы, не знающие, куда бежать. В хулиганском панк-фэнтези Михаила Местецкого «Год рождения» солист группы «Яичный свет» (Юра Борисов) из депрессивно-безнадежного города Металлогорск, свирепствуя на сцене, в какой-то момент взлетает на верхотуру и под рев толпы бензопилой отрезает себе... голову. Он из бесшабашных 90-х. А его потомок даже фестиваль, посвященный тем самым «яичным панкам», организовать не может. Ему предлагают альтернативу — городской фестиваль «Холодец» с пивом и окороком на закуску. Герои Евгения Цыганова в глубочайшем, едва совместимом с жизнью кризисе сразу в нескольких картинах («Нина», «Блондинка»).

Раскуроченная, задохнувшаяся от ужаса немоты реальность ускользает, покидает наше кино. Борис Хлебников — один из самых тонко чувствующих и честных режиссеров, говорит: «Мы в эпицентре трагедии, когда невозможно описывать действительность. Американцы свою

«Нина»

вьетнамскую трагедию начали описывать пять лет спустя».

Разумеется, у экрана есть тысячи способов рассказать о том, что с нами происходит. Порой самый острый жанр, триллер, фантастика или даже комедия пытаются дать нам представление о нашей трудно понимаемой умом действительности, в которую все труднее верить.

«**Фантастика — подлинный язык эпохи Освенцима, Олдермастона и Энвентока.**
Джеймс Баллард

Авторы ищут лазейки, способы коммуникации с современностью... в обход. Прежде всего, через фантастику и фэнтези, но главный жанр времени — антиутопия.

В параллельном пространстве можно говорить о том, что тебя волнует. Как точно заметил Алайв Льюис: «Сбегают обычно из тюрьмы».

Режиссеры упаковывают свои высказывания в миксовую жанровую упаковку. Вышедшая на экраны магическая драма «Чувства Анны» о том, как работница шоколадной фабрики — в духе Сорокина — слышит голоса инопланетян и предупреждает соотечественников о приближающемся апокалипсисе, — сплав авторского sci-fi, мелодрамы и притчи. Кино о том, что склонность к насилию вот-вот приведет к тотальному самоуничтожению. Что душа не успевает за технологиями, создающими орудия массового уничтожения.

Режиссеры, ринувшиеся в скай-фай, считают, что реальная жизнь столь тяжела, в ней столько боли и неразрешимых проблем, что необходимо обезболивающее, которое они обеспечивают своими невероятными путешествиями в запредельное.

Беллетризованная экраном действительность уводит в воображаемые миры. Но это не значит, что их создатели не заняты поиском смыслов. Напротив, через увеличительное стекло дистопии они стремятся заглянуть вглубь реальности, чтобы понять ее вещество.

В антиутопии «Аквариум» Илья Шагалов описывает стерильный мир, в котором запрещены эмоции. Толерантность, доведенная до абсурда, управляема страхом и доносительством. Нарушители идеального миропорядка сначала превращаются в изгоев, а потом исчезают в таинственном Анклаве, откуда нет пути назад. Показательно, что жюри фестиваля «Короча» наградило этот фантастический фильм призом с формулировкой «За правду».

«Аквариум»

Режиссеры не только из-за поиска эзопова языка заигрывают с жанрами — им жизненно необходим контакт со зрителем.

В «Контактах» Дмитрия Моисеева пришельцы — «биопаги», или Виталики — живут среди нас, но общение с ними строжайше запрещено. Тем не менее бывшая медсестра Нина не может избавиться от рудиментарной в сегодняшней жизни эмпатии, ухаживая за немощным пришельцем Виталиком...

Алексей Федорченко привычно шьет из мифов и легенд параллельную реальность в своей киномистификации «Новый Берлин». С маниакальной достоверностью создает на экране катакомбное ледовое микросударство подо льдами Антарктиды, где укрылись бежавшие после разгрома нацисты. Чисто арийское, клаустрофобическое без единого луча света темное царство, из которого пытаются найти выход молодые, рвущиеся на волю из ледяного мира.

Любовь Мульменко превратила в ледяную сказку мелодраму «Фрау», смешав волшебство и обыденность, рассказав

«Фрау»

космонавта, чье имя стерли из истории после происшествия во время полета. Космическая миссия оказалась невыполнимой. А вместо супермена вроде Тома Круза, знающего ответы на все вопросы, перед нами напуганный провалами в памяти советский отличник, залетевший в нашу эпоху и с трудом выдерживающий проверку на дорогах времени.

Люди «той страны», так и не прижившиеся в «этой», — в архаической «Нише» Антона Ермолина.

Герой конспирологического сновидения маленький человек Вячеслав

историю любви принцессы и аутичного «дровосека».

Мало того что реальность растворяется в похожем на обман синем тумане, но и сами герои застревают во временной щели между прошлым и настоящим. Авторы «Человека ниоткуда» придумали образ первого советского

При всей фантазмагоричности эти фильмы объясняют нас, сегодняшних, лучше иных документальных исследований. Жанр позволяет удвоить наше бытие в мире, посмотреть на реальность изнутри и снаружи, использовать «грезы подключенного мира» как способ выяснения личности, выражения своего внутреннего состояния. А современный классик и мудрец Вернер Херцог и называет кинематограф насыщенной летописью человеческого состояния. Что может быть важнее?

Чем больше вымысел, тем правдивей поэзия, со времен Софокла и Шекспира постулаты искусства мало изменились. К тому же без фантазии в нашем ржавом Металлогорске просто не выжить, а моментами, как говорят герои фильма Местецкого, вообще труба.

«Новый Берлин»

Владимир Свирский) с помощью биолокационной рамки собирает в банку энергию тех, кого любит. Он «третьим глазом» видит: граждане той, исчезнувшей с новогодним прощанием Ельцина страны, словно переместились за побитый молью «ковер» и там продолжают одобрять решения съездов и верить в заоблачное будущее.

Вот и празднуем со слезами на глазах победу невесомой мечты и небывальщины над грузом реальности, которая распадается-расползается не только на экране, но и в жизни — на пиксели. Поэтому лучшие из авторов и пытаются «сквозь тусклое стекло» объектива рассмотреть собственное одиночество, бесприютность, обратиться, как завещал Бергман, к собственной совести, к потаенным закоулкам души.

Тени забытых потомков

Кинематографисты, как и все мы, оказались в воронке странного, температурного, свихнувшегося времени. Когда можно поплатиться за гуманитарные ценности, за саму мысль про то, что жизнь лучше смерти, что одному человеку не надо убивать другого. Наши талантливые авторы: якутские режиссеры Степан

Бурнашев («Айта») и Дмитрий Давыдов («Молодость», «Чума»), Татьяна Рахманова («Королевство»), Роман Михайлов («Наследие», «Отпуск в октябре») — не прячутся от боли времени. Но кино воспринимают как спасительный круг или способ понять: что со всеми нами происходит. Ведь в этих сновидческих фантазиях реальность трансформируется в наши ощущения. Это свидетельства на уровне чувств.

Но самое печальное и драматичное, что этот авторский кинематограф нашего немого времени остается вещью в себе. Лучшие фильмы года, такие как «Чувства Анны» или «Год рождения», — проваливаются в прокате. Хотя это не забубенный артхаус, а по-настоящему авторские, эмоциональные, умные и важные фильмы. Но их аудитория в большом процентном соотношении уехала в другие страны. Их не хотят брать кинотеатры, не желают и

содержательного кино к зрителю. А арт-кино нуждается в особой стратегии продвижения, продуманном маркетинге, без которых даже такой яркий криминальный психотриллер, как «Кентавр» с Юрой Борисовым и Настей Талызиной, собирает скромную кассу.

Авторское кино — за отсутствием адресата-зрителя — сегодня под угрозой исчезновения или полнейшей маргинализации

не умеют продвигать прокатчики. При мизерных бюджетах фильмов — и средств на продвижение нет. Вышла себе картина тихонько-тихонько в «отдельных» кинотеатрах одним сеансом. Зритель о ней и слухом не слышал. Поэтому многие продюсеры сегодня и не помышляют о выходе фильма на большой экран. Продать бы на платформу или в телек. И слава богу.

Нет способа доставки умного

Мы рождены, чтоб быть забылась сказкой.

А где же зритель?

А он массовыми шеренгами — взрослые + дети — идет смотреть сказки.

В России сегодня какой-то недетский бум киносказок, даже в застойные 1970-е подобного не было. Сказки — рекордсмены бокс-офиса, рулевые и главный кошелек кинотеатров. Только в этом году три картины преодолели планку в миллиард рублей: «Чебурашка» Дмитрия Дьяченко, «Вызов» Клим Шипенко и «По-шучьему велению» Александра Войтинского, который продолжает фольклорную линейку нашего главного сказочника, самого опытного из продюсеров Сергея Сельянова. Киносказок в богатой фильмографии Сельянова уже с три десятка. И мы же понимаем, что аттракционное кино про волшебство — прежде всего продюсерский «продукт».

Почему сказка? Потому что безопасно, нарядно, вселяет надежду на чудо.

А на что еще нам надеяться?

«Молодость»

«Чума»

«Наследие»

«Королевство»

Все истории построены по принципу диснеевских сюжетов: «А что если?»

Александр Войтинский объясняет так: «В сложившейся мировой политической обстановке российские специалисты ограничены в темах и поэтому обращаются к тому, что уже всем известно, и освещают «вечные ценности».

Сказки стали особенно популярны с уходом Голливуда, а зритель по-прежнему нуждается в зрелище. Афишу надо заполнять. И аудитории явно нравится перелицовка российской классики, ремейки советских мультфильмов, знакомые с детства сюжеты. Одним словом, старые сказки о главном.

Кроме того, известно, что в авторитарных режимах социум инфантилизируется. Существуют факторы, которые отменяют взрослость общества в прежнем ее понимании:

— государство берет на себя функции строгого жестокосердного родителя, указывающего, как себя вести и чего делать-говорить нельзя ни при каких обстоятельствах;

— уехали наиболее энергичные, самостоятельные представители активного молодого поколения — главной аудитории неглупого, требующего соучастия кино;

знакомых с детства сюжетах... но в новой, компьютерной упаковке.

Вообразите только этот размах. Среди грядущих премьер: «Баба Яга спасает мир» и «Молодая Яга», «Бременские музыканты», «Летучий корабль» и «Волшебник Изумрудного города», «Финист. Первый богатырь», «Последний богатырь. Наследие» и очередной «Илья Муромец», «Золотой Петушок», «Огниво» и «Огниво против волшебной скважины». А еще «Буратино», разумеется, который не хотел читать азбуку, зато верил в «поле чудес в стране дураков».

За исключением космического «Вызова», который тоже в каком-то смысле небывальщина (про полостную операцию в космосе), все кар-

— в смутные времена место научных данных занимают волшебство и мистика. Человек цепляется за иллюзии, потусторонние силы, как дитя за плюшевую игрушку темной ночью. Поэтому сегодня взрослый соотечественник, так же как ребенок, нуждается в

тины о том, что спасет нас чудо. Вся надежда на Шуку, Конька-Горбунка, благородного Кошея, Водяного, и Чебурашку. Они и врага победят, и из беды нас выручат... пока мы на печи бременских музыкантов слушаем.

Нам бы баян-самоигран со скатертью-самобранкой, денежное дерево и чашу с кипятком — мы любого коллективного британского посла, искушающего наших царевен подлыми гаджетами, одолеем.

Мы особенные. В «Коньке-Горбунке» Олега Погодина после пробуждения царя показан рассвет, но солнце встает в другую сторону. Это закат, «прокрученный» назад.

Как они догадались?

Лариса Малюкова

«Баба Яга спасает мир»

ЮБИЛЕЙ МХТ КАК ВЕКТОР
ТЕАТРАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

Плюшевые чайки

Марина Токарева

Драматический театр сегодня все время бьет током: запрещаются спектакли, закрываются имена, обрушиваются репертуары.

А театральную публику начальство всех уровней воспринимает не иначе, как участников несанкционированного митинга, если только на сцене не «Мадам Нитуш» и зал не рукоплещет шпагату Марии Ароновой.

Уровень подозрительности по отношению к «живому театру» вырос кратно, уровень доносивательства на артистов и спектакли множится день ото дня, но и солидарность зала с происходящим на сцене беспримерна. В том случае, конечно, если на ней творится искусство.

Весь 2023 год прошел под знаком 125-летия Московского Художественного театра. Праздновали оба «наследника». На Тверском бульваре пышный ремонт сделал Владимир Кехман: «Мы приглашаем вас, дорогие зрители, не просто на спектакли, мы приглашаем в то место, где хорошо и телу, и душе. Во время дневных спектаклей солнечные лучи падают на червленое золото, которым украшено фойе, и создают необыкновенные краски», — прорекламировал он свои заслуги.

И в Камергерском переулке, где Константин Хабенский старался весь сезон и под финал устроил юбилейный вечер.

Вечер стал тестом. Тест, как известно по словарям, дает возможность «изучения глубинных процессов деятельности системы, посредством отслеживания доступных наблюдению изменений в ней».

Так вот, именно отслеживанием доступного наблюдению и займемся.

«Если потускнела вся страна, мог ли не потускнеть театр», — сказал некогда Василий Качалов. В то, как именно потускнел нынешний МХТ, стоит взглянуть пристальней. Тут — портрет явления.

Праздник стал поистине громким. Уровень событийности граничил со скандалом. Нет, никто не нарушал приличий, все звезды труппы присутствовали, все начальники пришли, всех щедро поили и кормили. Но в этот вечер на сцене были упразднены достоинство легендарного театра и его художественная идея.

По порядку.

Для особого исторического случая худрук МХТ Константин Хабенский заказал пьесу. Драматург Юлия Поспелова ее написала. Режиссер Денис Азаров по ней поставил спектакль. Называется предельно нейтрально: «9 ряд. 10, 11 место».

Заметим: юбилею предшествовал анекдот. Недели за две до премьеры Константин Хабенский посетил Инну Натановну Соловьеву. Для этого визита лично прочел и в собственном испол-

рассказывают, защитить «драматургию» Хабенский.

Он и сам не понимал, до какой степени прав.

Все, что мы увидели, было про беспомощность. Жалкую беспомощность перед великой сценой.

Вместо цельного сюжета — россыпь эпизодов с основной линией: некий режиссер не справляется с постановкой (вообразите — «Трех сестер») и хочет понять, что с ним и с нею не так. Однажды на репетиции ему кажется, что носитель истины — монтировщик, который молчит и жуёт шаурму. В попытках приблизиться к истине режиссер тоже заказывает шаурму. Прямо в театр ее привозит курьер-изготовитель из солнечной Азии. И рассказывает режиссеру много интересного: шаурма бывает в размерах М и XL, есть особые секреты изготовления, и монтировщик всегда заказывает XL. Режиссер, промахнувшись с размером (для начала заказал М), вдумчиво пробует. Не помогает. Заказав максимальную шаурму, отправляется к монтировщику домой. Тот спит. Шаурма торчит с двух сторон из карманов пиджака режиссера. Он будит

Александра ТОРГУШНИКОВА

Спектакль «9 ряд. 10, 11 место»

нении записал на диктофон избранные сцены из заказанной пьесы. Хотел из уст самого знаменитого и титулованного историка МХТ услышать благословение тому, что собирался предложить почтенной публике. Не услышал. Главная оценка — исторически беспомощно.

— Но ведь это и правда про режиссуру, про беспомощность! — попытался,

монтировщика, пытается наладить диалог, но тот, кутаясь в одеяло, бормочет бессвязное. Режиссер оставляет на диване шаурму из обоих карманов и уходит. Решение «Трех сестер» не найдено.

Плюшевые чайки

Шаурма становится лейтмотивом спектакля, тем более что монтировщик играет сам Хабенский, чей вид в трусах, прямо скажем, не явление Авроры.

...Еще на сцене странная пара. То что-то ищут под столом, то неистово гребут сквозь туман. Оказывается, Кнебель и Станиславский.

Гребут, чтобы из тумана, как говорит он, показалась — она! Кто? Сверхзадача!

Знаменитое «...они уходят от нас» из финала «Трех сестер» возникает в разговоре двух капельдинерш о кошках: этой фразой выражена глубокая печаль от утраты домашних питомцев.

Два раза над сценой возносится огромный портрет. Полагаете, Чехова? Горького? Нет, Сталина: нынешнее руководство МХТ в тренде. И по итогам показанного начинает тревожить вопрос: ел ли Сталин шаурму?..

Кроме того, в начале, середине и конце спектакля появляются народные артисты страны Наталья Тенякова и Станислав Любшин. Они и сидят на пресловутых местах в девятом ряду (на сцене зрительный зал), пожилая пара, у которой был длинный роман, так и не ставший браком.

Жаль прекрасных артистов, но даже благородство мастерства и возраста не спасало. Самой запоминающейся репликой в их диалоге было много-много раз повторенное «наши места».

Что ж, «наши места» и не наши места — и впрямь важная тема. Не столько пьесы, сколько всего происходящего сегодня в МХТ. Со времени своего назначения художественным руководителем Константин Хабенский так и не смог убедительно подтвердить право занимать это кресло. Премия, которую он учредил, репертуар, которым «обогатился» МХТ, сам юбилей — сеанс чистого разоблачения магии актерского имени и морока чиновничьих идей, обеспечивших ему место. Кто б ни приложил к этому руку, результатом «рукоприкладства» в этот вечер мог гордиться особо. Кстати, министр культуры РФ,

из всех начальников единственная, на торжество не явилась.

...Просвет во всем действе — Михаил Пореченков в роли Немировича-Данченко. Подавленный и помятый, он репетирует речь для советской общест-венности со всеми положенными в тридцатые годы фиоритурами, слепо двигается по сцене, вглядывается в бумажку, приучает голос к чужеродным словам, и тут настоящая драма основоположника. Точку в ней ставит титр: «Речь не была произнесена».

Думали сделать смешно, а вышло скучно. Хотели снизить пафос, посмеяться над историей и ее, типа, штампами. А высмеяли себя. Самые осторожные из зрителей шепотом кричали «Позор!», самые далекие от театра пере-глядывались с немим вопросом: как реагировать? А самые многоопытные, не задерживаясь, устремлялись в фойе снять стресс.

У художественного руководителя-директора хорошо получилось одно: собрать VIP-зал. Но над ним стоял явственный чад доходного места, которым теперь стал МХТ.

Да и послевкусие, с кем ни поговори, было беспрецедентным. Редчайший случай: студенты и чиновники, критики и артисты, режиссеры и врачи были единогласны. Одни дивились, как такое вообще возможно, другие, как это можно оставлять в репертуаре, а третьи прямо осведомлялись, не сошел ли худрук с ума. Да нет. Просто он так понимает место и время. Разительный контраст с прошлым. Такая огромная сложность — человека и жизни — «поднята» Художественным театром за век с четвертью, неужели для того, чтобы простое сознание восторжествовало на первой сцене страны?

На юбилейном торте, увы, много «вишенок».

Александра ТОРГУШНИКОВА

Спектакль «9 ряд. 10, 11 место»

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Денис
ДРАГУНСКИЙ:

«Положительные герои
у меня есть,
это — вы,

ПИСАТЕЛЬ
ПРЕДСТАВЛЯЕТ СВОЮ
НОВУЮ КНИГУ
«ДВОЮРОДНАЯ ЖИЗНЬ».
А «ГОРБИ» ПУБЛИКУЕТ
ИЗ ЭТОГО СБОРНИКА
ТРИ РАССКАЗА
*(он в декабре выйдет
в издательстве АСТ,
«Редакция Елены Шубиной»)*

Денис Драгунский — писатель и журналист, сын Виктора Драгунского, создателя «Денискиных рассказов». Их слава и всенародная любовь долго мешали их прототипу выйти из тени своего литературного двойника. В конце концов автор романа «Дело

принципа», книг «Вид с метрооста», «Каменное сердце», «Окна во двор», «Отнимать и подглядывать», «Мальчик, дяденька и я», «Взрослые люди», «Пять минут прощания» и других вступил в диалог с персонажем в недавно вышедшем романе «Подлинная жизнь Дениса Кораблёва». В этом автобиографическом повествовании писатель не сбивает романтический флер со знаменитого

героя, он просто показывает себя и других такими, какими видит их через призму собственных воспоминаний, рассказов родителей и друзей (от выдающихся писателей до одноклассников). Роман — увлекательный экскурс в жизнь Москвы второй половины XX века, в котором сплетены беспощадная наблюдательность и метафизика, обескураживающая искренность и ироничность, предельная четкость выражения и скудность средств. Эти присущие авторскому стилю черты на полную мощь проявились и в сборнике его новых рассказов, три из которых мы сегодня предлагаем читателям.

МОИ УМНЫЕ И ДОБРЫЕ ЧИТАТЕЛИ!»

Двадцать пятый номер

Первая книга прозы у меня вышла в мае 2009 года. В декабре 2023-го выходит двадцать пятая — юбилей своего рода. Двадцать пятая «номерная», как говорят рок-музыканты, то есть не считая переизданий.

Новый сборник называется «Двоюродная жизнь». Так озаглавлен рассказ о том, как овдовевшая богатая дама искренне, но безуспешно пытается помочь своей простецкой кузине и ее дочери. В книге много рассказов парадоксальных и резких, с неременной неожиданной развязкой, как и положено в классической новелле.

Все они — о любви. О культовом философе, который платонически влюбился в учительницу из провинции («Что такое философия»). О слабовольном пареньке, который всю жизнь мечтал отомстить за свои поруганные чувства («Зассыка»). О фантазиях преуспевающей банковской служащей («Атмосфера»). О девушке, которая готова пойти в тюрьму, только бы не признаться, что мама была права («Незнакомый мужчина»). О диверсанте, который спасает любимую, но не получает заслуженной любви

(«Мы простимся на мосту»), и еще три десятка новелл. Кроме того, в сборнике — эссе о литературе, подслушанные разговоры, диалоги о счастье, ресторанные хроники, семейные сцены, пародии, фантастические интервью, а также длинный рассказ «После тела» — весьма дерзкая версия толстовского «После бала», насыщенная плотью, кровью, бесстыдно обнаженной эротикой и многочисленными явными и скрытыми цитатами из Льва Николаевича. Завершает книгу повесть «Третий роман писателя Абрикосова» — о не слишком талантливом литераторе и его гениальной ученице.

Меня все время спрашивают: «Почему в ваших книгах все персонажи — то слабаки, то пошляки, а то и вовсе негодяи? Почему у вас нет положительного героя?» Отвечаю: «Положительные герои у меня есть, их очень много. Это — вы, мои умные и добрые читатели! Вы, которые способны понять и пожалеть запутавшихся в жизни персонажей моих книг».

ЛЕГКАЯ ДЕВОЧКА

Денис
ДРАГУНСКИЙ

— **М**ама! — вдруг позвала Юля из своей комнаты. — Ты где?
Наталья Сергеевна замерла и приоткрыла рот. Потом прикусила губу. Не сказать, чтобы задохнулась. Но сердце забилося, и шея вспотела, сзади. Она вытерла испарину ладонью. Слава тебе, господи. Наконец. Шесть лет прошло. Девочка первый раз произнесла это слово.

Какое счастье.

А как ужасно все начиналось!

Они с Дмитрием Васильевичем чуть не развелись из-за этого. Нет, вы представляете себе: муж вдруг заявляет жене, что у него есть дочь. Побочная, извините за выражение. Девяти лет. Зовут Юля. Говорит, что он ее признал, дал свою фамилию. И что он все это время тайком ей помогал. То есть маме ее помогал, на самом-то деле. Маму зовут, конечно же, Кристина. «Конечно» — это с горькой иронией произнесла в уме Наталья Сергеевна; хотя что такого в

имени Кристина? Да ничего; а все равно: она просто Наталья, а там этакая вся из себя, ах, Кри-стиии-на.

Правда, муж клялся и божился, что с этой Кристиной он не общается, и дочку последний раз видел два года назад. Он вообще сомневается, что девочка знает, кто ее папа.

— Ну и всё, — сказала Наталья Сергеевна и махнула рукой.

Но это было еще не всё.

Кристина собралась за границу, устроилась на хорошую работу, и с потрясающей непринужденностью попросила Дмитрия Васильевича взять девочку себе. В свою семью. Тем более что у них с Натальей Сергеевной детей не было.

Наглость, конечно, несусветная. Замешанная на моральном шантаже: «а иначе я твою дочь отдам в интернат». В детский приют, проще говоря. Потому что своих родственников у этой Кристины не было. Или были где-то на Хренуткином Хуторе, и она с ними дела иметь не желала. Да и вообще: отдать московскую девочку троюродной тете на Хренуткин Хутор — лучше уж в детский приют.

Наталья Сергеевна думала ровно десять минут. В полной тишине. Потому что было без десяти семь.

Когда на телевизоре выскочили цифры «19.00», она встала с кресла и сказала:

— Берем.

Дмитрий Васильевич поцеловал жену и радостно сказал, что Юля — по словам Кристины, ее матери — очень легкая девочка.

Да, правда.

Ни капризов, ни скандалов, ни требований, ни слез. И в школе порядок — со всеми в классе дружит, учится хорошо. Сидит за столом, подперев головку худыми кулачками, и учебник читает. Вилку держит правильно. Спит ручки под щечку. Даже когда пошел переходный возраст — двенадцать, тринадцать, четырнадцать — такая же вежливая. Дмитрия Васильевича называла папой, а Наталью Сергеевну — никак. Исхитрялась, чтоб без обращения. «Простите... А вот можно... Видите ли... Как вы думаете...» и все такое. И строго на «вы».

Наталья Сергеевна не давила на девочку в этом смысле. Просто старалась быть с ней еще ласковее, еще мягче и роднее.

Потому что буквально через два-три месяца после того, как Юля переехала к ним, Наталья Сергеевна полюбила ее. Это как-то само случилось, незаметно, но быстро: непонятный чужой ребенок, посторонний человек в доме, вдруг превратился в часть ее жизни, в «кусочек себя», как признавалась Наталья Сергеевна мужу. Возвращаясь со службы домой — особенно осенью и зимой, когда свет зажигают рано — она стояла недолго во дворе, всматриваясь в окна и радуясь, если там мелькнет Юлина тень. А потом специально звонила в дверь, чтоб услышать легкий топот по коридору, и была счастлива. Она ждала, что все получится само.

Вот оно и получилось.

В пятнадцать лет Юля первый раз, так легко, естественно и просто, как будто говорила это слово по сто раз в день, позвала из своей комнаты:

— Мама! Ты где?

— На кухне! — отозвалась Наталья Сергеевна из кухни. — Иду, доченька.

— Что ты, что ты, это я к тебе иду...

Ах, этот милый невесомый топот почти детских ножек, обутых в тонкие домашние балетки! Юля вбежала, обняла Наталью Сергеевну, посмотрела ей в глаза и сказала:

— Мама! Я получила письмо от... От Кристины Михайловны. В смысле, от бывшей мамы. Ну, в смысле настоящей. Ой, нет. То есть биологической... Прости, запуталась...

Уселась на табурет и рассказала, что «мама Кристина» в Германии устроила себе личную жизнь. Вышла замуж за очень крутого дядю. Его должны избрать депутатом в региональную, эту, типа, думу. Ландтаг, вот! А там журналисты. Они уже пронюхали, что его жена — то есть «мама Кристина» — оставила дочь в ужасной-опасной России. Это плохо для репутации перед выборами.

— А что в России так ужасно-опасно? — как-то некстати спросила Наталья Сергеевна.

— Да все понятно! — махнула рукой Юля. — В общем, надо, чтоб я была с ними.

— Непонятно вот что, — еще нелепее спросила Наталья Сергеевна. — Ты хочешь туда, чтобы выручить нового мужа матери? Или тебе самой очень хочется? Типа, новая жизнь, да? — под- сказала она.

Юля молчала долго. Наверное, минуту или две.

На кухонном таймере было 18.58. Выскочило 19.00.

— Я так тебе благодарна, мама! — чуть не заплакала Юля. — За всё, за всё!

Наталья Сергеевна собралась было сказать, что благодарность бывает не на словах, а на деле, но подумала: «Чего же я хочу? Чтоб девочка в отплату за шесть лет любви и заботы отказалась от новой жизни в новой стране? От прекрасной, интересной и легкой, как ей сейчас мечтается, жизни. Зачем?»

Поэтому она только спросила:

— А папа знает?

— Да, — сказала Юля. — Он мне оформил разрешение, сделал паспорт и купил билет.

— Дай я тебя поцелую.

— Мама! — Юля обняла и тоже расцеловала Наталью Сергеевну.

Наталья Сергеевна ощутила ее горячую щеку и подумала, что все-таки надо развестись с Дмитрием Васильевичем. Поскорее. Несмотря на двадцать три года совместной жизни. Но разве это жизнь, когда всё — так?

Она засмеялась, обнимая его в ответ:

— Что, сильно повзрослела?

— Не сильней, чем я.

Она чмокнула его в щеку. Он ее — тоже. Астматический запах духов. Отступил на полшага. Посмотрел на нее быстро, но внимательно. Да, повзрослела. Обдергалась, извините. Он тоже не помолодел, и тоже не в «Бриони».

Но не в том дело, господи!

Он вдруг почувствовал мороз на щеках. Вспомнил, как они ездили компанией на дачу к однокурснику Василькову — у того родители в командировке. Зима. Скрипучий искрящийся снег. Огромный дом. Камин. Много комнат. Луна в окне второго этажа. Верхушки елок. Картинка! И гадчайшее чувство одиночества, брошенности, ненужности.

Мура и Мира.

Он — Саша Муромцев. Красивая фамилия, кстати. Никакого отношения к знаменитому дворянскому клану — но все равно приятно. Кстати говоря, Мурой его прозвала она. Почему? Да так. Когда впервые познакомились, на первом курсе. «Я Мира, а ты будешь Мура! Мира и Мура, а?» То есть сразу как будто пристегнула к себе.

Мира Захарова. Почему Мира? Нет, не еврейка. Папа так назвал. Профессиональный советский «борец за мир». Но не из Комитета защиты мира, что на проспекте Мира — забирай выше, из Всемирного совета мира... Сначала Вена, потом Хельсинки. Всякие Пикассо, Арагоны и прочие Жолио-Кюри. Мира родилась где-то там, и прожила в Европе чуть ли не десять лет.

— Ну, что ты, как ты? — спросил он.

— Пригласил бы девушку в кафе! — ответила она.

Там рядом была «Шоколадница».

Сели.

— А ты как?

— Нормально, — сказал Мура. — Жена-дети. Живу тут недалеко. Вот, вышел пройтись. Замдиректора издательства. Небольшое, но нам с ребятами хватает. Плюс разные совместные проекты.

— Отлично! — сказала Мира. — А я как раз перевожу!

— О! — Мура бодро поднял брови. — Романы? Или нон-фикшн? С какого?

— С немецкого и финского. Романы тоже, в том числе.

— Хорошо. Ты лучше о себе расскажи.

Она рассказала. Хотя могла бы и не рассказывать, Мура все и так увидел, по ее плащу, сумочке, ногтям и особенно — по туфлям. И еще — по удушливому парфюму. «Не увидел, а учуял», — в уме произнес он.

Итак, был муж — она нарочно отчетливо произнесла его имя-отчество-фамилию, чтоб Мура понял, что это не Коля Бахарев, к которому она от него убежала на глазах всей компании, в новогоднюю ночь, на даче у Василькова. Добавила, что Коля Бахарев пропал в конце девяностых. «Кажется, — она прищурилась, — пропал от слова «совсем», ты меня понял?» Мура понял. Она продолжала. Папа давно умер. Мама тоже. Много лет был муж, есть дочка, которая уже выросла; мужа выгнала, потому что полная бестолочь, хотя поначалу папа его одобрил: перспективный молодой человек. «Бездельник, почти что альфонс, и даже хуже, чем сволочь, потому что придраться не к чему», — зло улыбнулась Мира.

— Эх! — сказал Мура и тоже хотел улыбнуться, но не сумел, только губы дрогнули.

МИРА И МУРА

Когда-то здесь — между станцией метро и трамвайным кругом — был небольшой рынок. Несколько тесных рядов — палатки, киоски, стекляшки, и просто прилавки, сверху покрытые то фанерными козырьками, то полосатой парусиной, то кусками пластика на металлических рейках. Овощи, фрукты, мясо, молоко — но и всякие хозяйственные мелочи тоже. Лампочки, например.

Он как раз покупал лампочки. Даже не покупал, а выбирал. Рассматривал, что там выставлено на полках за спиной у продавца.

— Мура! — услышал он.

Обернулся.

Сзади стояла женщина — его возраста, то есть сильно за сорок. Честнее сказать — к пятидесяти. Смотрела на него пристально, будто стыдясь спросить — «узнал?».

Узнал.

— Мира? — спросил на всякий случай. Она кивнула, он протянул к ней руки, взял ее за плечи, придвинул к себе, легонько обнял.

Н а секунду забылись все годы, и вся жизнь куда-то ушла из памяти, и захотелось обнять Миру — но не так, как полчаса назад, осторожно за плечи, а как следует, сильно прижать ее к себе, поцеловать и прошептать: «все будет хорошо», и сделать так, чтоб у нее — и у него с ней — все на самом деле стало хорошо.

Да, это мелькнуло буквально на секунду — он ничего не сказал, даже не вздохнул, не пошевелил рукой ни на миллиметр, но Мира будто почувствовала его смятение, и вдруг, ни с того ни с сего, как бы с чистого листа начиная, спросила:

— Скажи, а ты правда меня любил?

— О, как я тебя любил...

— Да. Я знала.

— Ну вот видишь! — Мура слегка развел руками и наконец улыбнулся.

Улыбнулся добродушно, дружески и чуть-чуть покровительственно. Так улыбается друг юности, который выбился в большие начальники, и вот случайно встретил своего оголодавшего однокурсника, выслушал его невзгоды и, кажется, готов предложить ему помощь.

Мира поймала эту улыбку и сказала:

— Разумеется... — и замолчала.

Он вдруг снова почувствовал зиму, ночь и загородный мороз — хотя сейчас был теплый сентябрь, пять часов дня самое позднее.

Они ехали на Новый год к Василькову, обоим было ясно и понятно, что должно случиться в эту ночь — они специально решили, что все у них начнется с первого января, с первого дня нового года. Боже, как сияли ее глаза, сбоку подсвеченные луной, как бы насквозь пронизанные серебряно-синим светом ночи, когда они вышли из маршрутки и шагали, нагруженные сумками с вином и закусками, по улочкам дачного поселка, и во всех окнах переливались огни новогодних елок, и кто-то весело перекрикивался с соседями, с крыльца на крыльцо, и мороз щипал щеки. На даче Васильков сразу выдал Муре стопку простынок, наволочек и пледов, и указал комнату на втором этаже.

А потом приехал Коля Бахарев. Высокий, пошлово красивый, в просторном узорчатом свитере — и Мура, потом сто раз вспоминая эту ужасную новогоднюю ночь, никак не мог найти этот момент, когда Мира вот только что была с ним, и хохотала, и прижималась плечом — и вдруг она стоит у окна с Колей Бахаревым, смотрит на него снизу вверх, теми же сияющими, луной подсвеченными глазами, смотрит робко и радостно, преданно и покорно, и пальцем водит по его свитеру. Водит своим драгоценным, теплым, с ласковым ноготком пальчиком, который Мура еще два часа назад сжимал и гладил, когда они ехали в маршрутке, и тайком целовал, и облизывал, поднеся ее руку к губам, и косился на ее взгляд, сияющий в темноте, и это сияние было ему — а теперь, значит, все? Почему? За что?

Нет, он не хотел отступить. Были танцы, был чай с тортом, и он пытался ее вернуть, обнять, хотя бы поговорить, но она выскользнула из объятий, ускользала от вопросов, а счастливый соперник все время то курил на крыльце, то заваливался на диван подремать — впрочем, Мура и не собирался бить ему морду, потому что он тут ни при чем, это Мира сама так решила и поступила...

Ужасное, унижительное чувство — вдруг стать неприятным, нежеланным, назойливым. И ненужная стопка наволочек и простынок на диване. Он уехал, не попрощавшись, еще затемно. А потом Мира спокойно здоровалась с ним на факультете, как будто ничего

не было. Нет, не этой подлой ночи не было — а вообще ничего не было, трех месяцев встреч и проводов, кино и театров, поцелуев в подъезде, медленного привыкания друг к другу, осторожных прикосновений, расстегиваний сначала одной пуговицы, потом двух, трех... как будто не было никогда.

— Что «разумеется»? — спросил Мура.

— Разумеется, я не имею морального права просить тебя...

Она подняла глаза и посмотрела на него так же, как тогда смотрела на рослого красавца Колю Бахарева — робко и преданно, радостно и покорно.

И с восторгом, с негодованием, с презрением, уверенный, что его никто — в том числе и он сам себя — за это не осудит, он сказал, отчетливо выговаривая каждое слово, да что там слово — каждую букву:

— Разумеется, не имеешь никакого права!

Встал, подошел к стойке, расплатился и вышел, не оглянувшись на нее.

Потом этот рыночек у станции метро снесли. Теперь на его месте пустое асфальтовое поле, и туча голубей, которых целыми днями кормят старушки и дети. Голуби густо покрывают асфальт белыми кляксами помета — и эта маленькая площадь иногда пахнет курятником.

ИЗ ЖИЗНИ КНИГОЛЮБОВ

Я знаю много историй об утерянных и найденных книгах. Писатель Леонид Юзефович рассказал, как его жена Наташа потеряла второй том «Анны Карениной», взятый у соседки — но самое обидное, что это был том из 12-томного собрания сочинений — то есть урон, нанесенный хозяйке, был бы особенно сильным; даже не знаю, с чем сравнить собрание сочинений с недостающим томом. Однако урон нанесен именно «был бы», потому что поэт Алексей Решетов тут же отдал Юзефовичу нужный том со своей книжной полки... Помню чудесный рассказ одной знакомой, как она забыла в электричке драгоценный томик Кафки, но позволила диспетчеру, он сообщил машинисту, и книгу ей вернули через окно локомотива.

Я сам вспомнил, как мой друг дал мне почитать однотомник Хлебникова 1930-х годов издания; дело было на даче. И вдруг книга исчезла. Я сразу признался другу — вот такая странная неприятность, но подожди, я достану тебе такую же книгу. Через неделю я ее достал-таки, с трудами и немалыми затратами — но что поделаешь... Не точно такую же, но почти! Тоже 1930-х годов, и, кажется, даже еще более редкую. А буквально на завтра на дачу приезжает один наш родственник и говорит: «Вот я у тебя тут книжку взял почитать, держи, возвращаю!» — и отдает мне Хлебникова.

Но вот еще одна история о пропавшем томе собрания сочинений.

* * *

Подруга взяла у меня почитать «Подростка» Достоевского. Это был восьмой том так называемого «серого», или «ермиловского», десятитомного собрания сочинений. Книга толстая, я ее не торопил, но штука в том, что это была не «моя» книга, а «наша», то есть семейная: собрание сочинений Достоевского, среди прочих собраний, стояло в книжном шкафу в гостиной, и я боялся, что отец или мать заметят недостачу — в те годы люди очень ценили свои библиотеки. Так что я придвинул седьмой том к девятому, а спереди поставил статуэтку — фарфорового мальчика с собакой — и стал поторапливать подругу, тем более что прошло уже месяца полтора. Достаточно даже для такого длинного и сумбурного романа.

Подруга сначала три раза забывала взять книгу с собой, идя ко мне на свидание, потом была дико занята, потом уезжала за город, потом принимала кузину из Воронежа, потом тяжело расставалась с любимым человеком, но в конце концов все же призналась: книгу она потеряла.

— Но я тебе ее верну, клянусь! — сказала она со всей серьезностью, и даже взяла меня за руку и сжала мои пальцы, что мне было не так уж приятно, особенно в свете ее рассказов о расставании с «любимым человеком», о котором я узнал внезапно, и был этим, правду сказать, огорчен: я-то думал, что ее любимый человек — это я...

— Клянусь! — повторила она.

— А где ты ее возьмешь? — спросил я, высвобождая пальцы.

— Не вопрос. Запишусь в библиотеку, в абонемент, возьму на дом, а потом скажу, что посеяла. И заплачу штраф, фигню какую-то.

— Нет! — сказал я. — Не годится. Библиотека — это святое.

Я же был настоящим книголюбом. Я не мог посягнуть на общественную читальню.

— Хорошо, — ответила она. — Все равно придется спереть, но ладно, не в библиотеке, раз уж ты такой строгий.

— А где?

— Да боже мой! — засмеялась она. — Куча людей, у которых книги стоят так, для красоты и солидности. Они их все равно не читают. Но дай мне на это дело недели две, а? Дашь?

— На! — сказал я.

Мне не понравился этот разговор, но говорить ей: «ладно, брось, забыли» я тоже не хотел. Это было бы совсем глупо.

Через две недели она позвонила вечером и сказала, что через пять минут зайдет.

Раздеваться не стала. Вытащила из сумки сверток — книга была завернута в цветастый платок. Сообщила, что сперла нужный том у своей давней знакомой Марины Морозовой — кажется, я ее мельком когда-то видел, но плохо помнил. Рассказала, что сначала высмотрела Достоевского в шкафу в кабинете ее папаша, а потом — а именно сегодня вечером, прямо вот только что — сумела-таки вытащить книгу, сунуть ее под свитер, в ванной перепрятать в сумку — «и вот я пред тобою, мой милый!».

— Но ты хоть прочитала? — неизвестно зачем спросил я.

— А то! Хорошая книга. Но тяжелая. В обоих смыслах! — она развернула платок, достала восьмой том «серого» Достоевского, положила на приступочку у вешалки, повернулась и убежала.

Я вышел за нею, послушал, как лифт едет вниз, вернулся, взял книгу и понес ее на место. Отодвинул в сторону фарфорового мальчика с собакой, раздвинул седьмой и девятый тома, и вдруг почувствовал, что книга и в самом деле тяжеловата.

Раскрыл ее. Слава богу, в комнате никого не было. В середине книги была вырезана сердцевина страниц по форме пистолета. И пистолет был на месте. Не Макаров и не ТТ. Что-то иностранное. Я не стал рассматривать. Я захлопнул этот чертов восьмой том и задумался.

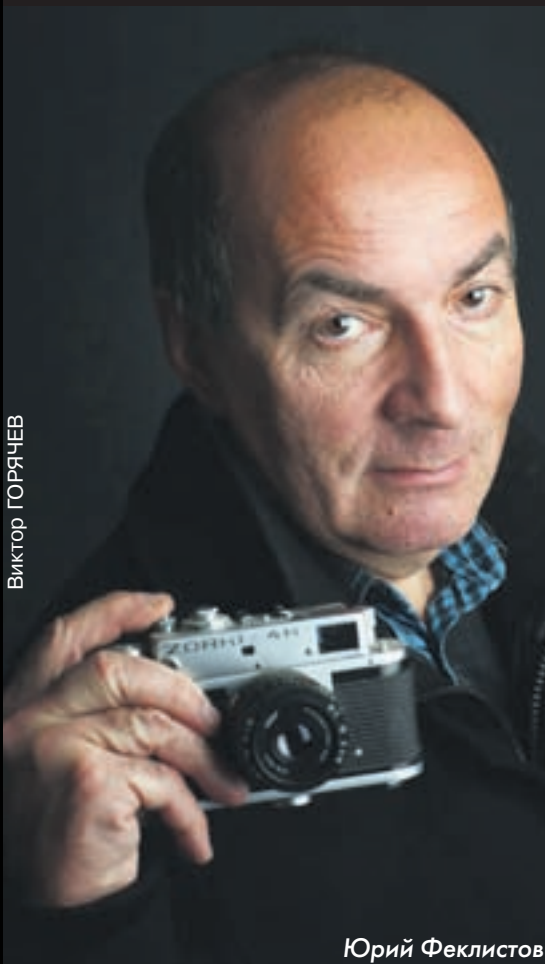
Это была пятница, в субботу мы всей семьей ехали на дачу, там я скотчем примотал к книге камень, и в лесу бросил ее в болотце. Хотя камень был лишним. Она бы с пистолетом и так утонула. Восьмого тома я так и не достал, потом, уже после смерти родителей, купил новое собрание сочинений, академическое, бежевое, в тридцати томах. Вот и всё...

Да, чуть не забыл! Подруга рассказала, что папаша этой Марины Морозовой через пару дней вечером сел в машину и уехал, и больше его не видели.

Остаются ТОЛЬКО фотографы.

ФОТОКОРРЕСПОНДЕНТ
ЮРИЙ ФЕКЛИСТОВ
РАССКАЗЫВАЕТ
ЖУРНАЛИСТУ **ПАВЛУ
ГУТИОНТОВУ**
О СВОИХ ЛЮБИМЫХ
СНИМКАХ И ИСТОРИИ
ИХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ

Виктор ГОРЯЧЕВ

Юрий Феклистов

И память об их героях

Первый раз я увидел «вживую» Горбачева и снимал его 10 марта 1985 года. Так получилось, что я после ВГИКа служил в армии, в училище имени Верховного Совета фотографом, а потом меня перевели фотографом же в комендатуру Москвы на Басманную. Я был рядовой, у меня была фотолаборатория в подвале, и вот первая моя съемка: умер Черненко¹, и мы с комендантом Москвы, генерал-майором Серых Владимиром Дмитриевичем, садимся в машину, солдат-срочник за рулем, я рядом, а Серых, как он любил, сзади. И говорит он мне: сними меня с новым генсеком. Сами похороны обеспечивала комендатура Кремля, а всю церемонию прощания — комендатура Москвы. Приехали Маргарет Тэтчер, Бабрак Кармаль, Рауль

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ «ГОРБИ»

Кастро, Арафат², все приехали, кто жив еще был... И появляются: Серых впереди, за ним Горбачев, и старики из Политбюро — Гришин, Романов³... Все за ним идут, понурые такие. Два часа назад избрали и идут.

Первые минуты Горбачева. Потом он к родственникам черненковским подошел, соболезнование выразил...

Отпечатал я, значит, снимки, Серых отдал, родителям отвез. Смотрите, мол, молодой какой — ему 54 было. Они рассмотрели, ой, говорят, пятно на голове... Тогда же его все ретушировали, только где-то года через два перестали...

Потом все началось, никто предсказать не мог, перестройка и все такое.

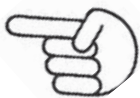

Гушин⁴ перешел в «Огонек» первым замом к Коротичу, Юмашева⁵ забрал редактором отдела писем, и в 88-м они меня позвали из «Комсомолки». И я то ли по радио услышал, то ли где еще, что Любимов приезжает на разведку, так сказать, посмотреть, что да как. Он же был лишен гражданства, и вот Горбачев дал ему разрешение — на десять дней, частным

гостем Губенко⁶. Шесть лет в Москве не был. И я подхожу к своему начальнику фотоотдела знаменитому Геннадию Викторовичу Копосову, а в отделе тогда у него работали Бальтерманц, Гольц, Игорь Гаврилов, Кривцов Павел, Награльян, Лев Шерстенников... Такие корифеи.... Я самый молодой был, мне двадцать семь лет. Так вот, я говорю Геннадию Викторовичу, можно я снимаю Любимова эти десять дней... Давай, отвечает. И эти десять дней я хвостиком за ним пробегал.

Остаются только фотографии

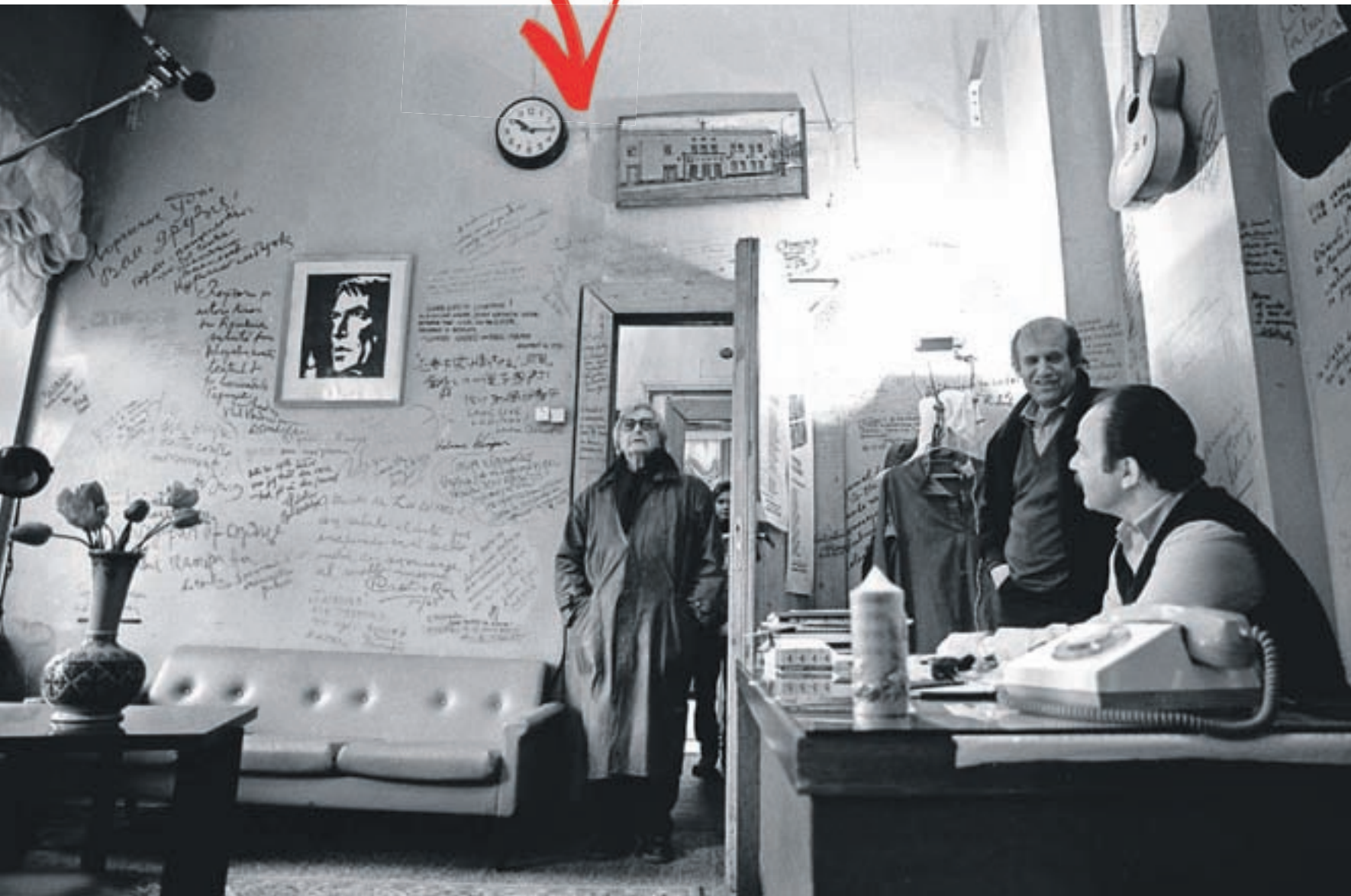

В газете это невозможно было. В газете дали снимок из аэропорта и забыли о нем. В журнале же могли и разворот дать, и четыре полосы, и восемь... Я тут проявил инициативу.

Ну был я в аэропорту, снял, вся труппа приехала его встречать, весь театр... Потом они — в машину и уехали к Губенко, у него

он жил. А я помнил знаменитую фотографию Плотникова, где Любимов у себя в кабинете, и все стены автографами знаменитых людей расписаны... Ну, я думаю, надо снять, как он переступает впервые порог своего кабинета. А как туда попасть? И когда он туда придет? Ну я сразу поехал в «Комсомолку», у меня там еще кабинка оставалась, и в тот же день штук двадцать снимков отпечатал, час-полтора у меня это заняло, пошел в библиотеку, там же, в «Комсомолке», взял справочник Союза кинематографистов, нашел адрес Губенко:

Фрунзенская набережная, дом такой-то, домофонов тогда не было... И я с пачкой фотографий туда. Звоню в квартиру Губенко, он открывает, видит на груди у меня фотоаппарат, не знаю, зачем я его повесил: нет, нет, никаких съемок, мы только что приехали, отдыхаем... Я не за этим, говорю, я привез фотографии, хочу подарить на память, возьмите и Юрию Петровичу отдайте. Он за карман: сколько я вам должен? Да не надо мне ничего, говорю, вот я хочу кадр сделать, как Юрий Петрович впервые в свой кабинет заходит.

Я из «Огонька», буду за вами эти десять дней хвостиком ходить, если позволите. «Ну а чем я могу помочь?» — спрашивает. «На «Таганку» так просто не зайдешь, — отвечаю, — не могли бы вы написать, чтоб меня пустили?»

И он написал мне в охрану: прошу пропустить 10 октября в 10.00 корреспондента «Огонька» такого-то...

10-го я заранее в кабинет пришел, под столом точку себе выбрал. Любимовский стол никто не занимал, а по краям столы Губенко и Боровского... И вот открывает Юрий Петрович дверь, и руками вот так разводит...

Я потом десять дней снимал. Как он «Бориса Годунова» репетировал, «Высоцкого»... Потому что это одно из его условий было — возродить спектакль, его же только один раз до этого сыграли...

Короче, в журнале у меня из всего этого только один кадр и напечатали, вот этот. Правда, крупно, на полполосы: «Не ждали...» — назывался.

Это была моя первая публикация в «Огоньке», зато заметная. Многие даже до сих пор помнят.

А Губенко потом стал министром культуры при Горбачеве.

Мы были в командировке с Олей, женой моей молодой, она тоже в «Огоньке» работала, мы только поженились в январе и поехали 18 августа в Пензенскую область, в город Кузнецк. Я, кстати, туда уже раньше ездил, делал репортаж, обложка была... Саша Калашников, режиссер самодеятельного театра БУФ, в Кузнецке, такой маленький городок, с ребятами занимался, с подростками, и мечтал у себя в городе театроград построить, энтузиаст такой, оптимист, и мы с Борей Минаевым⁷ решили его поддержать. Они на повозках с лошадьми ездили по области, ставили свои декорации, показывали «Кошкин дом» по Маршаку деревенским детям. А тут звонит, говорит, придумал новый спектакль, ковбойский, на лошадях, вестерн. И 18 августа в Пензе на площади народ собрался, проскакали они на лошадях, а на следующее утро должны были по деревням ехать. И вот спим мы в гостинице, утром, ни свет ни заря, звонок, мобильных еще не было, по городскому, Саша звонит: вставай, путч, Горбачева убили... Я ему: да ты

пьяный, что ли, какой путч? У меня сразу: путч, Альенде, автомат — ассоциации из пионерского детства. Он: включай телевизор и трубку положил.

Включаем телевизор, «Лебединое озеро» прерывается, и сообщение: Горбачев не может продолжать исполнять свои обязанности... газеты закрываются... Я жене: надо в Москву! Мы — на вокзал. А билетов нет, уговорили проводников, пустили нас в общий вагон... Так ночь проехали.

20-го в Москве. Здесь уже Ельцин выступил с танка, прошла знаменитая пресс-конференция на Зубовском, где трясущиеся руки были, мы все это потом узнали, в поезде только радио было. Ну, думаю, все профукали, а мы тогда жили на Смоленской, до Белого дома рукой подать, я сразу в «Огонек», думаю, закро-

ют — хрен зайдешь; в черных мешках негативы, бумаги всякие домой оттащили.

И в Белый дом — я потом трое суток там провел. Кстати, Валю Юмашева туда так и не пустили, у меня карточка парламентского корреспондента была, мне — пожалуйста, а его нет. Я им говорю: это же автор «Исповеди на заданную тему»⁸, книжка уже вышла. Но его не пустили все равно...

Ельцин проводил совещание, где сказал, что Руцкой⁹, Силаев¹⁰, еще кто-то полетят в Крым за Горбачевым. Я на балконе сидел, вижу внизу в первом ряду Паша Воцанов¹¹. Ему записку бросил: если полетите, возьмите меня...

Остаются только фотографии

Не знаю, передали ли ему записку, он не перезвонил, не откликнулся...

В общем, трое суток по Белому дому пробродил, в башенку с часами залез, снял сверху костры, людей... Напряженка была. Ждали штурма, раздавали противогазы. А ими пользоваться никто не умеет. Разъясняли: пописать, смочить... Говорили, «Альфа»¹² рядом, в скверике...

Потом набрел на радиостудию в цокольном этаже, оттуда на площадь депутатов транслировали Политковского¹³, помню, Югина¹⁴... Потом смотрю — Ростропович! Он как раз в Москву прилетел. И у него человек какой-то на плече заснул. Я сначала через стекло снял, потом внутрь зашел. А у Юры (я тогда, конечно, не знал, как его зовут) на коленях

автомат. И Ростропович взял его, вертеть начал, он же виолончелист, не держал в руках ни разу. Я сделал тогда пять или шесть кадров, потом выбрал, где глаза у него грустные. В «Огоньке» снимок на всю полосу поставили, это редко тогда так снимки давали, многие запомнили.

А Юра Иванов, охранник, он, правда, не охранником был, а юристом в Белом доме, ему Коржаков¹⁵ дал автомат, вот, говорит, Ростропович, охраняй. Да я стрелять не умею! Тебе и не надо уметь, скобу вниз сдвинешь и — вверх стреляй. И кричи: здесь Ростропович, не стреляйте!..

Потом Юра с Ростроповичем подружился, тот его на день рождения пригласил, на Новый год, называл его «мой Санчо Панса»...

Я

часа ночи...

тогда удивлялся еще, почему Горбачев в августе 91-го на площадь не приехал? Все его ждали. Два часа ночи... Три

И только потом узнал, что он у жены был, она в Крыму insult перенесла...

Тридцать лет прошло. На спектакле «Горбачев» в Театре наций, последний его был выход на публику, я его тоже снимал... Предпремьерный спектакль, для

него специально прогон сделали... Он в глубине ложи сидел. Только Чулпан¹⁶ и Миронов¹⁷ его видели со сцены, звук специально на него давали...

Потом весь зал, конечно, встал, овацию ему устроили...

У него тогда, в 1991-м, был выбор: на площадь, к людям, или к родному человеку.

Снимал в Переделкине Булата Окуджаву в 94-м году. Я случайно увидел в секретариате макет номера, ты помнишь, тогда всё от руки рисовали: здесь текст, здесь фотография... И вижу: запланированы новые стихи Окуджавы, а я Окуджаву очень всегда любил — и песни, и стихи. Давайте, говорю, я снимок сюда сделаю. Ну давай, если договоримся... Опять же справочник Союза писателей взял в библиотеке, нашел Окуджаву, позвонил... Булат Шалвович, я корреспондент «Огонька», хотел бы вас сфотографировать... Он мне время назначил, адрес продиктовал: Переделкино, дом 10.

Все просто было.

Конец октября — начало ноября, почти зима. Я до Переделкина доехал и от станции минут сорок шел, уже снежок первый выпал, пока дошел, вымерз весь, дрожу. Он мне: надо же было до станции Мичуринец ехать!.. А вы мне не сказали... Ну согрейтесь, я компот только что сделал, яблочный. Попил я компота. Он мне: что я должен делать? Пройдите по кабинету (ну там, где колокольчики у него висят), к окну подойдите... А я заметил, к стеклу у него листок прилепился, а окно запотевшее, давайте я вас снаружи сниму... Потом он свою сванскую шапочку надел, прошел по первому снегу, на крыльцо поднялся... Все безропотно делал, что я ему говорил.

И «Огонек» дал три фото вертикальных: окно с этим листиком, двор... Под настроение к его поздним стихам...

Во ВГИКе показывали фильм «Сталкер» Тарковского; нам все новые фильмы привозили, еще до Дома кино, до всех просмотров... Мы потом на семинаре по современному кино эти фильмы обсуждали, оценку давали, что хорошо, что плохо нам кажется... По средам показывали.

Так вот: «Сталкер», «Сталкер»! — и все в актовый зал побежали. А я только поступил, на первом курсе учусь... Зал уже весь заполнен, я на балкон смог забежать.

Остаются только фотографии

Смотрю, ничего не понимаю, люди какие-то странные, идут куда-то, разговоры разговаривают... Что происходит? И — бац! — «Конец первой серии». Ни фиги себе, думаю. Вторая серия начинается, опять непонятно. Я-то воспитан на «Неуловимых мстителях», «Аквапанги на дне»... семья у меня простая, папа токарь, мама гальваник, к такому кино я не привык. Это теперь, не помню уж сколько раз «Сталкер» пересмотрел, один из любимых моих фильмов.

На следующий день обсуждение. Старшие ребята говорят: триединство, то-се...

И все упор делают на стихотворение, которое Кайдановский читает: «Вот и лето прошло...», отца Тарковского, я и это имя впервые услышал. А тогда пошел в библиотеку, взял сборник Арсения Александровича, замечательные стихи оказались. И мы с однокурсником Сашей Добжинским решили поехать сделать портрет... Не помню, где адрес взяли, Олег Хлебников¹⁸, кажется, дал, он тогда в «Комсомолку» ходил... живет, сказал, в переделкинском доме творчества. Там такие коморки, метр на полтора, как могила, стол да кровать помещаются... Приехали, стучимся... Мы студенты ВГИКа, Арсений Александрович, снимайте вас, если разрешите... Жена: Арсюшенька сейчас оденется... Оделся он, вышел, сел на скамеечку, мы его портреты сделали хорошие.

Помню, идет мимо Вознесенский, весь в белом. «Андрюша, Андрюша!.. Идите к нам, идите к нам!..» Подошел, сел, мы их вдвоем снимали. Вознесенский спрашивает: вы, Арсений Александрович, мою книжку прочитали? Да, да, очень хорошие стихи, очень хорошая книжка, спасибо... Потом Вознесенский ушел, он нам так виновато говорит: стихи, конечно, не очень... Но как его обидеть?..

Потом я несколько раз к нему приезжал уже один, когда Тарковский жил в Доме ветеранов кино, там условия лучше были; там он и умер, я его и хоронил, на отпевании был, на кладбище переделкинском...

Еще снимал королеву Елизавету Вторую во время ее визита в Россию. Оказывается, королева с официальным визитом может страну посетить единственный раз в жизни. И я понял, что другого шанса у меня не будет, в Лондон я, может быть, и попаду, но кто я такой, чтоб меня к королеве подпустили?

Я много снимал Бориса Николаевича, Коржаков меня хорошо знал и дал команду своим, чтобы я работал в «режиме личного фотографа», то есть двое были назначены официально — Донской и Соколов, и я к ним в компанию попал; мог за ко-

ролевой по городу передвигаться, остальные фотографии на точку стали, отсняли за секунду и — все. А я мог за кортежем двигаться. В Кремле снимал, в Петербург за королевой поехал, на ее яхте был, в Царском Селе... Кстати, моя Оля даже ручку ей пожала: в Третьяковской галерее была встреча с женщинами-журналистками, туда и Оля угодила. Пришло ей в «Огонек» приглашение на английском: «Мадам Литвякова, разрешите вас пригласить...» Говорит, поставили по периметру большого зала человек тридцать из разных изданий, Елизавета обошла всех, каждой руку протянула, в ответ ей книксен надо было сделать, королева каждой по вопросу задала, не помню уж, что она у Оли спросила...

На яхте в Петербурге я снимал встречу королевы с Борисом Николаевичем и Наиной Иосифовной. Меня еще поразило, как у англичан служба протокола работает: подарки подготовлены были с учетом интересов каждого, кому пода-

рок предназначен, причем — абсолютно неформально. Наине Иосифовне королева подарила огромную коробку со множеством отделений. А там семена овощей, цветов и фруктов из королевского сада и с соответствующими надписями каждая ячейка.

А то какую-нибудь ужасно дорогую безделушку вручат, что с ней делать?

Сейчас этот ящик в Екатеринбурге, в Ельцин-центре; естественно, без семян, Наина Иосифовна все, конечно, посеяла...

Что еще меня поразило, это что королевский кортеж очень медленно всегда проезжал. Не то что у нас — под сто сорок километров, да по пустому городу... В «Роллс-Ройсе» с абсолютно чистыми, прозрачными стеклами да еще с подсветкой внутри, и она людей приветствует.

Остаются только фотографии

А это снимок «Алого паруса», я с ними дружил и накануне своего ухода в армию в 1984-м предложил им сфотографироваться. И тех, кто раньше в «Парусе» работал (ты¹⁹, Кушнерев²⁰), и Валю Юмашева, Свету Орлюк²¹, Женю Двоскину²², Дьякову Лену²³... Все молодые, счастливые.

Сейчас уже нет Светы, Лены Дьяковой, Сережи Кушнерева...

Тут была у меня недавно выставка — называлась «Мои современники». Отдельные стенды — о тех, кого много снимал: Горбачев, Ельцин... И напротив единичные, так сказать, портреты: Гайдар, Немцов... Я пять раз ездил на Каннский фестиваль, снимал Депардьё, Тину Тернер, Клуни, Ришара... И тут подумал: восемьдесят процентов из этих людей уже нет... Окуджаву я снимал, когда ему семьдесят было, а в следующем году сто лет отмечать будем... Остались только фотографии. И память.

Выслушал и записал
Павел Гутионтов

Пояснения

¹ Константин Черненко, генеральный секретарь ЦК КПСС.

² Маргарет Тэтчер, премьер-министр Великобритании. Бабрак Кармаль, президент Афганистана. Рауль Кастро, второй секретарь ЦК компартии Кубы. Ясир Арафат, председатель Организации освобождения Палестины.

³ Виктор Гришин, Григорий Романов, члены Политбюро ЦК КПСС.

⁴ Лев Гуцин, был редактором «Московского комсомольца», зам главного редактора «Комсомолки», зам главного редактора перестроичного «Огонька» и его редактором, затем главным редактором «Литгазеты».

⁵ Валентин Юмашев, корреспондент «Комсомольской правды», с 1981 года «капитан» «Алого паруса», затем член редколлегии «Огонька», его генеральный директор. С 1997 года — глава администрации президента России, с 1998-го по апрель 2022-го — советник президента. Автор литзаписи книг Ельцина. Женат вторым браком на его дочери.

⁶ Николай Губенко, народный артист СССР, режиссер, в описываемое время возглавлял Театр на Таганке. Короткое время министр культуры СССР.

⁷ Борис Минаев, тогда корреспондент «Алого паруса». Ныне писатель, автор книг, романов «Мужской день»,

«Ковбой Мальборо...» и др. В 2010 г. в серии ЖЗЛ вышла его книга «Ельцин».

⁸ Первая мемуарная книга Бориса Ельцина.

⁹ Александр Руцкой, вице-президент России.

¹⁰ Иван Силаев, премьер-министр России.

¹¹ Павел Воцанов, журналист «Комсомолки». В самом начале 90-х был пресс-секретарем Ельцина, затем несколько лет обозревателем «Новой газеты».

¹² «Альфа», спецназ КГБ СССР.

¹³ Александр Политковский, телеведущий, народный депутат России.

¹⁴ Виктор Югин, редактор ленинградской «Смены», народный депутат России.

¹⁵ Александр Коржаков, майор КГБ, «прикрепленный» к члену Политбюро Ельцину. Впоследствии генерал-лейтенант, глава Службы безопасности президента России. Один из влиятельнейших людей страны. Уволен в отставку в 1996 г.

¹⁶ Чулпан Хаматова, народная артистка России. С 2022 г. за границей.

¹⁷ Евгений Миронов, народный артист России, с 2006 г. главный режиссер Государственного Театра наций.

¹⁸ Олег Хлебников, кандидат физико-математических наук, журналист, поэт, был самым молодым членом Союза писателей СССР, лауреат премий. В течение многих лет зам главного редактора «Новой газеты».

¹⁹ Павел Гутионтов, до 1981 г. «капитан» «Алого паруса», затем зав отделом науки «Комсомольской правды». В годы перестройки обозреватель «Известий». Затем секретарь Союза журналистов России, обозреватель «Новой газеты».

²⁰ Сергей Кушнерев, корреспондент «Алого паруса», затем зав студенческим отделом, ответственный секретарь «Комсомольской правды», один из основателей «Новой газеты». В течение девятнадцати лет главный редактор телекомпании «Вид» на телевидении. Умер в 2017 г.

²¹ Светлана Орлюк, корреспондент отдела писем «Комсомолки», затем — «Новой газеты». Умерла в командировке в 1995 г.

²² Евгения Двоскина, замечательная художница, многие годы оформляла «Алый парус»; автор книг.

²³ Елена Дьякова, поэт, корреспондент «Алого паруса», затем обозреватель «Новой газеты». Умерла в 2023 г.

Что в следующем номере?

- Законодательная атака на «нетрадиционные» ценности
- Почему мы ведем себя, как последние люди на Земле?
- Как была устроена и как работала теневая экономика в СССР

ГОРБИ
GORBY